K 44 4/90

К 44 4/90
4/90
49447
I 1/44

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ ДОМѢ ГЕРМАНСКАГО ПРИНЦА.

Воспоминанія англійской гувернантки.

Кн-во «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ».

Душа и тѣло ребенка.

Коллективный трудъ спеціалистовъ по вопросамъ воспитанія дѣтей и уходъ за ними отъ рожденія до зрѣлости, подъ редакціей **д-ра ОРШАНСКАГО.**

Содержаніе: Бракъ, наслѣдственность и этика размноженія. Обязанности матери передъ рожденіемъ дѣтей. Красота ребенка. Тѣло ребенка и его развитіе. Питаніе грудного младенца. Общій физическій уходъ и гигіена ребенка въ раннемъ возрастѣ. Гигіена дѣтской. Уходъ за здоровьемъ дѣтей школьнаго возраста. Дѣтскій ростъ. Питаніе ребенка. Глазъ. Уши, глотка и носъ. Уходъ за зубами въ дѣтскомъ возрастѣ. Одежда ребенка. Острыя инфекціонныя болѣзни въ дѣтскомъ возрастѣ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при заболѣваніяхъ дѣтей. Половой вопросъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Душевная жизнь ребенка. Нравственное чувство ребенка. Влеченіе ребенка къ игрѣ и искусству. Нервность въ дѣтскомъ возрастѣ. Дѣтскія самоубійства. Ребенокъ и преступленіе Характеръ и его недостатки. Художественное устройство дѣтской. Развитіе рѣчи и задержка ея. Игры и занятія ранняго возраста. Иллю-

См. стр. 3.

нов. К44 4/90

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ ДОМѢ ГЕРМАНСКАГО ПРИНЦА.

Воспоминанія англійской гувернантки.

Переводъ съ англійск. ***Е. Торнеусъ.***

МОСКВА.
Кн-во «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ».
1915 г.

БИБЛИОТЕКА Г. И. Н.
№ 617
10 – I 1931 г.

Типограф. Акц. О-ва „Московск. Издателъство“, Б. Дмитровка, 26.

ПЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ ДОМѢ ГЕРМАНСКАГО ПРИНЦА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Пять лѣтъ тому назадъ я поступила гувернанткой въ домъ одного изъ германскихъ принцевъ, который я оставила въ августѣ 1914 года.

Впродолженіи четырехъ лѣтъ я исполняла свои обязанности по отношенію къ тремъ дѣтямъ принца, такъ хорошо, какъ только могла. Что же касается остального времени вплоть до объявленія войны между Франціей и Германіей, мое поведеніе было иное. Я не только исполняла свой долгъ гувернантки, но и долгъ англійской гражданки. Мои хозяева были нѣмцы, они вѣрили мнѣ и я не знаю хорошо или дурно я поступала. Знаю только, если когда-нибудь мнѣ пришлось бы пережить нѣчто подобное, я поступила бы

также. Можетъ быть это нехорошо, что я предаю гласности то, что я слышала, видѣла и о чемъ догадывалась насчетъ политическаго положенія Германіи, живя въ семьѣ одного изъ родственниковъ германскаго императора, имѣвшаго связи съ германскимъ генеральнымъ штабомъ. Было бы непростительно, во всякомъ случаѣ, если бы я назвала имена тѣхъ, къ кому все это относится.

Онъ и его жена дѣлали для меня все возможное до самаго конца, когда это было и трудно и даже опасно. Я чувствую себя обязанной имъ, несмотря на то, что я пережила: и когда я говорю о нихъ въ этой книгѣ, то мнѣ приходиться скрывать нѣкоторую долю истины.

Что же касается большинства важныхъ особъ, которые пріѣзжали къ нимъ, то съ ними дѣло обстоитъ иначе. Этимъ лицамъ я ничѣмъ не обязана и не вижу причины, чтобы скрывать ихъ имена. Большинство изъ нихъ, по собственному желанію, сбросили свои маски и объявили себя врагами Англіи, если не всего человѣчества, стоящаго внѣ германской культуры.

То, что я хочу разсказать, покажетъ всѣмъ, какъ долго скрывали они свои настоящія чувства.

Прежде чѣмъ начать разсказъ о томъ, что я пережила за четыре года службы въ качествѣ гувернантки, и одного года добровольнаго шпіонства, я должна объяснить какимъ образомъ я попала въ домъ этого принца.

I.

Мой дѣдъ—морякъ.—Мое знакомство съ принцемъ Генрихомъ.—Въ замкѣ на Рейнѣ.—Странная игрушка.

Мой отецъ былъ англичанинъ и происходилъ изъ дворянской семьи. Въ молодости онъ служилъ въ англійскомъ посольствѣ въ Вашингтонѣ и тамъ женился на американкѣ, дочери морского офицера, который во время своихъ кругосвѣтныхъ плаваній встрѣчалъ германскаго императора и его брата, принца Генриха Прусскаго. Мой дѣдъ-американецъ говорилъ всегда, что знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ дало ему возможность завязать много интересныхъ знакомствъ. По его настоянію ко мнѣ была взята гувернантка-нѣмка. Я ненавидѣла ее и все то, чему она меня учила, совершенно не подозрѣвая, какое значеніе ея уроки будутъ имѣть для моего будущаго. Именно ей я и обязана, хотя и косвенно,

единственнымъ крупнымъ событіемъ моей жизни.

Я была еще маленькой дѣвочкой, когда моего отца перевели въ Англію, гдѣ вскорѣ умерла моя мать. Когда я подросла, меня отдали въ Коллэджъ королевы, гдѣ я пробыла до смерти отца.

Мнѣ было тогда 18 лѣтъ. Послѣ отца у меня осталось очень маленькое состояніе. Я занималась перепиской на пишущей машинѣ, и надѣялась получить въ будущемъ мѣсто секретаря. Но вышло иначе.

Одинъ изъ родственниковъ моего отца встрѣтилъ въ Лондонѣ одного американца, политическаго дѣятеля, который искалъ молодую англичанку въ компаньонки къ своей 15 лѣтней дочери. Мнѣ предложили это мѣсто, я согласилась и возвратилась въ свой родной городъ Вашингтонъ, гдѣ я провела первые восемь лѣтъ своей жизни.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда на родину, туда пріѣхалъ принцъ Генрихъ Прусскій на празднества, по случаю мирнаго разрѣшенія Манильскаго конфликта, происшедшаго въ 1902 году. Онъ былъ очень любезенъ со всѣми—въ этомъ, въ сущности и заключалась его миссія,—и между прочимъ и съ родителями моей воспитанницы. Я была ему представлена, потому что

говорила по-нѣмецки, и потому что приходилась внучкой извѣстному моряку, чье имя всегда придавало мнѣ извѣстный вѣсъ въ глазахъ общества.

Принцъ Генрихъ былъ очень благосклоненъ ко мнѣ и вспомнилъ о «братѣ-морякѣ, этомъ замѣчательномъ американцѣ».

— Почему вы предпочитаете мой языкъ французскому?—спросилъ онъ. Всѣ молодые люди въ Америкѣ и Англіи предпочитаютъ французскій.

Я отвѣтила ему, что очень люблю Шиллера и Гете (я не посмѣла сказать: и Гейне) и съ наслажденіемъ читаю ихъ произведенія въ оригиналѣ;—сказала, что восхищаясь Вагнеромъ и никогда не пропускаю случая послушать его оперы.

Мой отвѣтъ очень понравился принцу, который считалъ себя большимъ знатокомъ въ поэзіи и музыкѣ. Онъ сказалъ, что не раздѣляетъ взгляда своего брата (кайзера) на Вагнера и также очень любитъ его музыку.

Слѣдующій разъ я встрѣтила принца Генриха черезъ нѣсколько лѣтъ уже въ Лондонѣ. Онъ пріѣзжалъ навѣстить своего стараго друга, лорда N, въ домѣ котораго я жила въ качествѣ секретаря его жены.

Узнавъ о томъ, что я живу въ домѣ, онъ пожелалъ меня видѣть. За мной послали.

Принцъ Генрихъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о томъ, что произошло со времени нашей послѣдней встрѣчи. Онъ выглядѣлъ старше и сталъ по-моему еще больше похожъ на царя.

— Вы такъ хорошо изучили Германію,— сказалъ онъ,—и ни разу не были тамъ? Вы непремѣнно должны поѣхать въ Германію. У меня есть для васъ мѣсто на примѣтѣ.

Я спросила его, что это было за мѣсто, но онъ только покачалъ головой.

— Имѣйте терпѣніе,—сказалъ онъ на чистомъ англійскомъ языкѣ и хитро улыбаясь.—Мѣсто еще не совсѣмъ готово.

Исполнилъ ли принцъ свое обѣщаніе вспомнить обо мнѣ, или же это было дѣломъ случая,—я такъ и не узнала, но въ 1909 году одна дама, принадлежащая къ высшей прусской аристократіи обратилась къ моей хозяйкѣ, какъ къ человѣку, знающему германское общество и бытъ и просила ее рекомендовать ей воспитанную и хорошаго происхожденія англичанку въ домъ одного прусскаго принца.

У этого принца было два сына, которымъ пора уже была начинать учиться и маленькая дѣвочка, немного постарше, племянница принцессы, которая воспитывалась вмѣстѣ съ ними. Принцесса желала, чтобы гу-

вернантка была не старше тридцати лѣтъ, такъ какъ она держалась того взгляда, что только молодая женщина можетъ съ удовольствіемъ играть съ дѣтьми и возбудить въ нихъ дѣйствительный интересъ къ ученію и спорту.

Знаніе нѣмецкаго языка было обязательно, такъ какъ многіе члены семьи не говорили по-англійски.

Какъ разъ въ это время я собиралась уѣзжать въ Америку изъ-за своей неудачной помоловки. Леди N. предложила мнѣ взять это мѣсто.

Мысль о большой отвѣтственности и о томъ обществѣ, которое я встрѣчу, пугала меня. Я ненавидѣла придворный этикетъ, лицемѣрный и притупляющій, приносящій все въ жертву приличію. Я знаю, многія женщины позавидовали бы моему счастью, но я готова была отказаться, если бы леди N. не уговорила меня. Она сказала мнѣ, что я буду находиться среди людей, которые дѣлаютъ для исторіи въ одинъ годъ больше, чѣмъ въ прежнее время въ 20 лѣтъ, что это было бы безуміемъ, если бы я отказалась отъ такого интереснаго случая.

Я подумала и рѣшила, что она была права.

Леди N. рекомендовала меня и меня нашли вполнѣ подходящей. Нужно было выпол-

нить нѣсколько чисто внѣшнихъ формальностей и когда все это было окончено, я отправилась въ Германію, чувствуя себя одинокой и безпокоясь за свое будущее.

Передъ отъѣздомъ я слышала тысячи разсказовъ о принцѣ и принцессѣ.

Каждый считалъ своимъ долгомъ предостеречь или приготовить меня къ тому, что меня ожидало.

Разсказы были такъ противорѣчивы, что я ни одному не придала значенія. Гораздо пріятнѣе было встрѣтиться съ людьми безъ всякаго предубѣжденія, узнавъ о нихъ только то, что стояло въ альманахѣ Гота.

Изъ этой книги я узнала, что мои хозяева были еще молодые люди. Принцесса была отчасти французскаго происхожденія и ея родъ былъ древнѣе рода ея мужа. Послѣдній занималъ очень высокій постъ въ арміи, несмотря на свой возрастъ; они имѣли одинъ дворецъ въ Берлинѣ, другой въ Потсдамѣ, затѣмъ два замка въ Шварцвальдѣ и на Рейнѣ. Я узнала сколько лѣтъ ихъ дѣтямъ, которымъ уже пора было перейти изъ рукъ няни въ руки гувернантки, а также о ихъ кузинѣ-дѣвочкѣ.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ пришла телеграмма съ измѣненіемъ инструкцій. Вмѣсто предполагаемой на лѣто резиденціи въ

Потсдамѣ, мнѣ нужно было ѣхать въ замокъ на Рейнѣ.

Въ Потсдамѣ вспыхнула сильная эпидемія. Поѣздка на Рейнъ казалась мнѣ гораздо пріятнѣе, а замокъ представлялся непремѣнно романтичнымъ.

Былъ вечеръ, когда я пріѣхала на ближайшую отъ замка станцію. Тамъ меня ждалъ закрытый сѣрый автомобиль съ короной и гербомъ на дверцѣ. Кузовъ его былъ большой и комфортабельный, съ мягкими сидѣньями. Круглыя окна были защищены желѣзной сѣткой такъ, что если бы они разбились, то осколки не могли бы причинить вреда, сидящимъ внутри. Автомобиль былъ очевидно не новый; онъ предполагался, конечно, для дѣтей и былъ сдѣланъ въ Германіи, въ чемъ я убѣдилась по названію фирмы на мѣдной ручкѣ. Я слышала впослѣдствіи, что этотъ автомобиль былъ подаренъ моимъ будущимъ воспитанникамъ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ, который поддерживалъ автомобильный спортъ въ Германіи.

Конечно, это было неразумно предаваться унынію изъ-за пустяковъ, но жесткій взглядъ свѣтло-голубыхъ глазъ шоффера и ливрейнаго лакея, заставилъ меня почувствовать,

что я иностранка, и принадлежу къ той націи, которую въ Германіи недолюбливаютъ.

Я слышала, что слуги-нѣмцы очень привѣтливы, въ особенности въ аристократическихъ домахъ. Но эти автоматы, затянутые въ свои узкія ливреи и съ блестящими шапками, которыя имъ были малы, смотрѣли на меня, какъ на самый несимпатичный имъ британскій продуктъ. Это были пруссаки: и въ ихъ каменной манерѣ держаться я въ первый разъ увидѣла выраженіе той вражды, которую они всѣ питали къ англичанамъ.

Это заставило меня невольно содрогнуться.

На станцію вышло много народу, и цѣлая толпа стояла и во всѣ глаза смотрѣла на меня и на ливрейныхъ лакеевъ. Я потомъ замѣтила, что рѣшительно всѣ нѣмцы имѣютъ привычку смотрѣть на иностранцевъ, какъ на невиданное чудо.

Автомобиль тронулся.

Скоро показался каменный замокъ на Рейнѣ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ старыхъ нѣмецкихъ замковъ, которыхъ въ Германіи осталось немного, такъ какъ большинство резиденцій богатыхъ и знатныхъ людей строятся теперь во французскомъ или классическомъ стилѣ.

Мнѣ очень нравились въ этомъ замкѣ мощеные внутреніе дворы, кишѣвшіе го-

лубями, и тяжелыя дубовыя двери, обитыя желѣзомъ.

Когда мы подъѣхали, толстый старый слуга съ краснымъ лицомъ, въ ливреѣ и въ розовыхъ чулкахъ помогъ мнѣ выйти изъ автомобиля. Онъ провелъ меня черезъ пустой большой вестибюль по лѣстницѣ въ залу.

Несмотря на его нарядъ, въ которомъ онъ выглядѣлъ такъ смѣшно, мнѣ онъ понравился больше, чѣмъ лакеи, ожидавшіе меня на станціи.

Онъ слушалъ меня почтительно, когда я съ нимъ заговорила по нѣмецки, и отвѣтилъ мнѣ съ мягкимъ акцентомъ, произнося «isch» вмѣсто «ich», какъ произносятъ южане. Это-то и объяснило мнѣ, почему онъ понравился мнѣ больше первыхъ двухъ.

Очевидно меня ждали, такъ какъ старый лакей доложилъ мнѣ, что сейчасъ придетъ «gnädige Frau» которая покажетъ мнѣ мои комнаты. Какъ разъ, когда онъ говорилъ, въ комнату поспѣшно вошла дама, пожилая съ впалыми глазами, и широкимъ лицомъ. Она была высокая и полная, и двигалась съ такимъ усиліемъ, что мнѣ показалось, что она хромаетъ.

Впослѣдствіи я замѣтила, что всѣ пожилыя женщины и мужчины въ Германіи (ис-

ключая офицеровъ), были очень неуклюжи. У вошедшей были усталые глаза, какъ будто она видѣла въ жизни только горе и скуку. Я до сихъ поръ знала очень мало нѣмецкихъ женщинъ, и никакъ не могла опредѣлить, какого класса женщину я вижу передъ собой.

Любезно улыбнувшись, она представилась мнѣ нянькой «маленькой принцессы». Она извинилась, что никто больше не вышелъ меня встрѣтить. Она сказала, что ихъ высочества еще не пріѣзжали, и что дѣтей отправили сюда съ большой поспѣшностью, опасаясь заразы. Ихъ высочества не могли сразу бросить всѣ свои дѣла.

Они никогда прежде не жили въ этомъ замкѣ и его приходилось готовить къ пріему хозяевъ.

— Подумайте только, миссъ,—продолжала она своимъ южнымъ акцентомъ,—какая-то американская семья милліонеровъ, имѣла дерзость предложить ихъ высочествамъ отдать имъ этотъ замокъ на все лѣто. Ни одинъ нѣмецъ, даже средняго класса, не сдастъ вамъ своего дома съ обстановкой. Можете ли вы себѣ представить что-либо подобное? Американцы воображаютъ, что своими деньгами они могутъ все сдѣлать. Но простите, я не хочу сказать дурного, о

вашемъ народѣ. Я даже увѣрена, что «такихъ» тамъ немного.

Я увѣрила госпожу Z., что совсѣмъ не обижена ея мнѣніемъ.

— Я американка только со стороны матери,—объяснила я.—Мой отецъ былъ англичанинъ, и я—британская подданная.

Добрая женщина смутилась.

— Намъ сказали, что вы больше американка, чѣмъ англичанка,—сказала она. Простите, если я захожу слишкомъ далеко, но вы только что пріѣхали въ чужую страну и несомнѣнно встрѣтитесь съ многими затрудненіями. Прошу тысячу разъ извинить меня, то я бы на вашемъ мѣстѣ не говорила, что вы британка, если вы не хотите создать противъ себя предубѣжденія.

Мнѣ хотѣлось отвѣтить ей, что я приглашена въ этотъ домъ въ качествѣ англичанки, и что я горжусь своимъ происхожденіемъ. Но я промолчала, такъ какъ видѣла, что эта женщина желала мнѣ только добра. Я овладѣла собой и увѣрила себя, что ея предостереженіе ни на чемъ не основано, но уже въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ я убѣдилась, что она была права.

Замокъ былъ маленькій, меньше многихъ домовъ, въ которыхъ мнѣ приходилось жить въ Англіи, но расположеніе комнатъ

было такъ запутано, что когда госпожа Z. повела меня въ мои комнаты по многочисленнымъ коридорамъ, то спускаясь, то поднимаясь по лѣстницамъ, я была увѣрена, что никогда не найду дороги обратно. Мнѣ были отведены двѣ смежныя комнаты, обѣ маленькія съ глубокими оконными нишами. Изъ гостиной открывался чудный видъ. Я думаю, что прежде эта комната служила спальней, а сосѣдняя туалетной, такъ какъ кровать была слишкомъ велика для нея и стояла у окна. Мебели было мало и притомъ самой разнокалиберной, хотя очень старинной, изъ тяжелаго дуба и полированнаго орѣха. Тутъ же рядомъ стоялъ китайскій красный письменный столъ, крытый лакомъ. Стѣны были обиты панелью, но завѣшаны французскимъ кретономъ для уютности. Для той же цѣли въ гостиной былъ поставленъ диванъ. Онъ былъ покрытъ голубой парчой, которая трещала всякій разъ, когда я садилась. Въ вазахъ цѣлыми пучками были поставлены розы на короткихъ стебелькахъ. Но нигдѣ не было видно ни одной книги. Хотя погода была жаркая, всѣ окна въ комнатѣ были закрыты. Я узнала послѣ, что это дѣлалось для того, чтобы сохранять въ комнатѣ прохладу.

Госпожа Z.—выразила сожалѣніе, что мои комнаты находятся такъ далеко отъ ванны.

— Въ замкѣ вообще немного ваннъ,—объяснила она мнѣ,—онѣ были устроены еще въ то время, когда ванны считались роскошью. Вамъ будутъ подавать воду въ комнату, но не думайте пожалуйста, что въ другихъ дворцахъ такое же старомодное устройство. Въ замкѣ въ Шварцвальдѣ очень много ваннъ, не говоря уже о Берлинѣ.

Я сказала, что охотно помирюсь со всѣми неудобствами, тѣмъ болѣе, что это не надолго.

— Дѣтямъ очень хочется поскорѣе познакомиться съ вами,—продолжала госпожа Z.—въ особенности маленькой принцессѣ, она уже совсѣмъ большая и понимаетъ по-англійски.

Затѣмъ она предложила мнѣ чаю или кофе, если я не хочу, сейчасъ же итти къ дѣтямъ и приступить къ исполненію своихъ обязанностей.

Я видѣла, что ей очень хотѣлось отвести меня къ дѣтямъ и я сказала поэтому, что я не устала, но хотѣла бы умыться, такъ какъ въ дорогѣ очень запылилась, и выпить чашку чаю.

Госпожа Z. казалось очень обрадовалась и сказала мнѣ, что придетъ ко мнѣ черезъ

полчаса. Это было ужъ очень скоро, но я не протестовала и поспѣшила переодѣться и выпить чаю, который мнѣ подали на подносѣ стариннаго серебра. Чай былъ пареный, чаинки проходили черезъ ситку, но сливки и пирожное были очень хороши. Я не успѣла кончить свой чай, какъ госпожа Z. уже пришла за мной. Она извинилась за нехорошій чай, сказавъ мнѣ, что хозяйство велось здѣсь по старинному, и я не должна судить по тому, что я видѣла здѣсь, о настоящемъ житьѣ ихъ высочествъ. Очевидно, она хотѣла увѣрить меня, что Берлинъ и Потсдамъ, или другой большой городъ, были гораздо лучше англійскихъ городовъ.

Госпожа Z. и другая еще болѣе важная особа, нянька маленькихъ принцевъ, были единственными «высокопоставленными» женщинами среднихъ лѣтъ, которыя сопровождали моихъ питомцевъ. Кромѣ нихъ были еще младшія няньки, которыя прислуживали старшимъ. Надо всѣми въ качествѣ начальницы, состояла «Hofmeisterin», которая не довѣряла въ жизни никому, кромѣ самой себѣ (да еще императрицы и другихъ членовъ царской фамиліи).

Нянька принцевъ была шотландка, какъ мнѣ разсказала госпожа Z. Она дала мнѣ понять, что миссисъ М, няня принцевъ, должна

была бы встрѣтить меня, но отказалась подъ предлогомъ головной боли. По мнѣнію миссисъ М. мальчики были еще слишкомъ малы, чтобы имѣть гувернантку и она не одобряла распоряженія принцессы. Она находила совершенно лишнимъ присутствіе лейтенанта фонъ Х. «военнаго гувернера», на обязанности котораго лежало воспитаніе старшаго принца, выработка изъ него «солдата душой и тѣломъ».

Миссисъ М мирилась еще съ присутствіемъ лейтенанта, но меня она считала совершенно лишней.

— Мальчики обожаютъ лейтенанта,—сказала мнѣ фрау Z.—хотя онъ пробылъ съ ними всего только недѣлю. Имъ очень нравится, что съ ними играетъ взрослый человѣкъ, да еще военный. Кромѣ того онъ воспитанникъ графа Цеппелина и привезъ съ собой игрушку, придуманную и заказанную для принцевъ графомъ, чтобы воспитать въ нихъ воинственный духъ. Мы ихъ застанемъ навѣрнѣе за этой игрой и маленькую принцессу, конечно, съ ними. Они просили докончить разрушеніе Лондона, прежде чѣмъ итти ужинать.

Навѣрное при этихъ словахъ на моемъ лицѣ выразилось изумленіе, потому что госпожа Z., которой была ясна безобразная сторо-

на игры, снова разсыпалась передо мной въ извиненіяхъ.

— Конечно, это только дѣтская игра,— объяснила она.—Надѣюсь, что вы не увидите въ ней чего-нибудь дурного. Надо же было назвать какимъ-нибудь именемъ городъ, они и назвали его Лондономъ.

Меня одолѣвало большое любопытство посмотрѣть поскорѣе на игру, придуманную графомъ Цеппелиномъ для маленькихъ дѣтей,—игру, которая такъ увлекла ихъ, что они предпочитали ее ужину.

II.

Мои воспитанники.—Изобрѣтенія графа Цеппелина.—Бомбы надъ Вестминстерскимъ аббатствомъ.—Германскіе принцы.—Разрушеніе Лондона.—Извиненія лейтенанта.—Война въ дѣтской.—Программа расширяется.

Замокъ окружалъ большой садъ, примыкавшій къ лѣсу: на одномъ концѣ этого сада былъ устроенъ кегельбанъ, плохо сохранившійся, но очень красивый, съ стеклянной крышей.

Когда мы съ госпожею Z. проходили по дорожкѣ, обсаженной розами, до насъ донеслись радостные крики изъ кегельбана.

— Попали навѣрное!—воскликнула госпожа Z. довольнымъ и возбужденнымъ голосомъ.

— Это какая-нибудь игра въ войну?—спросила я.

— Да,—отвѣтила она.—Принцы никакую

игру больше не любятъ, и моя принцесса тоже. Она—настоящій мальчикъ по характеру.

— Но вѣдь принцы еще такіе маленькіе,—сказала я.—Старшему вѣдь не больше шести лѣтъ, а младшему пять. Что они могутъ знать о войнѣ?

— Вы удивитесь, какіе они смышленые, увѣряла меня госпожа Z.—Они увѣрены, что все знаютъ о войнѣ, и хотятъ быть непремѣнно солдатами. Они говорятъ такъ съ самой колыбели. Во всякомъ случаѣ я ихъ знала только такими.

Наши голоса вѣроятно были услышаны несмотря на крики маленькихъ воиновъ, потому что къ намъ навстрѣчу изъ-за колоннъ, поддерживающихъ крышу кегельбана вышла высокая, худощавая женщина, лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми волосами, которыя были прежде рыжеватыми и съ крупными чертами лица. Она подошла къ намъ не спѣша, съ большимъ достоинствомъ и критически окинула меня взглядомъ. Тѣмъ не менѣе она мнѣ понравилась, и я почувствовала, что было бы хорошо, если бы я нашла въ ней друга. Можетъ быть, она прочла эту мысль въ моихъ глазахъ, ея зеленовато-сѣрые глаза смягчились и вся ея фигура въ сѣромъ полотняномъ платьѣ (принцесса не выноси-

ла около себя лицъ въ черномъ) стала сразу не такой суровой. Родственная кровь была все-таки сильнѣе воды или нѣмецкаго пива. Миссисъ М.—(она была дѣвушка, ее называли миссисъ только изъ особаго почтенія) и я были двѣ англичанки среди нѣмцевъ.

Пройдя немного по дорожкѣ, она сказала мнѣ, что очень огорчена, что не могла встрѣтить меня при пріѣздѣ. У нея былъ «одинъ изъ ея обычныхъ припадковъ головной боли». Кромѣ того госпожѣ Z. легче оставить принцессу. Маленькіе принцы—большіе шалуны и ихъ нельзя оставить однихъ. — Мнѣ очень пріятно видѣть человѣка изъ нашей стороны, — докончила она и ея послѣднія слова были мнѣ пріятнѣе комплимента королевы.

— Если бы не эта игра, — продолжала она,—они были бы уже съ вами, но сейчасъ они ни о чемъ не могутъ думать, кромѣ своихъ мучныхъ пилюль, которыя служатъ имъ бомбами. Мы можемъ подождать ихъ здѣсь, пока не кончится игра.

— А нельзя ли посмотрѣть на нихъ потихоньку.—Мнѣ бы хотѣлось поскорѣе увидѣть ихъ.

Я хотѣла прибавить: «и то, что они дѣлаютъ», но удержалась, хотя и не по той

причинѣ, которая впослѣдствіи часто мнѣ приходила въ голову. Миссисъ М. согласилась и мы пошли взглянуть на дѣтей. Я шла между толстой маленькой нѣмкой и высокой шотландкой-гренадеромъ, которыя были такъ же различны по натурѣ, какъ и по внѣшности. Онѣ совершенно равнодушно смотрѣли на эту «игру», при первомъ взглядѣ на которую я вздрогнула. Когда я поняла, что дѣлали дѣти, меня поразило, какъ можно было занимать невинныя дѣтскія души такимъ жестокимъ дѣломъ разрушенія. Впослѣдствіи (я со стыдомъ должна сознаться въ этомъ) и я помирилась съ этой игрой, какъ и съ другими ей подобными, чувствуя полную свою безпомощность. Сами дѣти, да и взрослые, съ такимъ легкимъ сердцемъ предавались подобнымъ воинственнымъ играмъ, что я постаралась убѣдить себя въ ихъ полной безвредности. Таковъ былъ способъ германцевъ воспитывать воинственный духъ въ человѣкѣ съ самаго дѣтства и всѣми способами. Съ этимъ я одна ничего не могла сдѣлать.

Въ кегельбанѣ былъ устроенъ деревянный полъ, на одну ступеньку возвышавшійся надъ землей, и на этой плоскости былъ сооруженъ цѣлый городъ съ церквами, театрами, магазинами и домами; нѣкоторые изъ нихъ, са-

мые большіе, были построены на отдѣльныхъ дощечкахъ. Тамъ были парки съ тонкими деревьями, съ поддѣльной травой на подносахъ и съ озерами и рѣками, сдѣланными изъ слюды. При первомъ взглядѣ все это казалось блестящей игрушкой; но ни одна игрушка во всемъ мірѣ не имѣла такихъ послѣдствій, какъ это изобрѣтеніе графа Цеппелина! Въ то время, какъ маленькій золотоголовый мальчикъ смотрѣлъ на игру, прыгая взволнованно то туда, то сюда, маленькая темноволосая дѣвочка семи или восьми лѣтъ въ траурѣ и возбужденный молодой офицеръ управляли миніатюрнымъ воздушнымъ шаромъ, летавшимъ надъ городомъ.

Эти дирижабли, насколько можно было разглядѣть издали, были совсѣмъ какъ настоящіе, только самый корпусъ ихъ, имѣвшій сигарообразную форму, былъ слишкомъ великъ для крошечной корзинки, подвѣшенной снизу. Они держались на воздухѣ благодаря искусному механизму, и управлять ими, мѣнять направленіе, опускать или останавливать можно было съ помощью сѣраго длиннаго шнура.

Кромѣ того къ игрушкѣ-дирижаблю былъ прикрѣпленъ другой шнуръ не такой толстый, какъ сѣрый и краснаго цвѣта. Его назначеніе мнѣ пришлось узнать, пока мы стояли и смотрѣли.

Старшій принцъ давалъ своему «цеппелину» безцѣльно носиться надъ городомъ, какъ будто для устрашенія населенія. Потомъ, остановивъ его, онъ потянулъ его за красный шнуръ и изъ корзинки посыпался цѣлый дождь бѣлыхъ шариковъ, разсыпавшихся бѣлымъ порошкомъ по зеленымъ лужайкамъ парка и забрызгавшихъ слюдовую воду.

— Хуже, чѣмъ всегда!—воскликнулъ лейтенантъ. — Вы всегда слишкомъ много сбрасываете и всегда не на мѣстѣ. Посмотрите, что сдѣлали мои «бомбы» съ этими строеніями. Я не трачу напрасно ни времени, ни матеріала. Вотъ, смотрите, какъ я буду дѣлать. Я лечу къ Вестминстерскому аббатству.

Офицеръ стоялъ ко мнѣ спиной. Младшій принцъ, сидѣвшій на корточкахъ, замѣтилъ меня. Его невольное восклицаніе предупредило офицера о присутствіи постороннаго. Онъ повернулся увидѣлъ меня и, покраснѣвъ до корней своихъ коротко остриженныхъ волосъ, поклонился мнѣ. Онъ былъ очень смѣшонъ въ своемъ смущеніи, съ краснымъ шнуромъ отъ дирижабля въ рукахъ.

Остальныя дѣти тоже повернулись, увидѣли меня и, вопреки заявленіямъ миссисъ М., я увидѣла, что я имъ далеко не такъ интересна, какъ игра. Продолжая держать шнуры отъ

цеппелиновъ, они тщательно поправляли разоренныя предмѣстья города.

Мнѣ кажется, миссисъ М. была огорчена тѣмъ, что ея предсказанія не исполнились. Она поспѣшила сказать принцамъ, чтобы они поздоровались со мной,—съ особой, которая пріѣхала такъ издалека, чтобы быть ихъ воспитательницей.

Ея англійскій языкъ былъ ужасенъ, но дѣти поняли ее. Сами они говорили, какъ я впослѣдствіи убѣдилась, на такомъ же жаргонѣ.

Этикетъ не позволялъ лицу низшаго ранга представлять лицъ высшаго ранга, такимъ образомъ няньки не осмѣливались представить меня. Офицеру пришлось взять инициативу на себя, какъ и полагается дѣлать въ Германіи. Онъ представился мнѣ, назвавшись лейтенантомъ фонъ Х.; ледъ былъ сломанъ и меня представили принцамъ. Это были прелестные мальчики, выглядѣвшіе гораздо старше своихъ лѣтъ. (Послѣ нихъ у принцессы былъ еще ребенокъ, который умеръ: я забыла сказать, что я слышала о ихъ братѣ, слабомъ ребенкѣ 1—2 лѣтъ, котораго привезли въ замокъ въ сопровожденіи доктора и няньки, а также кормилицы, безъ которой онъ не могъ обойтись).

У старшаго мальчика были темные, густые

волосы и большіе каріе глаза, плоскій маленькій носъ съ широкими раздувающимися ноздрями, и толстыя губы, указывавшія на его увлекающуюся натуру. Онъ казался серьезнымъ, но улыбка его была очаровательна, онъ командовалъ своимъ младшимъ братомъ, бѣлокурымъ толстымъ мальчикомъ съ кудрявыми волосами и бирюзовыми глазами, которыми онъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на брата. У него былъ нѣжный, хотя упрямый ротикъ и слегка выдающійся подбородокъ.

Оба принца справились о моемъ здоровьѣ на своемъ невозможномъ англійскомъ языкѣ, а послѣ нихъ мнѣ была представлена ихъ кузина. Она выглядѣла неинтересной и некрасивой съ неуклюжей фигурой и большой головой.

Я подумала со страхомъ, что едва ли она мнѣ очень понравится, и тутъ же рѣшила постараться придумать для нея какую-нибудь другую прическу.

Она была вѣжлива, но ея острые сѣрые глаза критически окинули меня съ ногъ до головы. Въ качествѣ иностранки я возбуждала всеобщее любопытство.

Какъ только окончились взаимныя привѣтствія, дѣти вспомнили про игру и имъ захотѣлось продолжать ее, но лейтенантъ фонъ Х. сказалъ, что на этотъ разъ довольно.

— Мы сдѣлали одно удачное нападеніе на городъ и больше не надо,—уговаривалъ онъ своихъ партнеровъ.—Миссисъ М. и Frau Z. ждутъ васъ ужинать. Взглянувъ на меня, онъ продолжалъ:

— Вы не должны думать, gnädiges Fräulein, что мы оказываемъ вамъ плохой пріемъ тѣмъ, что разрушаемъ вашу столицу. Гораздо интереснѣе назвать городъ какимъ-нибудь именемъ, которое они знаютъ по книгамъ. Вотъ и все. Это самый безвредный спортъ.

— Конечно,—согласилась я и подошла ближе къ игрушечному городу.—Я увидѣла, что главныя зданія были довольно точно скопированы съ настоящихъ. Въ то время, какъ лейтенантъ Х.—укладывалъ цеппелины въ большую корзину съ тремя отдѣленіями, устроенными, какъ настоящіе ангары для цеппелиновъ, я внимательно разсматривала городъ. Онъ былъ очень хорошо сдѣланъ и вѣроятно стоилъ дорого. Различныя части были скрѣплены на отдѣльныхъ деревянныхъ фундаментахъ. Тамъ были: парки, въ особенности хорошо былъ сдѣланъ Трафальгаръ скверъ съ его фонтанами, Букингэмскій дворецъ съ его садами и маленькими точками, обозначавшими пруды, Арка адмиралтейства и его зданія. Были сдѣланы и три желѣзнодорожныхъ вокзала. Я безъ труда узнала башню

св. Павла, Вестминстерское аббатство, Англійскій банкъ, Тауэръ и мостъ. Конечно, сдѣланъ былъ не весь Лондонъ, а намѣчены только главнѣйшія зданія и мѣстности. Интересно, что всѣ деревянные фундаменты были поставлены на карту. Карта была раскрашена и наклеена на большое четырехугольное американское полотно, которое можно было свертывать послѣ игры. На ней были изображены улицы, скверы и маленькіе парки, а пустыя мѣста были оставлены для фундаментовъ, къ которымъ прикрѣплялись зданія. Темза была нарисована свѣтло-голубой краской съ пароходами, изображенными точками и съ излучиной подъ Тоуэрскимъ мостомъ. На крышѣ Тоуэра, Англійскаго банка и Букингемскаго дворца лежалъ слой бѣлаго порошка, конечно отъ бомбъ, пущенныхъ ловкой рукой лейтенанта. Этотъ порошокъ счищался щеточкой передъ уборкой Лондона въ ящикъ съ полками, гдѣ все разставлялось въ алфавитномъ порядкѣ. Это было уже обязанностью слугъ.

Младшій изъ принцевъ, который не принималъ еще дѣятельнаго участія въ игрѣ изъ за недостатка ловкости, склонялся въ пользу ужина; но старшій доказалъ свой непокорный нравъ тѣмъ, что не захотѣлъ слушаться, въ этомъ его поддержала кузина. Они объявили,

что не пойдутъ ужинать до тѣхъ поръ, пока не объяснятъ мнѣ всей игры. И наперерывъ стали разсказывать мнѣ ее по-нѣмецки, на-единственномъ языкѣ, который знала маленькая принцесса.

Къ счастью, мои знанія нѣмецкаго языка были для этого совершенно достаточны, но они говорили такъ сбивчиво и неопредѣленно, что лейтенантъ фонъ Х. рѣшилъ подъ конецъ придти имъ на помощь. Онъ сказалъ, что игра была совсѣмъ новая, онъ привезъ ее изъ П. недѣлю тому назадъ, и отказывался играть въ нее съ дѣтьми, пока они не выучатъ всѣхъ правилъ и трудностей.

— Вы, видите,—продолжалъ онъ,—хотя эта и игра въ войну для дѣтей, но она была выдумана въ часы досуга знаменитымъ графомъ Цеппелиномъ, а когда этотъ знаменитый ученый берется за что-нибудь, то всякая мелочь исполняется съ большой добросовѣстностью и тщательностью. Онъ захотѣлъ подарить эту игру дѣтямъ и ихъ отцу въ память его успѣховъ прошлой весной, которыя сгладили впечатлѣніе послѣ катастрофы съ Цеппелиномъ IV, происшедшей годъ тому назадъ въ Вюртембергѣ. Самое типичное для графа то, что хоть это и игра, но все въ ней строго высчитано по извѣстному плану. Шары воздушныхъ кораблей, правда, немного велики, но, чтобы

они могли поднять корзины изъ аллюминія, ихъ пришлось бы накачивать водородомъ, а это опасно. Наши цеппелины наполнены простымъ угольнымъ газомъ и слуги приносятъ его изъ деревни, гдѣ находится газовый заводъ. Остовъ сдѣланъ изъ металла и довольно хрупокъ, но его очень легко замѣнить.

— Постройки немного выше, чѣмъ они должны быть по математическимъ вычисленіямъ,—говорилъ лейтенантъ,—а механизмъ, управляющій маленькими корзинками, очень простъ, — это часовая пружина, которая заводится ключомъ. Всѣ эти мелочи не имѣютъ большого значенія. Самое интересное въ игрѣ, это выучиться находить надлежащую высоту, при которой бомбы разрываются удачнѣе всего, поднимать и опускать цеппелины и ловко управлять ими посредствомъ шнура, выбирать когда и гдѣ бомбы могутъ нанести непріятелю наибольшій вредъ, какъ избѣгать непріятельскихъ кораблей и ихъ пушекъ, бороться съ вѣтромъ. Для всѣхъ этихъ мелочей понадобились научныя вычисленія, но мы пока только научились сбрасывать бомбы.

Лейтенанту Х. хотѣлось удивить меня и онъ достигъ своей цѣли; и чѣмъ больше онъ объяснялъ мнѣ игру, тѣмъ больше я убѣждалась, что это совсѣмъ неподходящее занятіе для дѣтей. Я спросила, сколько пушекъ и дирижаб-

лей считаютъ они у непріятеля и какъ вызвать вѣтеръ съ желаемой стороны подъ кегельбаномъ.

Лейтенантъ совершенно серьезно отвѣтилъ мнѣ, что онъ думаетъ поставить для производства вѣтра лакеевъ съ мѣхами, когда это понадобится въ игрѣ. Дѣйствія же непріятельскихъ силъ онъ опредѣлилъ такъ:

— Если, напримѣръ, мы употребляемъ больше положеннаго времени на какую-нибудь операцію или же она намъ не удается, то это считается побѣдой непріятеля надъ нами. Наши успѣхи доказываются только разрушеніями, которыя производятъ наши «бомбы», эти мучные и сахарные шарики разной величины и вѣса. Самымъ удачнымъ дѣломъ считается такое, на которое затрачивается минимумъ «боевого матеріала» и риска противъ наибольшихъ шансовъ противника. Мишенью должны служить главнымъ образомъ крѣпости или національныя сокровища, а потомъ ужъ остальныя строенія.

— А форты?—спросила я серьезно.

Тутъ офицеръ сбросилъ вдругъ весь свой мальчишескій энтузіазмъ и его экспансивность исчезла. Увидя, что я стараюсь выспросить его обо всемъ, онъ повторилъ еще разъ, что это только дѣтская игра, придуманная гра-

фомъ Цепеллиномъ исключительно для забавы дѣтей своего личнаго друга.

— Графъ не считалъ нужнымъ заботиться о фортахъ,—добавилъ лейтенантъ, какъ бы извиняясь за своего идола.—Модель города интереснѣе для дѣтей, чѣмъ фортификаціи, которыя въ дѣйствительности никогда не бываютъ надъ землей, да кромѣ того,—докончилъ онъ робко улыбнувшись,—намъ не должно быть дѣла до фортовъ Великобританіи.

Я засмѣялась, и онъ послѣдовалъ моему примѣру.

— Вы не должны ожидать отъ меня помощи въ разрушеніи Лондона,—замѣтила я ему.

— Конечно, нѣтъ! Васъ не будутъ просить объ этомъ,—торжественно произнесъ онъ.— У насъ только три цеппелина, и я скажу мальчикамъ, чтобы они не приглашали васъ принимать участіе въ разрушеніи Лондона. Вы будете играть, когда чередъ будетъ за Петроградомъ.

— У васъ есть еще и Петропрадъ?—воскликнула я удивленно.

— Да, и Парижъ тоже,—добавилъ хвастливо старшій изъ принцевъ.

Эти слова заставили меня еще разъ подумать, что игра графа Цеппелина была и серьезна и груба. Должно быть, я выглядѣ-

ла недовольной, потому что лейтенантъ X. началъ снова свои извиненія.

— Графъ предполагалъ, что мальчикамъ наскучитъ игра съ однимъ городомъ,—сказалъ онъ.—Стратегическая сторона дѣла скоро исчерпывается, вотъ почему графъ заказалъ еще модели Парижа и Петрограда. Но вы можете быть покойны, gnädiges Fräulein, мы еще долго не дойдемъ до Нью-Йорка, Вашингтона или Бостона.

Я совсѣмъ не намѣревалась показывать, что я этого боюсь, но не нашлась ничего отвѣтить и только слабо улыбнулась. Въ ту минуту столько мыслей пронеслось у меня въ головѣ, что я на время растерялась. Послѣ, вспомнивъ слова Frau Z., я подумала, что должна была сказать лейтенанту X. о моемъ британскомъ происхожденіи, чтобы заставить его быть осторожнымъ. Но когда послѣ ухода дѣтей, я могла сказать ему объ этомъ, мнѣ показалось неудобнымъ возвращаться къ прежнему разговору. Я ясно помню, какъ и все, что произошло въ тотъ день—какъ я подумала, что въ будущемъ у меня будетъ достаточно удобныхъ случаевъ доказать свой патріотизмъ.

III.

„Проклятіе англичанъ!“ — Германская вѣжливость. — Судьба Америки. — Германскій офицеръ. — Лейтенантъ скучаетъ.—Его намѣренія.—Неосторожное предложеніе.

Мы провели три недѣли въ Рейнскомъ замкѣ, и я успѣла полюбить моихъ принцевъ, несмотря на нѣкоторые ихъ недостатки. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были очень хорошо воспитаны; они были очень любезны съ постороннимии и совсѣмъ не застѣнчивы. Но все же были и упущенія. Они были безсердечны и даже жестоки съ животными. Каждый изъ нихъ имѣлъ по собакѣ; итальянскую борзую, присланную Бюловымъ изъ Рима, и такса, подареннаго принцемъ Фюрстенбергомъ или его женой. Бѣдныя животныя не знали ни минуты покоя. Ихъ мучили и били, если они не могли сдѣлать чего-нибудь такъ, какъ требовали принцы.

Я упрекнула ихъ одинъ разъ за это и одинъ изъ нихъ беззаботно отвѣтилъ мнѣ:

— Это вѣдь англійская собака.

И я въ первый разъ увидѣла, какъ злобно засверкали его глаза.

— Я не люблю ничего англійскаго,—прибавилъ онъ.

— Никто изъ насъ не любитъ англичанъ,— подтвердила маленькая принцесса. Къ ней я такъ и не могла привязаться, она была глупа и мелочна, какими часто бываютъ хилыя дѣти.—Мой кузенъ V, (отецъ принцевъ) всегда говоритъ «проклятые англичане», а моя кузина Л, (мать принцевъ), говоритъ, что всѣ должны умѣть говорить по-англійски, вотъ мы и учимся. Но мы не любимъ англійскаго языка.

Ей было въ то время девять лѣтъ!

Родители принцевъ не пріѣхали къ намъ; они были заняты дѣлами и оффиціальными празднествами, но часто присылали узнавать о здоровьѣ дѣтей и по всей вѣроятности обо мнѣ: къ намъ заѣзжали ихъ придворные и друзья, которые случайно оказывались у насъ по сосѣдству; младшіе принцы и принцессы, графы или графини, бароны или баронессы.

Всѣ были вѣжливы со мной, но засыпали меня вопросами, беззастѣнчивѣе, чѣмъ лю-

бой путешествующій американецъ. Всѣ хотѣли провѣрить мои познанія и опытъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, и многіе изъ нихъ считали меня за американку. Если я протестовала и говорила, что я британская подданная, то мужчины, въ особенности военные, спѣшили перемѣнить разговоръ, насколько это позволяло приличіе.

Они задавали мнѣ постоянно вопросъ о томъ, что думаютъ англичане о той ничтожной арміи, которой располагаетъ ихъ правительство. Повидимому, они предполагали, что англичане спятъ и не будутъ въ состояніи проснуться, чтобы защитить себя, въ случаѣ опасности.

Я, конечно, слышала и читала о «германской опасности», угрожающей Европѣ, но случилось такъ, что единственная семья, въ которой я жила въ Англіи, была не только либеральной, но даже дружественной кайзеру. И я всегда думала поэтому, что агитація, поднятая газетами, по этому поводу, была простой шумихой. Мнѣ очень нравились юмористическія книги о Германіи и германскихъ обычаяхъ, и я была увѣрена, что нѣмецкій народъ настроенъ миролюбиво. Я не предполагала тогда, что почти въ каждомъ нѣмецкомъ сердцѣ на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ живетъ ненависть къ англичанамъ.

Только въ продолженіи трехъ недѣль, проведенныхъ мною въ замкѣ, я стала замѣчать это. Многіе изъ посѣтителей замка были изъ Южной Германіи, а не изъ Пруссіи, которая была центромъ политики «крови и желѣза», но всѣ они сходились въ своемъ добродушно-снисходительномъ взглядѣ на Англію, смѣялись даже надъ англійскимъ спортомъ.

Я не могу сказать, что бы они были грубы, но ихъ искусственная вѣжливость казалась мнѣ очень смѣшной. Теперь, вспоминая прошлое, я удивляюсь, какъ я могла быть настолько слѣпой, чтобы не видѣть того, что скрывалось подъ ихъ внѣшностью. Мнѣ часто приходилось призывать весь свой юморъ и сдерживать себя съ окружающими меня друзьями моихъ хозяевъ и ихъ благородными слугами.

Если бы я послушалась голоса своего сердца, я подала бы въ отставку прежде, чѣмъ познакомилась съ принцемъ и принцессой. Я утѣшалась тѣмъ, что смѣялась въ душѣ надъ ихъ самомнѣніемъ и ихъ любовью ко всему, что было нѣмецкимъ.

Что касается недостатковъ принцевъ, то кромѣ ихъ жестокости къ животнымъ, мнѣ не нравилось ихъ высокомѣріе по отношенію къ принцессѣ, которая впрочемъ рабски

подражала имъ, когда находилась не въ ихъ присутствіи; и потомъ они вѣчно болтали о войнѣ и обо всемъ, что къ ней относилось.

Миссисъ М., шотландка-нянька, увѣряла меня, что безполезно было бы бороться съ этими наклонностями. «Они—германцы, повторяла она часто. «Они—германцы и дѣлаютъ только то, что дѣлаютъ ихъ отецъ и его друзья. Если вы будете ихъ бранить, вы косвенно сдѣлаете выговоръ самому высокому лицу въ странѣ. Я ужъ давно держусь такого мнѣнія, иначе ничего не осталось бы, какъ собрать свои вещи и отправляться домой».

Самымъ пріятнымъ лицомъ во всемъ замкѣ, былъ докторъ, который пріѣхалъ съ дѣтьми изъ Потсдама. Онъ былъ въ то время уже извѣстенъ и состоялъ ассистентомъ еще болѣе знаменитаго врача, который остался въ Берлинѣ; онъ былъ сравнительно молодъ, ему было около сорока лѣтъ, и похожъ онъ былъ больше на итальянца, или на француза, чѣмъ на нѣмца.

Въ слѣдующемъ году, когда мы жили въ Шварцвальдѣ, мнѣ пришлось вмѣшаться въ его романтическую исторію, но здѣсь на Рейнѣ я замѣтила только двѣ черты его характера: его ученость, и его патріотизмъ.

Онъ былъ вѣжливъ со мной, какъ и всѣ остальные. Но вѣжливость эта была чисто внѣшняя и натянутая. Изъ его словъ я поняла, что Германія противопоставляла себя не только Англіи, но и всему свѣту. Докторъ былъ родомъ изъ Шварцвальда и былъ очень набожнымъ католикомъ, но что касается политики, былъ настоящимъ пруссакомъ. Онъ думалъ, что Германія—выше всѣхъ остальныхъ государствъ и должна для всеобщаго благополучія расширить насколько возможно свою территорію. Я спросила его однажды, намѣревается ли Германія покорить Соединенные Штаты послѣ Европы. Докторъ отвѣтилъ мнѣ вполнѣ серьезно, что вѣроятно, что-нибудь въ этомъ родѣ со временемъ произойдетъ, но, конечно, въ очень отдаленномъ будущемъ.

— Мы рождены быть побѣдителями,—сказалъ онъ.—Это наша судьба, хотимъ мы этого или нѣтъ,—безразлично. Мы должны идти впередъ отъ одного тріумфа къ другому, какъ это было въ прошломъ. Фридрихъ Великій далъ намъ первый толчокъ въ этомъ прогрессивномъ движеніи. Намъ нужны колоніи. Онѣ намъ нужны все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ наше могущество. Южная Америка намъ безусловно необходима. Соединенные Штаты несомнѣн-

но попытаются преградить намъ дорогу, со своей отжившей доктриной Монроэ; но эта доктрина не имѣетъ за собой реальной силы. Ея могущество призрачно. Это—мыльный пузырь, который лопнетъ отъ удара германской сабли, когда придетъ наше время.

Докторъ постарался увѣрить меня, что въ его словахъ не было ничего непочтительнаго лично ко мнѣ.

— Но нужно же смотрѣть истинѣ въ лицо. Германцы считаютъ себя по праву избраннымъ народомъ и живутъ ради этого убѣжденія,—говорилъ онъ.

Отъ доктора же я въ первый разъ услышала о высшей германской культурѣ, ставшей теперь притчей во языцѣхъ.

* * *

Лейтенантъ былъ твердо увѣренъ, что всякій нѣмецъ былъ какимъ-то высшимъ существомъ и ставилъ прусскаго офицера во главѣ будущаго тріумфальнаго шествія Германіи.

Черезъ недѣлю онъ пересталъ говорить о политикѣ и перешелъ въ область чувствъ.

Въ первые же дни моего пребыванія въ замкѣ я замѣтила по тѣмъ взглядамъ, которые онъ бросалъ на меня, что онъ видѣлъ во мнѣ, главнымъ образомъ, женщину,

Онъ то и дѣло взглядывалъ на меня, когда дѣти не могли ничего замѣтить; и можетъ быть то, что случилось, произошло отчасти по моей собственной винѣ, и такъ какъ я не знала, какъ смотрятъ нѣмецкіе офицеры на женщинъ.

Я знаю, что эта исторія послужитъ мнѣ въ осужденіе, но я разсказываю о ней по тому, что гувернеръ принцевъ принадлежалъ къ тому классу общества, съ которымъ мнѣ пришлось впослѣдствіи близко познакомиться, когда мы пріѣхали въ Потсдамъ. Она послужитъ характеристикой поведенія германскихъ офицеровъ въ мирное время. Что они представляютъ собою въ военное время, — объ этомъ можетъ судить каждый по своему.

Въ замкѣ на Рейнѣ у лейтенанта и у меня установились довольно странныя отношенія. При спѣшкѣ, съ которой отправляли дѣтей изъ дома, забыли послать туда кого-нибудь изъ почтенныхъ дамъ, которыя могли бы замѣнить хозяйку. Въ замкѣ было много нянекъ, но никого изъ придворныхъ.

Былъ докторъ, которому было уже за сорокъ.

Если бы они успѣли подумать обо всемъ, они никогда не допустили бы, чтобы гувер-

неръ и гувернантки принцевъ оставались въ замкѣ одни.

Теперь я знаю, что всякій неженатый молодой офицеръ въ Германіи считаетъ своей обязанностью ухаживать за незамужней женщиной, которая у него окажется подъ рукой.

Лейтенантъ фонъ Х. былъ немного моложе меня, онъ не былъ красивъ; черты его лица были незначительны, а выраженіе глуповато; но оно было мальчишески мило, и у него были хорошенькіе голубые глаза, довѣрчиво глядѣвшіе сквозь пенснэ, которое онъ то и дѣло сбрасывалъ. Видно было, что онъ гордится своими глазами. Его свѣтлыя рѣсницы были необыкновенно длинны и отъ долгаго употребленія пенснэ загнулись кверху, такъ что плохо защищали его глаза. У него были маленькіе желтые усики, закрученные вверхъ, какъ у кайзера, и красныя толстыя губы. Онъ былъ невысокъ, но очень тонокъ, отчего казался выше. Онъ очень боялся потолстѣть и всегда старался какъ можно меньше пить пива и ѣсть супа и сладкаго, которое онъ очень любилъ.

Въ первую же недѣлю нашего знакомства я замѣтила его необыкновенное самомнѣніе. Это забавляло меня, и когда я увидѣла его намѣренія ухаживать за мной, я вполнѣ извинила это, въ виду той монотонной жизни,

которую мы вели и которую онъ хотѣлъ этимъ разнообразить. Я была въ полной увѣренности, что если я сама буду вести себя соотвѣтственно моему положенію, то и онъ будетъ относиться ко мнѣ съ должнымъ уваженіемъ. Онъ принадлежалъ къ хорошему обществу, былъ офицеромъ блестящаго полка и былъ удостоенъ приглашенія на отвѣтственный постъ воспитанія принцевъ. Мои расчеты были бы вѣрны, если бы они относились къ офицеру въ Англіи или Америкѣ. Но оказалось, что офицеры въ Германіи были совсѣмъ не такими, какими я ихъ считала.

Лейтенантъ фонъ Х. умѣлъ играть на роялѣ по слуху и у него былъ недурный теноръ. Въ первый разъ я слышала какъ онъ пѣлъ патріотическія пѣсни, ему хоромъ подпѣвали мальчики; но вскорѣ онъ перешелъ на любовныя аріи популярныхъ комическихъ оперъ. Когда онъ видѣлъ, что острые глаза маленькой принцессы не слѣдили за нимъ, онъ бросалъ на меня томные взгляды и заставлялъ дрожать свой голосъ.

Въ саду мы часто оставались одни, потому что принцамъ скоро надоѣла игра графа Цеппелина и они предпочитали бѣгать. Въ концѣ аллеи дѣти построили изъ песка и земли цѣлую крѣпость и въ то время, какъ они увлекались игрой, намъ съ лейтенантомъ

ничего не оставалось, какъ прогуливаться рядомъ по дорожкѣ.

Первое время все шло хорошо, я смѣялась въ душѣ надъ самомнѣніемъ моего собесѣдника, когда онъ разсказывалъ мнѣ о своей карьерѣ и своихъ убѣжденіяхъ. Но въ концѣ второй недѣли онъ сталъ явно выказывать свои «намѣренія». Однажды вечеромъ послѣ ужина я сидѣла въ своей гостиной. Я никогда не встрѣчалась съ лейтенантомъ послѣ того, какъ принцы ложились спать. На этотъ разъ онъ просилъ меня пойти съ нимъ къ кегельбану и помочь ему подклеить развалившіяся строенія, которыя сломала принцесса. Онъ боялся поручить это дѣло слугамъ.

Мнѣ пришло въ голову, что это былъ только предлогъ видѣть меня наединѣ, но меня это забавляло, и я пошла. Несомнѣнно, лейтенантъ видѣлъ, то я догадалась, и это придало ему смѣлости. Онъ сказалъ мнѣ, что я очень отличаюсь отъ всѣхъ другихъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ, что я умнѣе и остроумнѣе ихъ и если бы онъ былъ свободенъ въ выборѣ, онъ выбралъ бы меня своей женой. Но онъ былъ бѣденъ и предполагалъ, что и я бѣдна. И теперь, послѣ встрѣчи со мной, ему трудно будетъ жениться на комъ-нибудь другомъ. Если же это и

случится когда-нибудь позже по настоянію родителей, то невѣста его непремѣнно должна быть богатой.

— А пока, — заключилъ онъ, — что мѣшаетъ намъ быть счастливыми? Никто ничего не заподозритъ. Я уже подумалъ обо всемъ и сумѣю защитить васъ при малѣйшемъ подозрѣніи. Вы можете на меня положиться.

Какъ только я поняла, куда онъ ведетъ рѣчь, я остановила его. Сначала мнѣ хотѣлось разсказать кому слѣдуетъ о его поведеніи, но потомъ здравый смыслъ заставилъ меня перемѣнить рѣшеніе. Я подумала, что я сама ввела его въ заблужденіе, и если я могла навредить ему, то и онъ могъ сказать, что я увлекла его или, что я истеричка и выдумала сама всю эту исторію. Если бы это случилось, я потеряла бы мѣсто и объ этомъ узнали бы въ Англіи и въ Америкѣ. Я отвѣтила лейтенанту, что не люблю его и что для нашего обоюднаго благополучія намъ лучше забыть объ этомъ вечерѣ. Я намекнула ему на то, что могло случиться, если онъ будетъ протестовать, и напугала его такъ, что онъ совсѣмъ притихъ.

Слѣдующіе дни мы были такъ же вѣжливы другъ къ другу, какъ обыкновенно, но

старались не оставаться наединѣ. Это былъ для меня хорошій урокъ, и я очень благодарила судьбу, что такъ скоро поняла, каковы германскіе нравы.

Вскорѣ послѣ этого случая, въ нашъ тихій замокъ пріѣхалъ кайзеръ.

IV.

Пріѣздъ кайзера.—Кайзеръ и суффражистки.—Остроуміе кайзера.—„Мы—германцы".—Пожатіе руки кайзера.—Вѣрное предсказаніе.

Однажды я занималась съ принцами и ихъ кузиной въ бесѣдкѣ. Утромъ шелъ дождь, но бесѣдка была достаточно велика, чтобы въ ней заниматься и въ дурную погоду. У принцессы были «англійскіе взгляды» на нѣкоторыя вещи и она требовала, чтобы дѣти, какъ можно больше времени проводили на воздухѣ. Этого хорошаго правила строго придерживались въ замкѣ, устройство котораго было такъ старомодно, что оно даже не отвѣчало всѣмъ современнымъ требованіямъ гигіены.

Я читала вслухъ книгу, которую привезла для этой цѣли изъ Англіи и, остановившись на интересномъ мѣстѣ, стала спрашивать дѣтей о томъ, что они поняли. Дѣти очень

увлеклись книгой и не обратили вниманія на шаги, приближавшіеся къ бесѣдкѣ. Я подумала, что это лейтенантъ фонъ Х. Шаги остановились какъ разъ у входа, къ которому я сидѣла спиной. Оглянувшись, я увидѣла двухъ мужчинъ, стоявшихъ на дорожкѣ. Всѣ, кто видѣлъ послѣднія фотографіи кайзера, тотчасъ узнали бы его въ одномъ изъ офицеровъ, хотя онъ и очень прикрашенъ на портретахъ. Онъ казался старше, носъ его былъ больше, вся фигура меньше, и на лѣвой щекѣ наверху виднѣлся шрамъ. Я была такъ удивлена, что на минуту растерялась, вскочила и при этомъ опрокинула стулъ и уронила книгу. Мнѣ было такъ досадно за это замѣшательство—такой скверный примѣръ для дѣтей,—что я чуть не заплакала. Къ довершенію моего несчастья, кайзеръ весело разсмѣялся, еще болѣе смутивъ меня.

—Я сокрушилъ Соединенное королевство и Соединенные Штаты! — воскликнулъ онъ громко на правильномъ англійскомъ языкѣ и указалъ на упавшую книгу и на опрокинутый стулъ. При этомъ онъ бросилъ на меня внимательный острый взглядъ, какого мнѣ еще никогда не приходилось выносить. Я слышала, что быстрые удачные отвѣты очень нравились кайзеру, но въ отвѣтъ на

его слова мнѣ пришла въ голову такая мысль, которую я не посмѣла произнести.

Къ моему счастью, принцы бросились здороваться съ кайзеромъ, а за ними робко подошла и ихъ кузина. Она знала навѣрное, что его величество не долюбливалъ дѣвочекъ, кромѣ хорошенькихъ, пожалуй.

Кайзеръ былъ добръ, но очень сухъ къ дѣтямъ и не обратилъ никакого вниманія на то, что они ждали поцѣлуя. Ему непріятно было, что они пріѣхали изъ зараженнаго города. Онъ никогда не могъ побѣдить въ себѣ ужаса передъ заразными болѣзнями.

— Вы развѣ не видите,—сказалъ онъ,—что миссъ уронила книгу и стулъ. Въ чемъ состоитъ обязанность кавалера, когда дама уронитъ что-нибудь?—спросилъ онъ, смѣясь.

—Поднять это,—отвѣтилъ старшій принцъ, краснѣя и поднимая вещи.

— Хорошо, хоть и поздно,—сказалъ кайзеръ.

Потомъ, предположивъ, что я уже успокоилась отъ смущенія, онъ повернулся ко мнѣ.

— Съ точки зрѣнія современныхъ англійскихъ женщинъ, я кажусь можетъ быть отсталымъ. Но я надѣюсь, что вы не настолько англичанка, чтобы быть суффражисткой, миссъ **?

Какъ онъ и ожидалъ навѣрное, я была очень польщена, что онъ зналъ мое имя. Я узнала, что суффражистки для кайзера были то же, что красный флагъ для быка и что онъ всегда поднималъ разговоръ о нихъ при встрѣчѣ съ англичанками.

Я замѣтила кайзеру, что быть англичанкой не значило еще быть обязательно суффражисткой. Онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, и, улыбнувшись, сказалъ:

— Или вы не англичанка, или же вы не должны были говорить этого. Всѣ современныя англійскія женщины — суффражистки. Мы покажемъ имъ, что мы думаемъ о нихъ, если они пришлютъ къ намъ свою депутацію. Но пока онѣ сидятъ у себя, мы ничего не имѣемъ противъ нихъ. Онѣ посѣяли хорошія сѣмена, а мы пожнемъ ихъ.

Я не поняла смысла послѣдней фразы кайзера, но почувствовала, что въ ней заключался намекъ на что-то. Его увѣренность въ правильности его взгляда на англійскую женщину была непоколебима. И вообще я замѣтила во время нашего пребыванія въ замкѣ, что всѣ нѣмцы, въ особенности пруссаки знали гораздо больше объ идеяхъ и обычаяхъ Англіи, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Я часто старалась опровергнуть ихъ взгляды, хотя и безуспѣшно, но не рѣшилась проти-

ворѣчить кайзеру. Все что я могла сдѣлать это задуматься надъ его словами: «посѣяли хорошія сѣмена» и надъ взглядомъ, который онъ бросилъ на своего адъютанта. И только теперь, пять лѣтъ спустя, я поняла истинный смыслъ этихъ словъ. Кайзеръ разсчитывалъ на ослабленіе Англіи, благодаря этой войнѣ между двумя полами.

Онъ закончилъ свою рѣчь словами, которыя должны были смягчить произведенное тяжелое впечатлѣніе. Онъ сказалъ мнѣ, что фамилія моя ему знакома, что онъ хорошо помнитъ моего дѣда, съ которымъ онъ познакомился еще будучи наслѣднымъ принцемъ.

— Это лучшій типъ американскаго моряка, — заключилъ онъ. — Онъ умѣлъ такъ же хорошо разсказывать интересныя исторіи, какъ и управлять судномъ.

Такимъ образомъ еще разъ меня присоединяли къ Америкѣ и я была не въ состояніи защищать свое право на англійскихъ предковъ. Все, что и меня связывало съ Америкой, имѣло большое значеніе въ ихъ глазахъ, хотя я и была приглашена въ качествѣ англичанки, чтобы воспитывать принцевъ. Затѣмъ кайзеръ познакомилъ меня съ своимъ адъютантомъ и разсказалъ мнѣ, что онъ и вся его свита провели ночь въ поѣздѣ,

въ которомъ онъ ѣздилъ осматривать сосѣдній гарнизонъ и завтракалъ тамъ съ офицерами. Такъ какъ у него оставалось немного времени, то онъ и рѣшилъ пріѣхать къ намъ на автомобилѣ и посмотрѣть на дѣтей, чтобы сообщить потомъ родителямъ о ихъ здоровьѣ.

— Кажется, у нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ какой-нибудь болѣзни? — спросилъ онъ.—А какъ маленькій? Онъ тоже здоровъ?

Услыша, что малютка былъ не совсѣмъ здоровъ, онъ, казалось; встрѣвожился, но сейчасъ же успокоился, какъ только услышалъ, что нездоровье происходило отъ прорѣзыванія зубовъ.

— Ну, это не заразительно! — сказалъ онъ. — Многіе изъ насъ были бы очень рады «схватить» зубъ мудрости.

Когда ему удавалось сказать какое-нибудь остроумное слово, онъ начиналъ громко хохотать, закидывая назадъ голову и смотря прямо въ глаза собесѣднику, чтобы, узнать какое впечатлѣніе произвела на него острота. Чѣмъ больше смѣялись, тѣмъ ему больше нравилось; онъ оживлялся и становился похожимъ на шаловливаго ребенка. Когда же кто-нибудь относился къ его остротамъ сдержанно, или ему казалось это, то я замѣчала не только въ тотъ день, но и въ слѣдующіе

дни странное блуждающее выраженіе въ его глазахъ. Въ эти минуты онъ казался постарѣвшимъ. Когда же онъ думалъ о себѣ и былъ проникнутъ самовосхищеніемъ, онъ выглядѣлъ молодымъ и оживленнымъ, почти такъ, какъ изображаютъ его на фотографіяхъ.

Въ тотъ день кайзеръ провелъ въ замкѣ всего двадцать минутъ, но онъ справился о многихъ вещахъ и подъ конецъ пожелалъ поговорить съ лейтенантомъ фонъ Х., за которымъ онъ послалъ младшаго принца.

Онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ:

— Вы, вѣроятно, уже начали составлять замѣтки для вашей будущей книги?

Я очень удивилась его вопросу и спросила, о чемъ онъ говоритъ.

— О чемъ? О той книгѣ, которую вы напишите о насъ,—объяснилъ онъ мнѣ своимъ рѣзкимъ голосомъ.—Конечно, вы это сдѣлаете, всѣ такъ дѣлаютъ.

Совершенно искренно я увѣрила его, что у меня не было этого намѣренія, мнѣ обидно было это подозрѣніе въ вѣроломствѣ. Я тогда и не подозрѣвала, что произойдетъ событіе, которое измѣнитъ мои намѣренія.

Кайзеръ, казалось, не былъ убѣжденъ моими словами. Онъ улыбнулся, оставшись при

своемъ мнѣніи, какъ и вообще всякій нѣмецъ въ спорѣ съ иностранцемъ. Разница пожалуй только та, что не всѣ остаются при этомъ одинаково вѣжливыми.

— Но если вы будете писать о насъ, я прошу васъ, придерживаться только истины, тогда намъ нечего бояться,—сказалъ онъ.— Мы—германцы—самый искренній народъ во всемъ свѣтѣ и очень странно, что никто насъ не понимаетъ. Потому иностранцы и не могутъ воздать намъ должное, въ своихъ книгахъ и статьяхъ, даже когда хотятъ это сдѣлать. Это случается, впрочемъ, очень рѣдко, такъ какъ всѣ завидуютъ намъ. Даже въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Всѣ книги обо мнѣ писались недоброжелательными людьми, большей частью женщинами. Онѣ мнѣ отвратительны.

Его лицо съ загнутыми кверху усами выглядѣло съ минуту свирѣпо, а его свѣтло-голубые жестокіе глаза засвѣтились, какъ у фанатика. Но это выраженіе быстро исчезло.

— Я, конечно, не боюсь, чтобы внучка вашего дѣда написала тоже что-нибудь подобное,—прибавилъ онъ,—но все-таки было бы лучше, если бы вы дали мнѣ прочесть сперва ваши замѣтки, я помогъ бы вамъ выяснить ваши взгляды.

Я поблагодарила его за любезность.

Когда я начала писать свой дневникъ, то я дѣлала это только для себя и никогда не намѣревалась печатать его.

Я слышала, что кайзеръ очень заботился о томъ, какое онъ производитъ впечатлѣніе на человѣка, даже самаго незначительнаго.

Высказавъ свое мнѣніе въ этой рѣчи, онъ постарался расположить меня въ свою пользу. Онъ спросилъ меня о томъ, какъ я себя чувствую, о той семьѣ, (его друзьяхъ), у которыхъ я жила въ Англіи. Онъ сказалъ, наконецъ, какія преимущества имѣетъ англійская гувернантка передъ нѣмецкой; потомъ сказалъ, что если бы родители принцевъ послушались его совѣта, то у дѣтей ужъ два года тому назадъ была бы англичанка.

— Принцесса, ихъ мать, самая своевольная женщина въ мірѣ,—сказалъ онъ.—Вы можетъ быть сочтете меня нескромнымъ, но меня давно ужъ осудили въ газетахъ за то, что я говорю все, что думаю. Это и не секретъ. Вы сами увидите это на себѣ, если вы дѣйствительно такъ умны, какъ я предполагаю. У принцессы нѣтъ никакихъ наклонностей къ тому, чтобы быть женой и матерью, хотя она очень милая женщина. Она всегда дѣлаетъ только то, что ей хочется, и не обращаетъ вниманія ни на что.

Ну, я сказалъ довольно—или даже слишкомъ много. Гдѣ же фонъ Х.?

Лейтенантъ былъ не далеко и дожидался благопріятнаго момента, чтобы подойти. Кайзеръ увидѣлъ его.

Онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ только: «Auf Wiedersehen». Я замѣтила, что правая рука его была длиннѣе лѣвой, на которой онъ носилъ очень много колецъ. Несмотря на то, что она была выхолена, форма ея была некрасива и она выглядѣла нездоровой. Какъ будто, чтобы наказать меня за мои мысли, здоровая рука кайзера сжала мою руку такъ сильно, что у меня кости хрустнули. Мнѣ кажется, императоръ нарочно дѣлалъ это, чтобы показать всю силу своей правой руки. Но я предпочла бы повѣрить этому, не испытавъ на себѣ. Я не могла удержаться отъ гримасы. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ея, отпустилъ меня, откланявшись по военному и отправился съ дѣтьми, своей свитой и лейтенантомъ по дорожкѣ.

Визитъ кайзера былъ такой же большой неожиданностью для фрау Z. миссисъ М., какъ и для меня, и имъ очень хотѣлось узнать, какъ все обошлось. Онѣ приходили ко мнѣ подъ разными предлогами разспросить о моемъ разговорѣ съ кайзеромъ. Фрау Z. была боль-

шой поклонницей его, миссисъ М. проявляла меньше энтузіазма.

Къ этому времени она ужъ достаточно хорошо знала меня и иногда приходила ко мнѣ повѣрить свои невзгоды и давала мнѣ часто характеристики высокихъ особъ.

— Какъ вы думаете, — спросила она меня, — зачѣмъ ему понадобилось пріѣхать въ замокъ.

— Онъ хотѣлъ повидать дѣтей,—отвѣтила я.

— Совсѣмъ нѣтъ,—замѣтила она.

— Для чего же? Изъ за лейтенанта фонъ Х.?

— Ни изъ за дѣтей, ни изъ за лейтенанта. Онъ ужъ видѣлъ ихъ. Онъ пріѣзжалъ посмотрѣть на васъ.

Я подумала, что миссисъ М. шутила, но она была вполнѣ серьезна. По ея мнѣнію, кайзеръ былъ очень любопытенъ и ничего такъ не любилъ, какъ видѣть новыя лица и мѣшаться въ дѣла другихъ странъ, какъ бы ни были они незначительны.

— Онъ очень интересуется своими внуками,—продолжала нянька. Принцесса хотѣла, чтобы дѣти сначала выучились по-французски, но кайзеръ до тѣхъ поръ настаивалъ, чтобы они взяли англійскую гувернантку, пока принцесса не уступила, хотя онъ ненави-

дитъ англичанъ. Оттого кайзеръ и интересуется вами.

Эти сообщенія внушили мнѣ нѣкоторыя опасенія за будущее.

— Мнѣ очень жаль, если принцесса такъ предубѣждена противъ англичанъ, — сказала я. — Хорошо только, что кайзеръ цѣнитъ насъ, какъ націю.

— Ничего подобнаго,—отвѣтила миссисъ М. — Онъ можетъ быть любитъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ въ Англіи, своихъ друзей, какъ и друзей нѣмцевъ, но онъ ненавидитъ англійскую націю и убѣжденъ, что она приходитъ въ упадокъ. Въ то же время, я увѣрена, онъ и боится ея. Это противорѣчитъ одно другому, но это такъ. Самъ кайзеръ — противорѣчіе, таковъ и кронпринцъ, таковъ же и нашъ принцъ. Всѣ трое грезятъ войной съ Англіей. Я не хочу сказать, что принцесса ненавидитъ англичанъ. Она даже любитъ ихъ и нѣкоторыхъ американцевъ, но она любитъ больше французовъ, такъ какъ въ ея жилахъ течетъ и французская кровь. Замѣтьте мои слова: кайзеръ и всѣ его сыновья (и вся ихъ партія, къ которой принадлежитъ и нашъ принцъ) любятъ Англію только за то, что она по ихъ мнѣнію приходитъ въ упадокъ. Теперь вы этого не понимаете, но подождите. Пройдетъ нѣ-

сколько лѣтъ и тогда вы скажете, права я или нѣтъ.

Я ничего не сказала, но подумала, что миссисъ М. довольно отрицательно смотритъ на всѣхъ высокихъ особъ, (которыхъ она знала съ чернаго хода) по причинѣ своего придирчиваго характера.

Прежде чѣмъ я успѣла перемѣнить свое мнѣніе, когда не пришла еще и половина того времени, которое она дала мнѣ на размышленіе, старая шотландка умерла. Она умерла отъ воспаленія легкихъ въ первую же зиму моего пребыванія въ Германіи.

V.

Британская добросовѣстность.—Принцъ и принцесса.—Госпожа Круппъ.—Поѣздка въ Эссенъ.—Генералъ фонъ Бернгарди. — „Большой сюрпризъ завода Круппъ“.—Милитаризмъ Бернгарди.—Бернгарди и Англія. — „Когда будетъ война“.

Я была представлена родителямъ моихъ принцевъ въ скромномъ замкѣ въ Шварцвальдѣ. Ихъ главной резиденціей служилъ Потсдамъ, лежавшій недалеко отъ Берлина, гдѣ жила и большая часть прусской аристократіи, принадлежавшей къ военной лигѣ. Потсдамъ лежитъ въ болотистой мѣстности и кишитъ комарами, что дѣлаетъ его совершенно необитаемомъ лѣтомъ и всѣ, кто можетъ, уѣзжаютъ оттуда на это время года.

Мы уѣхали очень неожиданно изъ замка на Рейнѣ и я вообще замѣтила, что у моихъ хозяевъ все совершалось очень быстро и не-

ожиданно. Никто никогда не зналъ, что случится завтра и нужно было всегда быть готовымъ ко всякимъ неожиданностямъ. Это очень дѣйствуетъ на нервы, но мои хозяева мало заботились о человѣческихъ нервахъ. Эта характерная черта пруссаковъ теперь извѣстна всѣмъ.

Уѣзжая съ Рейна, я случайно узнала, что моя отвѣтственность распространяется гораздо дальше, чѣмъ я предполагала первоначально. Я была приглашена въ качествѣ гувернантки къ принцамъ и къ ихъ кузинѣ, и теперь увидѣла, что въ высокопоставленныхъ домахъ Германіи обязанности гувернантки очень отличаются отъ того, что требуется въ Англіи. Кромѣ уроковъ англійскаго языка и наблюденія за ихъ поведеніемъ, я думала, на мнѣ не будетъ лежать другихъ обязанностей, и для дальнѣйшаго обученія будутъ приглашены впослѣдствіи спеціалисты. Но мнѣ стало вскорѣ ясно, что за всѣ ошибки принцевъ въ какой бы то ни было области, отвѣтственность падала на меня. Въ то же время мнѣ въ первый разъ дали почувствовать отрицательныя стороны моего англійскаго происхожденія. Отъ меня, «съ моей англійской добросовѣстностью», можно было ожидать больше, чѣмъ отъ кого-нибудь другого, Я поэтому должна была чув-

ствовать себя польщенной, что мнѣ поручаютъ дѣло, которое не было моей спеціальностью.

Мы пріѣхали въ Шварцвальдъ прежде принца и принцессы. «Замокъ» былъ такой маленькій, что не заслуживалъ этого пышнаго названія и намъ было очень тѣсно въ немъ.

У меня была только одна комната, хотя я легко помирилась съ этимъ неудобствомъ.

Насталъ день, въ который ожидали принца и принцессу, но они не пріѣхали.

На слѣдующій день, когда мы возвратились съ прогулки,—мы ѣздили кататься въ колескѣ, запряженной пони, — я узнала, что пріѣхалъ весь дворъ на автомобиляхъ и съ ними много гостей. Меня поразила та сумятица, которая царила изъ за этого среди прислуги; я думаю, что въ обыкновенномъ загородномъ домѣ въ Англіи не могло быть ничего подобнаго.

Тотчасъ же за мной прислали, чтобы итти представиться принцессѣ въ ея блестящій, хотя и безвкусный будуаръ. Меня провожала туда одна изъ ея фрейлинъ, хорошенькая прусская графиня лѣтъ 35, которая слыла за очень интересную особу, готовую принести въ жертву все и всѣхъ ради своего остроумія.

Англійская женщина въ возрастѣ принцессы выглядѣла бы еще дѣвочкой. У нея было красивое лицо, прекрасные глаза и красивый большой улыбающійся ротъ, но черты лица ея успѣли ужъ огрубѣть и хотя ея фигура была тонка, но ужъ становился замѣтнымъ двойной подбородокъ.

Она говорила со мной на правильномъ англійскомъ языкѣ, все время была очень мила и оживленна и напоминала по своей живости скорѣе француженку, чѣмъ нѣмку. Она засыпала меня вопросами обо мнѣ и о принцахъ. Во время нашего разговора дверь неожиданно открылась и въ ней показался молодой человѣкъ. Увидя меня, онъ хотѣлъ было скрыться, но принцесса попросила его войти и познакомиться съ гувернанткой. Это оказался принцъ. Онъ былъ старше своей жены, но выглядѣлъ гораздо моложе ея. У него было очень узкое и длинное лицо и съ помощью корсета или жилета на китовомъ усѣ ему удавалось придать своей фигурѣ юношескую стройность. Онъ разсѣянно улыбнулся мнѣ и, даже смотря на меня, онъ машинально сказалъ, что слышалъ о моемъ знаменитомъ дѣдушкѣ.

Принцесса разсмѣялась громкимъ смѣхомъ и сказала, что это была «странная рекомендація для молодой особы». Принцъ казался

немного сконфуженнымъ ея смѣхомъ, какъ будто онъ сказалъ нѣчто неподходящее, хотя и не зналъ, что именно: наконецъ, онъ тоже рѣшилъ разсмѣяться, я сдѣлала то же, разсмѣявшись принужденно, какъ и подобаетъ въ присутствіи высокихъ особъ, и отвѣтила, что очень рада слышать похвалы своему дѣдушкѣ.

Принцъ началъ говорить со мной о своихъ сыновьяхъ и я поразилась его знаніемъ англійскаго языка. Говорятъ, что онъ учился въ Оксфордѣ или въ Кембриджѣ и послѣ этого прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Разговоръ его былъ очень живъ и даже остроуменъ, а его улыбка пріятна, хотя и разсѣяна. Онъ всегда бывалъ разсѣянъ до тѣхъ поръ, пока разговоръ не касался его любимой темы о спортѣ или о политикѣ. Онъ имѣлъ вообще какой-то невинный видъ юноши, но глаза у него были, какъ у звѣря—узкіе, свѣтлые съ страннымъ выраженіемъ, не располагающемъ къ довѣрію; это происходило можетъ быть оттого, что онъ немного косилъ. Не могу сказать, чтобы я почувствовала къ нему симпатію послѣ нашего перваго разговора и не думаю, чтобы я ему понравилась, если онъ вообще когда-нибудь задумывался обо мнѣ.

Во время нашего пребыванія въ Шварц-

вальдѣ, а потомъ осенью и зимой въ Потсдамѣ у нихъ бывало очень много интересныхъ лицъ, и я видѣла ихъ всѣхъ, такъ какъ каждый изъ нихъ желалъ видѣть маленькихъ принцевъ. Кромѣ того принцесса имѣла обыкновеніе звать меня безъ всякой церемоніи писать англійскія письма подъ ея диктовку. Хотя это было и не мое дѣло, но принцесса никогда не смущалась этимъ. Иногда, когда всѣ фрейлины принцессы были заняты чѣмъ-нибудь другимъ, меня призывали помочь въ какомъ-нибудь благотворительномъ базарѣ, въ которомъ принцесса принимала участіе. Она дѣйствительно принимала дѣятельное участіе со свойственной ей безпечной манерой и любила, чтобы все дѣлалось по ея вкусу.

Давала она вполнѣ искренно и отъ чистаго сердца и выглядѣла очень интересной въ своемъ парижскомъ или вѣнскомъ платьѣ, (она не надѣла бы платья, сшитаго въ Берлинѣ), улыбаясь всѣмъ своей сіяющей улыбкой.

Вслѣдствіе этого я видѣла гораздо больше людей, чѣмъ могла бы, а такъ какъ въ Берлинѣ и Потсдамѣ къ нимъ пріѣзжали американцы, которые знали моего дѣда, то и я стала слыть за американку. Иногда мнѣ удавалось опровергнуть это. Но скоро я

замѣтила, что стоитъ нѣмцу вбить себѣ что-нибудь въ голову—ничего ужъ нельзя было сдѣлать, чтобы заставить его перемѣнить свое мнѣніе. Они какъ будто гордились тѣмъ, что не допускали возможности для иностранца убѣдить ихъ въ ихъ неправотѣ.

Самымъ интереснымъ событіемъ въ первый годъ моего пребыванія въ Германіи была моя поѣздка (съ принцессой, конечно), въ виллу Hügel къ господамъ Круппъ фонъ Боленъ, близъ Эссена. Берта Круппъ «пушечная королева» и самая богатая наслѣдница въ Германіи, если не всего свѣта,—была 4 года замужемъ за южно-германскимъ дипломатомъ Густавомъ фонъ Боленъ-и-Хальбахъ. Ей было 24 года, но рожденіе дѣтей ее состарило, какъ и вообще всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ и она ужъ не выглядѣла такой молодой. Ея мужъ былъ старше ея лѣтъ на 16 или 17, но выглядѣлъ моложе въ сравненіи съ ней. Сейчасъ же послѣ своей женитьбы онъ пристегнулъ фамилію Круппъ къ своему имени и «Хальбахъ» осталось только на офиціальномъ языкѣ.

Несмотря на то, что она имѣла видъ уравновѣшенной матери семейства, госпожа Круппъ фонъ Боленъ, съ своимъ нѣжнымъ прелестнымъ лицомъ понравилась мнѣ больше всѣхъ женщинъ, которыхъ я видѣла въ

Германіи. У нея было ласковое нѣжное лицо съ прекрасными нѣжными карими глазами и очень хорошая фигура. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ женщинъ она очень хорошо причесывалась и очень просто и изящно одѣвалась, и была самая любезная и гостепріимная хозяйка. Вилла Hügel была самымъ пріятнымъ домомъ, въ которомъ мнѣ приходилось бывать. Въ сравненіи съ нашимъ «хозяйствомъ», порядокъ въ ея домѣ былъ образцовый и походилъ на хорошую машину.

Ея мужъ считался красивымъ, и дѣйствительно былъ такимъ. Онъ могъ бы сойти за американца по своей внѣшности и выраженію лица. Даже его манера говорить по англійски, напоминала мнѣ американцевъ, но можетъ быть онъ говорилъ такъ нарочно, когда узналъ, что я родилась въ Вашингтонѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣкоторое время въ качествѣ секретаря германскаго посольства. Я никогда не видала болѣе умныхъ глазъ, чѣмъ у господина Круппа фонъ Болень и Хальбахъ, а его «профессорская» голова была того типа, которымъ, гордятся германцы, какъ признакомъ высшей расы. Ни у кого не было такихъ хорошихъ манеръ, которые обыкновенно создаютъ популярность дипломатамъ, какъ у него.

Но во время нашего пребыванія на виллѣ

Hügel, случилось много хотя и незначительныхъ вещей, которые разочаровали меня во всемъ этомъ типѣ головы, не только одной той, которая сидѣла на плечахъ Круппа фонъ Боленъ.

Мы поѣхали туда цѣлой семьей, мои оба принца, ихъ родители, много адьютантовъ и слугъ.

Но огромная вилла, построенная въ итальянскомъ стилѣ со множествомъ удобныхъ большихъ комнатъ, могла вмѣстить гораздо большее количество важныхъ гостей. Однимъ изъ нихъ былъ генералъ Бернгарди, у котораго тоже была голова, какою, очевидно обладаютъ всѣ великіе люди Германіи. При видѣ нѣсколькихъ обладателей «высшаго разума», разговаривающихъ между собой и слыша ихъ сужденія о разныхъ предметахъ, мнѣ представилось, что въ этихъ длинныхъ черепахъ былъ какой-то крупный недостатокъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія моего въ мирной виллѣ Hügel мнѣ пришло въ голову, что германскія головы по сравненію съ умами Англіи и Америки, были то же, что куполы мечетей по сравненію съ куполами соборовъ. Однажды послѣ обѣда мои принцы играли съ старшимъ сыномъ нашихъ хозяевъ, маленькимъ Альфридомъ въ «Во-

робьиномъ домѣ», павильонѣ, построенномъ въ саду для Берты Круппъ и ея сестры Барбары, гдѣ онѣ учились хозяйству, когда были маленькими. Воробьиный домикъ послужилъ кажется образцомъ для игрушечнаго домика, который выстроилъ кайзеръ для своей единственной дочери, теперешней герцогини Брауншвейгской.

Одинъ изъ директоровъ завода Круппа господинъ Ексіусъ и докторъ Линденъ, директоръ знаменитаго акваріума въ Неаполѣ (субсидируемаго кайзеромъ, что не всѣмъ извѣстно) были приглашены на виллу спеціально, чтобы встрѣтиться тамъ съ принцемъ и генераломъ фонъ Бернгарди. Въ то время, когда я играла съ дѣтьми въ «Воробьиномъ домѣ», господинъ Круппъ фонъ Болень привелъ туда четырехъ господъ, чтобы показать имъ знаменитую книгу посѣтителей, которая хранилась тамъ съ тѣхъ поръ, когда Берта и Барбара были еще дѣтьми.

Генералъ Бернгарди пріѣхалъ наканунѣ въ ночь и я его увидѣла тогда въ первый разъ такъ же, какъ и господина Ексіуса и доктора Линдена.

Мнѣ интереснѣе всего было посмотрѣть на послѣдняго, такъ какъ я слышала, какъ госпожа Круппъ разсказывала дѣтямъ чу-

дѣсную исторію о необыкновенныхъ умныхъ рыбахъ Неапольскаго Аквaріума. А все, что я слышала о генералѣ Бернгадри, сводилось къ тому, что онъ считался героемъ, такъ какъ первый въѣхалъ въ Парижъ въ 1871 году или что-то еще въ этомъ родѣ. Но когда я увидѣла его, я почувствовала въ немъ грозную отталкивающую личность, человѣка, съ которымъ всѣ считаются. Я рѣшила разспросить о немъ побольше у графини, которая все знала обо всѣхъ и не стѣснялась разсказывать все, что она знала.

Кто-то назвалъ мое имя, и всѣ четверо почтительно поклонились мнѣ. Одинъ только генералъ фонъ Бернгарди, едва замѣтно нагнулъ свою толстую короткую шею, какъ будто противъ своего желанія. Онъ такъ злобно взглянулъ на меня изъ подъ своихъ нависшихъ бровей, что мнѣ тогда захотѣлось узнать, всѣхъ ли женщинъ онъ ненавидитъ, или же его ненависть относилась только ко мнѣ.

— Вы англичанка? — коротко спросилъ онъ по нѣмецки голосомъ, которымъ онъ привыкъ командовать.

— Она родилась въ Вашингтонѣ, — сказалъ господинъ Круппъ фонъ Боленъ своимъ вѣжливымъ мягкимъ голосомъ. — Вашингтонъ—одинъ изъ самыхъ замѣчатель-

ныхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, о немъ у меня самыя лучшія воспинанія. Дѣдушка миссъ *** былъ знаменитымъ морскимъ офицеромъ.

Говоря это, онъ хитро улыбнулся въ знакъ того, чтобы я не пыталась объяснять генералу свое происхожденіе.

— А! Тѣмъ лучше! — проворчалъ генералъ.

Мнѣ стало ясно, что какъ бы онъ ни относился къ женщинамъ вообще, но англійскихъ женщинъ онъ терпѣть не могъ.

Позже я узнала отъ графини, что на женщинъ генералъ Бернгарди смотрѣлъ, какъ на «четвероногихъ животныхъ имперіи», что онъ не стѣснялся громко спорить со своей женой и всегда первый проходилъ въ дверь, отталкивая ее или другую даму (даже незнакомую ему), которая стояла на дорогѣ.

Тѣхъ, кто еще не расписывался въ книгѣ посѣтителей, гдѣ были автографы императора и императрицы, попросили сдѣлать это, затѣмъ стали говорить о процвѣтаніи дѣла Круппа.

Господинъ Круппъ фонъ Болленъ говорилъ про свое дѣло съ скромной гордостью и съ такимъ видомъ, какъ будто онъ самъ соз-

далъ его. Онъ упомянулъ о предполагаемомъ торжествѣ по случаю столѣтія существованія заводовъ, которое наступитъ въ 1912 году и о томъ, что кайзеръ обѣщалъ присутствовать на торжествѣ. Онъ говорилъ это, обращаясь къ генералу, и тотъ сказалъ:

— Вы кажется готовите для насъ большой сюрпризъ къ этому торжеству?

— Мы этого добиваемся, — отвѣтилъ ему Круппъ фонъ Боленъ тихо.

Я сидѣла между двумя принцами, а маленькій Альфридъ стоялъ передо мной, показывая намъ свои фотографическіе снимки. Я поняла, что господинъ Круппъ фонъ Боленъ понизилъ голосъ для того, чтобы напомнить генералу о присутствіи постороннихъ.

Я наклонила голову, сдѣлавъ видъ, что очень занята разсматриваніемъ карточекъ и не могла поэтому видѣть, что происходило, но я почувствовала, что они внимательно слѣдили за нами. Потомъ они продолжали говорить, и я слышала, какъ господинъ Эксіусъ сказалъ:

— Вы посмотрите завтра сами, что мы сдѣлали.

Слѣдующій день былъ предназначенъ для осмотра завода, который былъ похожъ на крѣпость, и къ которому посторонниимъ не позволяли подходить близко.

Въ тотъ же вечеръ генералъ Бернгарди зашелъ къ намъ съ принцемъ пожелать дѣтямъ покойной ночи.

За это время мнѣ удалось поговорить о немъ съ графиней, и я узнала, что онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ военныхъ дѣлахъ. Она сказала, находя свою остроту удачной, что «генералъ готовъ объявить давно жданную войну англичанамъ».— Онъ и пріѣхалъ въ Эссенъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на новый «сюрпризъ»,—огромныя пушки, которыя тамъ изготовляются.

Я не обратила большого вниманія на ея болтовню, такъ какъ лить пушки было спеціальностью завода Круппа, и потомъ я не могла даже предположить, чтобы графиня проболтала мнѣ такую важную тайну.

Мнѣ тогда не пришло въ голову, что она передастъ мнѣ секретъ огромной важности и мнѣ кажется, она и сама едва ли сознавала это.

Генералъ фонъ Бернгарди не удостоилъ меня своимъ вниманіемъ, когда зашелъ въ комнату принцевъ, свѣтлую и уютную съ роскошнымъ видомъ на рѣку, гдѣ мы учились и играли. Онъ сѣлъ и въ то время, какъ родители принцевъ смотрѣли на него улыбаясь, (принцъ былъ такимъ же поклонникомъ генерала, какъ и его родственникъ

кронпринцъ), онъ посадилъ принцевъ къ себѣ на колѣни. Они не стѣснялись его и отвѣчали на его вопросы такъ свободно, какъ будто это былъ ихъ старый другъ, хотя въ послѣдній разъ они видѣли его, когда были совсѣмъ еще маленькими. Старшій принцъ объявилъ, что онъ хочетъ быть военнымъ, а младшій—морякомъ, когда будетъ большой.

Генералъ спросилъ старшаго принца о величинѣ армій, различныхъ государствъ и мальчикъ съ увлеченіемъ сталъ говорить о томъ, что онъ узналъ отъ лейтенанта фонъ Х. Когда онъ дошелъ до англійской арміи, онъ объявилъ, что въ ней только 180 тысячъ солдатъ.

Мнѣ хотѣлось спросить: «а сколько въ Индіи?» но я удержалась.

— Да!—воскликнулъ Бернгарди.—Съ ними у насъ немного будетъ хлопотъ.

— Конечно,—сказалъ принцъ,—но лейтенантъ фонъ Х. не велѣлъ мнѣ говорить этого въ присутствіи миссъ **.

Генералъ едва удостоилъ взглянуть на меня и я снова подумала, что это самый грубый и отталкивающій человѣкъ, котораго я когда-либо видѣла, настоящій типъ пруссака до мозга костей.

— Вы любите Англію?—спросилъ онъ.

Я отвѣтила ему, что считаю Англію самой великой страной въ мірѣ.

— Глупости,—проговорилъ онъ, и я никогда не забуду, какъ рѣзко онъ сказалъ это.

Принцъ, хотя и зналъ, что я англичанка, (Бернгарди не зналъ этого), сталъ поддерживать генерала и объяснять мнѣ, какъ ребенку, что Англія когда-то была самой могущественной страной въ мірѣ, была способна овладѣть всѣмъ міромъ, благодаря тонкости своей дипломатіи, но теперь, подъ управленіемъ либеральнаго правительства все перемѣнилось. Англія пришла въ упадокъ, какъ нѣкогда Римъ, и теперь ужъ раздается погребальный звонъ ея величію. Ни одна изъ ея колоній не пойдетъ за ней, когда настанетъ великій часъ, а наоборотъ, всѣ повернутся противъ нея.

— Вамъ слѣдуетъ только почитать англійскія газеты, чтобы убѣдиться, что Англія вырождается, — сказалъ генералъ. — Судьба уже занесла надъ ними руку. Англичане спятъ, а когда они проснутся—будетъ уже поздно.

Онъ не далъ мнѣ времени отвѣтить на эти слова, и обратился къ младшему принцу, спросивъ его, что онъ знаетъ о флотѣ. Мальчикъ былъ очень радъ, что онъ привлекъ на себя вниманіе генерала и объяснилъ ему,

что лейтенантъ фонъ Х. показывалъ ему военныя суда на картинкахъ, и онъ выучилъ ихъ названія: германскихъ, французскихъ, русскихъ и «главнымъ образомъ англійскихъ».

Я уже слышала объ его познаніяхъ въ этомъ дѣлѣ и какъ-то разъ, когда онъ хвастался передо мной своими знаніями, я спросила его, зачѣмъ онъ такъ старается запомнить названія судовъ, которыя измѣнятся гораздо раньше, чѣмъ онъ выростетъ.

Онъ подумалъ немного, такъ какъ былъ не такъ находчивъ, какъ его братъ, а потомъ старательно объяснилъ мнѣ, что война будетъ гораздо раньше, чѣмъ онъ выростетъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ разразится большая война на сушѣ и на морѣ,—сказалъ онъ,—и я хочу поэтому знать названія всѣхъ нѣмецкихъ судовъ.

Я засмѣялась тогда на его объясненія, такъ что онъ разсердился на меня и топнулъ ногой. Но генералъ Бернгарди не смѣялся и повторялъ «Prachtvoll», «Kolossal» и гладилъ бѣлокурую головку мальчика своей тяжелой рукой.

Я такъ разсердилась на генерала за его отвѣтъ «глупости», что плохо спала въ ту ночь. Мое неудовольствіе проистекало, конечно, отъ оскорбленнаго самолюбія, но со-

всѣмъ не отъ тревоги, которую могли бы возбудить во мнѣ слова человѣка съ такимъ высокимъ положеніемъ.

Когда мы вернулись домой, графиня много разсказывала мнѣ о заводѣ Круппа и о его настоящемъ хозяинѣ. Она считала своимъ долгомъ ничего не говорить дурного о людяхъ до тѣхъ поръ, пока находилась подъ ихъ кровлей.

— Хотя,—замѣтила она,—это въ сущности домъ его жены, а о женѣ никто не могъ бы сказать ничего дурного, кромѣ того развѣ, что она становится феминисткой.

— Когда будетъ война,—сказала она,—Круппъ фонъ-Боленъ будетъ настоящимъ владыкой. Вы думаете, что онъ милый и образованный, а на самомъ дѣлѣ подъ этой внѣшностью скрывается совсѣмъ другой человѣкъ. Не генералъ Бернгарди потребуетъ войны, она будетъ необходима Густаву Круппу фонъ-Боленъ, хотя сейчасъ онъ и отвѣтитъ вамъ «чудовищно», если вы обвините его въ желаніи вызвать всемірный пожаръ. Вѣдь онъ состоитъ предсѣдателемъ правленія завода. Онъ больше Круппъ, чѣмъ сами Круппы. Все, что говорится противъ Англіи въ тѣхъ трехъ газетахъ, которыя субсидируются деньгами Круппа,—говорится съ его одобренія. Его очень любятъ императоръ и

кронпринцъ. Кромѣ того, хотя это и секретъ, оба они участники этой фирмы. Они знаютъ настоящаго фонъ-Болена. Ему снится тотъ же сонъ, что и старому Альфриду Круппу и нашему кайзеру.

Когда я спросила, что же снится имъ?— графиня разсмѣялась и предоставила мнѣ самой догадываться. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я хоть и окольнымъ путемъ дошла до разгадки.

VI.

Сонъ кайзера.—Сонъ послѣ дня рожденія.—Кронпринцъ и кронпринцесса.—Роковая ошибка.—Марокккскій инцидентъ.

Въ день рожденія одного изъ сыновей кронпринца мои принцы и ихъ кузина,—день рожденья которой приходился тоже въ этотъ день,—были приглашены на дѣтскій вечеръ въ старинный красивый Мраморный дворецъ въ Потсдамѣ.

Императоръ, который случайно находился въ то время въ своемъ Новомъ дворцѣ, соблаговолилъ пріѣхать туда на короткое время, одѣтый въ одинъ изъ своихъ многочисленныхъ красивыхъ мундировъ. Собравъ вокругъ себя цѣлую группу дѣтей, онъ началъ имъ разсказывать что-то. Мы были на достаточно большомъ разстояніи, чтобы не слышать его. Исторія была не длинная, но онъ ее разсказывалъ съ такимъ увлеченіемъ и такимъ таинственнымъ голосомъ, такъ ши-

роко при этомъ раскрывалъ глаза и вытягивалъ впередъ голову, что дѣти ловили съ жадным ъ вниманіемъ каждое его слово.

Маленькая принцесса съѣла вѣроятно вечеромъ что нибудь лишнее, что ей испортило желудокъ, потому что ночью ко мнѣ прислали за лѣкарствомъ. Я давала ей однажды свое лѣкарство, которое ей очень помогло и она просила меня дать его ей опять. Я сама отправилась къ ней; хотя она и не привязалась ко мнѣ такъ, какъ принцы, но когда бывала больна, любила, чтобы я была возлѣ нея. Она и теперь почувствовала себя лучше послѣ лѣкарства и попросила меня посидѣть съ ней, чтобы разсказать мнѣ объ ужасномъ снѣ, который ей приснился. Она ужъ разсказала его своей нянькѣ и спрашивала меня: можетъ ли онъ осуществиться?

— Да, конечно, нѣтъ!—сказала я, стараясь успокоить дѣвочку, которая ужъ начала плакать.—Я увѣрена, что фрау Z. тоже сказала вамъ, что это невозможно и никогда не бываетъ.

— Нѣтъ, она мнѣ этого не сказала,—отвѣтила маленькая принцесса.—Она не осмѣлилась противорѣчить ** (имя данное императору дѣтьми).

— Въ чемъ же я противорѣчу императору?—спросила я.

— Онъ разсказалъ намъ сегодня, что всѣ сны, которые онъ видитъ въ ночь своего рожденья, всегда исполняются. Онъ сказалъ намъ, чтобы мы всегда старались видѣть во снѣ что-нибудь хорошее и записывали сонъ. Тогда мы можемъ провѣрить, исполнились ли наши сны. Я и постаралась, но мнѣ приснился такой страшный сонъ, какъ будто кабанъ прыгнулъ въ окно и спрятался у меня подъ кроватью. Фрау Z. совѣтуетъ мнѣ спросить его, что означаетъ этотъ сонъ. Но я боюсь, онъ скажетъ, что сонъ исполнится и что я глупая дѣвочка, если не сумѣла увидѣть во снѣ ничего хорошаго. Онъ самъ умѣетъ это и всегда видитъ одинъ и тотъ же сонъ.

— Это онъ и разсказывалъ вамъ вчера, когда вы собрались всѣ вокругъ него? — спросила я.

— Да,—отвѣтила принцесса.—Въ первый разъ ему приснился этотъ сонъ, когда ему минуло 17 лѣтъ и съ тѣхъ поръ онъ часто его видитъ. Ему предсказали, что если онъ увидитъ этотъ сонъ нѣсколько разъ, то онъ непремѣнно исполнится. Нужно думать о немъ цѣлый день и тогда онъ приснится. Его сонъ еще не осуществился, но онъ увѣренъ, что это случится и онъ станетъ тогда повелителемъ всего міра.

— Неужели онъ хочетъ этого?—воскликнула я.—Это—великолѣпный сонъ.

— Онъ говоритъ, что Германія будетъ такая большая, какъ весь міръ,—сказала принцесса.

Конечно, это была ребяческая болтовня и императоръ разсказывалъ объ этомъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ, чтобы заинтересовать дѣтей. Я знаю, что императоръ не упускалъ случая возбудить въ своихъ слушателяхъ, (не исключая и дѣтей), патріотическія чувства и для этого воспользовался исторіей своихъ сновъ. Я не обратила бы большого вниманія на всю эту исторію, если бы не вспомнила разсказа графини о снахъ кайзера, кронпринца и стараго Альфреда Круппа. Я часто думала объ этомъ послѣ того, какъ мы возвратились изъ виллы Hügel. Съ тѣхъ поръ прошло шесть мѣсяцевъ, и я все больше и больше понимала смыслъ ея словъ. Недѣлю спустя, докторъ (тотъ самый, съ которымъ я познакомилась въ замкѣ на Рейнѣ), подтвердилъ мнѣ исторію о пресловутомъ снѣ кайзера, предсказывающемъ ему владычество Германіи надъ всѣмъ міромъ.

Общество, которое я видѣла въ Берлинѣ и Потсдамѣ, было разсадникомъ всякихъ сплетенъ объ императорской фамиліи и о ея друзьяхъ. Насколько я могу судить по соб-

ственному опыту, нигдѣ ни въ Англіи, ни въ Америкѣ, ни въ большомъ городѣ, ни въ послѣдней деревушкѣ не передается такъ много секретовъ о высокихъ особахъ. Я увѣрена, что въ Англіи люди, знакомые съ частной жизнью высокопоставленныхъ людей, не будутъ говорить о ней, не изъ страха, а изъ деликатности; въ Германіи же только и дѣлали, что шопотомъ передавали другъ другу разныя сплетни. Ни одна ничтожная подробность изъ жизни императорской семьи не оставлялась въ покоѣ, и за спиной имъ давались самыя смѣшныя прозвища. Мнѣ было странно, что никто изъ этихъ сплетниковъ не боялся, что ихъ остроты могутъ дойти до ушей тѣхъ, о комъ они сказаны; это происходило вѣроятно отъ того, что ни одинъ не былъ чистъ и каждый боялся, выдавая своего сосѣда, попасть и самому въ бѣду. Я часто вспоминала, что мнѣ сказалъ кайзеръ, когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ замокъ на Рейнъ, насчетъ моего вѣроятнаго желанія «писать дневникъ». Если бы я желала собирать свѣдѣнія для опубликованія, то несомнѣнно и половины тѣхъ скандальныхъ исторій, о которыхъ я наслышалась при германскомъ дворѣ, было бы достаточно, чтобы у всей Европы встали дыбомъ волосы.

Я замѣтила одну особенность у герман-

скаго народа: это—ихъ непостоянство по отношенію къ членамъ царствующаго дома. Въ то время какъ кайзеръ становился необыкновенно популярнымъ въ высшемъ обществѣ, большая публика возмущалась какимъ-нибудь его дѣйствіемъ или рѣчью. Или наоборотъ. Рѣдко бывало, чтобы и тѣ и другіе были имъ довольны въ одно и то же время. Къ кронпринцу относились такъ же.

Годъ спустя послѣ моего пріѣзда, въ 1910 году, его называли не иначе, какъ «травителемъ евреевъ» и молодежь, принадлежавшая къ прусскому юнкерству, боготворила его за рѣчь, вызвавшую возмущеніе въ средѣ еврейства, даже и богатаго и «аристократическаго», которое съ удовольствіемъ забыло бы о своемъ происхожденіи.

«Вилли и Цилли» (уменьшительныя имена кронпринца и его жены) одно время пользовались большой любовью молодежи высшаго общества, но позже, послѣ путешествія кронпринца въ Индію, оба пошаго въ то время патріотизма германцевъ. Ихъ высочествъ подозрѣвали въ симпатіи ко всему англійскому или американскому, и въ пренебреженіи къ тому, что было «made in Germany» (изготовлено въ Германіи). Его обвиняли въ томъ, что онъ старается

навязать всѣмъ англійскій спортъ и заставляетъ жену одѣваться по англійски «на подобіе тѣхъ сухопарыхъ англичанокъ, съ которыми онъ флиртовалъ и катался на конькахъ въ Селеринѣ».

Его симпатію къ англичанамъ и американцамъ принимали ближе къ сердцу, чѣмъ допущеніе кайзеромъ нетитулованныхъ особъ (въ родѣ Альфреда Балинъ и Бернгарда Дернберга) въ среду дипломатовъ.

Такія же глупости распространялись и о кронпринцессѣ. Говорили, что съ той минуты, когда она стала кронпринцессой, она рѣшила быть самой красивой и самой изящной женщиной въ Европѣ и была очень огорчена, когда увидѣла, что послѣ рожденія дѣтей, талія ея замѣтно потолстѣла. Говорили, что она заказала восковой слѣпокъ своей фигуры сейчасъ же послѣ рожденья своего перваго сына; на этой модели все было сдѣлано съ натуры: лицо, волосы и фигура. Говорили, что всякую прическу, она пробовала сперва на моделѣ, прежде чѣмъ рѣшалась носить ее, и заставляла на нее примѣривать шляпы, прежде чѣмъ посмотрѣть ихъ на себѣ въ зеркало.

Платья, которыя присылались изъ Вѣны и Парижа, надѣвались сперва на ту же куклу и если послѣ этого они оказывались слиш-

комъ увки ей, то принцесса плакала. Говорили также, что она употребляетъ щетки для волосъ не больше двухъ разъ и выбрасываетъ ихъ послѣ этого. Она утверждала, что послѣ мытья онѣ пахнутъ соломой, а зубныя щетки она бросала въ печку черезъ день.

Эти фантазіи принцессы считались экстравагантными, «французскими»—почти неприличными. Впрочемъ, щетки для волосъ вставлялись въ одну и ту же золотую оправу, такъ что расточительность кронпринцессы была вовсе не такъ велика.

Про нее разсказывали еще одну исторію, которая была не такъ безобидна, какъ предыдущія, но которая не такъ зловредна, чтобы о ней нельзя было разсказать.

Кронпринцъ упорно флиртовалъ съ какими-то красивыми дамами въ «Зимнемъ Спортѣ» въ Энгадинѣ. Его жена рѣшила отомстить ему и выбрала для этой цѣли одного дипломата-англичанина. Они обмѣнялись нѣсколькими письмами. Кто-то написалъ кронпринцу анонимное письмо, разоблачающее тайну его жены. Когда вскорѣ послѣ того кронпринцессѣ принесли письмо, кронпринцъ, находясь тамъ же, перехватилъ его и вскрылъ.

Къ своему великому удивленію онъ на-

шелъ въ конвертѣ очень интересный документъ, касающійся политики въ Марокко и дающій свѣдѣнія, за которыя кайзеръ не пожалѣлъ бы и нѣсколькихъ тысячъ. Къ этому документу не было приложено никакого письма. Бросивъ на него взглядъ, кронпринцъ спросилъ «Цилли», что это означало. Она съ своей стороны не чувствовала себя вполнѣ спокойной; несмотря на всю безобидность своего флирта, который она затѣяла, чтобы посердить «Вилли», она испугалась, когда увидѣла, что кронпринцъ дѣйствительно сердится. Ничего не понимая по выраженію лица мужа, она обиженнымъ тономъ потребовала, чтобы ей показали сперва письмо. Кронпринцъ показалъ и хотя она успѣла прочесть всего нѣсколько строкъ, догадливая принцесса рѣшила извлечь изъ него пользу для себя. Она обвинила мужа въ недовѣріи къ себѣ, но сказала, что хотя онъ и заслуживаетъ наказанія, она все-таки не скажетъ ему правду.

— Я флиртовала съ англичаниномъ, — сказала она,—только для того, чтобы получить этотъ документъ, обѣщанный мнѣ во время одного бала. Я не намѣревалась сама смотрѣть этотъ документъ, а предоставить его въ твое распоряженіе. А теперь, согласно уговору, оно должно быть сожжено.

Несчастный англичанинъ, сдѣлавшій этотъ ужасный промахъ, постарался увидѣть принцессу въ тотъ же день, чтобы вернуть документъ, ошибочно вложенный въ адресованный ей конвертъ. Принцесса разсказала ему откровенно все, что случилось.

Письмо, адресованное кронпринцессѣ, было въ тотъ же день возвращено дипломату лицомъ, которое должно было получить документъ. Какъ разъ, когда англичанинъ принесъ письмо кронпринцессѣ (чтобы доказать ей, что въ немъ не было названо ея имя и она не была скомпрометирована), въ комнату вошелъ кронпринцъ. «Цилли» сейчасъ же отдала ему письмо, и англичанину, который случайно оказалъ Германіи важную услугу, было прощено его преступленіе.

Все ли въ этой исторіи правдиво, я не берусь судить. Я знаю только, что мнѣ ее разсказало близкое къ кронпринцессѣ лицо, которое слыхало о ней отъ самой героини. Можно все-таки предположить, что документъ не могъ быть особенно важнымъ, такъ какъ въ 1911 году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Германія потерпѣла пораженіе въ вопросѣ о Марокко и почувствовала себя униженной Великобританіей.

VII.

Господинъ Дернбергъ. — Путешествіе кронпринца.—Принцъ—шпіонъ.—Скандалъ въ Индіи.—Охота на кабановъ.—„Что я есть“ и „Что я не есть“.

Что-то такое случилось, я не знаю, что именно, что заставило графиню, моего главнаго поставщика сплетенъ о кронпринцѣ, перемѣнить свое мнѣніе о немъ. Она была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя воображаютъ, что всѣ мужчины влюблены въ нихъ. Должно быть, она получила за что-нибудь выговоръ свыше. Какъ бы то ни было, но по возвращеніи кронпринца изъ Индіи, когда онъ принялъ на себя командованіе полкомъ «гусаровъ смерти» въ Данцигѣ, графиня стала меня увѣрять, что «она знаетъ навѣрное», что кронпринцъ ѣздилъ въ Индію въ качествѣ «военнаго шпіона». Я не повѣрила ея словамъ, такъ какъ мнѣ казалось это дѣло слишкомъ низкимъ; но она

стала увѣрять меня, что свѣдѣнія ея идутъ изъ самаго достовѣрнаго источника.

Если бы здѣсь не думали,—говорила графиня,—что «Вилли» не можетъ принести никакой пользы, путешествуя по этой величайшей изъ британскихъ колоній, то его не пустили бы туда; онъ всегда слишкомъ много времени и вниманія посвящалъ спорту и слишкомъ любилъ нравиться публикѣ. Онъ то и дѣло бросалъ свой полкъ, и ѣхалъ туда, гдѣ его ждали удовольствія, хотя и прикидывался хорошимъ солдатомъ, преданнымъ прежде всего военному дѣлу.

— Дѣйствительно, — продолжала графиня,—онъ очень преданъ арміи, въ особенности, когда нужно показаться и нашумѣть, но на маневрахъ онъ надѣлалъ грубыхъ ошибокъ. Когда ему приходится выбирать между скучной ежедневной обязанностью офицера и охотой, или какой-либо другой забавой, то онъ всегда предпочитаетъ послѣднее. Несмотря на это, онъ одинъ изъ всѣхъ шести принцевъ получилъ право называться императорскимъ высочествомъ. Его часто наказывали и дѣлали выговоръ, потому что самъ императоръ, имѣя неукротимый нравъ, не допускаетъ того же у кого-нибудь другого, даже у собственнаго сына.

Онъ старался дать сыну то, чего недоставало ему самому—и теперь и прежде.

— Путешествіе было придумано,—продолжала графиня,— Бернгардомъ Дернбергомъ, министромъ колоній, который имѣлъ большое вліяніе на кайзера. Эта поѣздка кронпринца являлась какъ нельзя болѣе кстати: и хотя планъ былъ приведенъ въ исполненіе долгое время спустя послѣ того, какъ онъ былъ впервые предложенъ, честь его выдумки все же принадлежитъ этому еврею-дипломату.

Я часто встрѣчала господина Дернберга въ первые годы моей жизни въ Германіи, и когда графиня разсказала мнѣ, какъ много значенія придавалъ императоръ его совѣтамъ, я съ трудомъ повѣрила, что такому человѣку кайзеръ позволялъ вмѣшиваться въ свои семейныя дѣла, только по тому, что онъ былъ полезенъ какъ финансистъ и политикъ.

Я считала его всегда талантливымъ финансистомъ, и такъ какъ это составляло главную черту его характера, то я считала, что онъ никогда не могъ быть ничѣмъ другимъ. При первой нашей встрѣчѣ онъ постарался показаться мнѣ настоящимъ американцемъ, такъ какъ я была представлена ему какъ американка. Мнѣ было рѣшительно все рав-

но, что онъ провелъ «три лучшихъ года своей жизни» въ Нью-Іоркѣ, когда еще былъ мальчикомъ, но ему казалось вѣроятно, что мнѣ это очень интересно. Говорили, что онъ очень гордится тѣмъ, что онъ «мастеръ на всѣ руки».

Съ увѣренностью можно сказать, что его манеры не дѣлали чести Америкѣ, если онъ перенялъ ихъ тамъ въ дни своей молодости, но своей неуклюжей толстой фигурой онъ производилъ впечатлѣніе, добродушнаго и симпатичнаго человѣка. Что касается меня, то мнѣ онъ очень не нравился, и я удивлялась, какъ высшая аристократія допускала его въ свое общество. Его вульгарныя выраженія на американскомъ жаргонѣ, которыя онъ выуживалъ спеціально для меня, онъ перенялъ несомнѣнно у какого-нибудь газетнаго репортера. Съ его поднятыми плечами, еврейскимъ лицомъ и неопрятной бородой, которая не скрывала его хищныхъ челюстей, онъ былъ похожъ скорѣе на оптоваго торговца бѣдныхъ кварталовъ Нью-Іорка, чѣмъ на высокопоставленную особу европейскаго двора.

Прежде, судя о немъ только по впечатлѣнію, которое онъ производилъ своей внѣшностью, я не могла понять, почему кайзеръ слушаетъ его совѣтовъ даже въ своихъ

семейныхъ дѣлахъ. Но потомъ, узнавъ объ его миссіи въ Соединенныхъ Штатахъ, я вполнѣ допускала, что роль шпіона для кронпринца въ дружественномъ государствѣ могла быть изобрѣтена только имъ. Чтобы отдать справедливость господину Дернбергу и его упрямству, нужно сказать, что если онъ рѣшалъ что-нибудь, то онъ проводилъ свое дѣло черезъ огонь и воду и доводилъ всегда до успѣшнаго конца.

— Планъ путешествія кронпринца въ 1910 году включалъ Китай и Японію и на обратномъ пути Россію. Но вспыхнула азіатская чума и его визитъ ограничился британскими владѣніями. Если бы не воля Провидѣнія, «Вилли» увидѣлъ бы собственными глазами насколько подвинулась впередъ реорганизація русской арміи и постарался бы втереться между Англіей и ея отдаленной союзницей Японіей во вредъ первой.

Графиня обратила мое вниманіе на то, что кронпринцъ, которому было только 28 лѣтъ, былъ самимъ Богомъ предназначенъ для роли шпіона.

— Съ перваго взгляда,—говорила она,— онъ кажется наивнымъ добродушнымъ мальчикомъ, всегда веселымъ и смѣющимся и искреннимъ, какъ и его отецъ. Но тотъ

дѣствительно знаетъ этихъ двухъ людей, тотъ знаетъ также, что ихъ искренность—это товаръ, которымъ они торгуютъ. Они высказываютъ только то, что имъ выгодно—и это имъ очень легко, потому что они оба больше всего любятъ говорить. Иногда они говорятъ ужасныя вещи и возмущаютъ всѣхъ дипломатовъ. Это происходитъ вовсе не потому, что у нихъ есть потребность высказать громко свои мысли, а просто потому, что они считаютъ себя умнѣе всѣхъ. Благодаря этой самонадѣянности они дѣлаютъ очень много ошибокъ. Дернбергъ и остальные министры великолѣпно знали эту черту Вилли, когда рѣшили отправить его путешествовать по Индіи.—Все, что отъ него требовалось это быть любезнымъ, нравиться и смотрѣть въ оба.

Въ этомъ на него можно было положиться и кромѣ того имъ было очень на-руку отправить его изъ предѣловъ Германіи, гдѣ онъ могъ бы помѣшать. Онъ долженъ былъ поближе ознакомиться съ Россіей и Японіей, въ особенности съ Россіей; но главной цѣлью путешествія была все-таки Индія. Однако, вмѣсто Россіи, гдѣ ему оказывается могъ повредить климатъ въ весеннее время, его отправили въ Египетъ; тамъ кронпринцъ имѣлъ длинный и очень важный разговоръ

съ хедивомъ. Вы, конечно, можете себѣ представить, о чемъ они говорили.

Конечно, я могла догадаться, на что она намекала, но все-таки графиня показалась мнѣ въ то время похожей на нашихъ американскихъ и англійскихъ газетныхъ редакторовъ, которые создавали сенсацію и поднимали шумъ изъ ничего, чтобы только продать побольше газетъ.

Надо сказать правду, она была въ дружбѣ со многими вліятельными придворными въ Берлинѣ и Потсдамѣ и имѣла много родственниковъ въ арміи. Она была такъ мила и внушала такое довѣріе своимъ отношеніемъ къ людямъ, что многіе не успѣвали опомниться, какъ уже выдавали ей какой-нибудь секретъ, который она клялась имъ сохранить въ тайнѣ.

Я знала это по собственному опыту и часто въ первое время моего знакомства съ графиней впадала въ эту ошибку, пока не убѣдилась, что графиня была большая сплетница.

Тѣмъ не менѣе, только зимой 1913 года, послѣ того какъ произошли нѣкоторыя событія, я начала вѣрить тому, что графиня (какъ она клялась мнѣ) получила дѣйствительно вѣрныя свѣдѣнія отъ одного лица изъ свиты кронпринца. Отъ него же она

узнала, что онъ ѣздилъ въ Индію и въ Египетъ съ секретной миссіей въ качествѣ шпіона.

Согласно ея сообщенію, инструкціи, которыя ему были даны, заключались въ слѣдующемъ. Онъ долженъ былъ узнать объ истинныхъ настроеніяхъ туземныхъ правителей и ихъ отношеніи къ Великобританіи на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ.

Исполняя этотъ секретный приказъ, его императорское высочество попалъ въ немилость у нѣкоторыхъ газетъ за свою «неинтеллигентность», такъ какъ онъ предпочиталъ спортъ изученію чудесныхъ историческихъ сокровищъ Индіи.

Но эта газетная брань сослужила ему службу, скрывъ дѣйствительную цѣль его поѣздки отъ Англіи, которой онъ представлялся просто страстнымъ спортсменомъ. Его тактикой было такимъ образомъ одобрять британскіе порядки и восхищаться ихъ мудростью и полнотою ихъ власти.

Такое поведеніе дало кронпринцу возможность завязать кое-какія сношенія съ туземцами всѣхъ классовъ, и увидѣть собственными глазами «нѣкоторыя звенья большой золотой цѣпи».

Онъ посѣтилъ не только Низама Гайдерабадскаго и другихъ могущественныхъ

туземныхъ принцевъ, но успѣлъ поговорить и съ купцами, и съ студентами и съ индійскими солдатами. Расточая похвалы британскому могуществу, онъ въ то же время старался, чтобы его собесѣдники составили взглядъ, которые указывали бы на недовольство. При этомъ онъ изо всѣхъ силъ старался чтобы его собесѣдники составили себѣ выгодное впечатлѣніе о домѣ Гогенцоллерновъ.

Отзывы объ его успѣхахъ были настолько удовлетворительны, что германскій императоръ и его совѣтчики осмѣлились надѣяться. Но потомъ какимъ-то образомъ до Германіи дошелъ слухъ о двухъ окандалахъ, учиненныхъ способнымъ юношей.

Пользуясь гостепріимствомъ одного знатнаго туземца, которому было поручено предоставить высокому гостю всякія развлеченія, кронпринцъ пренебрегъ официальной программой развлеченій и пожелалъ повеселиться по-своему. Дѣло это постарались замять, хотя всѣ были сильно возмущены. Слухъ объ этомъ достигъ ушей кайзера черезъ одного человѣка, которому было поручено освѣдомлять императора о всѣхъ дѣйствіяхъ кронпринца, какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ. Этому несчастному пришлось донести кайзеру, что его императорское вы-

сочество злоупотребилъ гостепріимствомъ хозяина и осмѣлился забраться въ гаремъ. Легкомысліе одной изъ женщинъ не могло оправдать его поступка. И кронпринца съ трудомъ удалось спасти отъ угрожавшей ему расправы, которая несомнѣнно постигла бы всякаго, обыкновеннаго смертнаго. Что случилось съ красавицей, графиня не могла мнѣ сказать; но человѣкъ, разсказавшій ей эту исторію, увѣрялъ, что нѣсколько британскихъ офицеровъ должны были послужить козлами отпущенія, чтобы спасти царственнаго преступника. Смѣстили ли ихъ за предполагаемый проступокъ, графиня не знала, но произошло «что-то ужасное», что привело въ бѣшенство всѣхъ посвященныхъ въ эту тайну.

Вторымъ скандаломъ былъ эпизодъ въ Муттрѣ. Эту исторію графиня знала изъ того же авторитетнаго источника, отъ лица, чье имя я не хочу назвать, хотя и догадываюсь кто это былъ. Какъ она передавала мнѣ, дѣло касалось кронпринца и одного ирландскаго полка, стоявшаго въ Индіи.

Его императорское высочество слышалъ отъ герцога Александра Текъ, какъ хорошо онъ былъ принятъ этимъ полкомъ, а также что и герцогъ Канаутскій пользовался ихъ гостепріимствомъ. Кронпринцу, говорили, что

Муттра лучшее мѣсто для охоты на кабановъ, и когда узнали, что онъ хочетъ принять участіе въ этой забавѣ ему было послано приглашеніе. Конечно, полкъ хотѣлъ поддержать свою репутацію и принять кронпринца, какъ можно лучше.

Какъ только офицеры узнали, что кронпринцъ принялъ ихъ приглашеніе, они принялись за приготовленія, на которыя потребовались очень большія издержки. Для кронпринца были пріобрѣтены двѣ лучшія лошади, которыхъ только можно было достать въ Индіи. Ирландцы знали, что его императорское высочество славился какъ отличный спортсменъ, что онъ пріѣхалъ на Востокъ для собственнаго развлеченія и что въ Германіи также устраиваются охоты на дикихъ кабановъ. Такимъ образомъ, онъ уже до пріѣзда въ Индію испыталъ удовольствіе подобной охоты.

Имъ не пришло въ голову «облегчать» охоту для принца, какъ они сдѣлали бы для человѣка пожилого или же для человѣка, не знакомаго съ охотой. Молодой человѣкъ, отваживавшійся бороздить небо въ цеппелинѣ, не нуждался, конечно, въ нѣжномъ обхожденіи во время охоты на кабановъ. Но офицеры не знали, что наслѣдникъ германскаго престола имѣлъ странную особенность,

которую онъ унаслѣдовалъ отъ своего неспокойнаго отца.

Оба они, хотя и смѣлые, были подвержены нервнымъ припадкамъ дрожи, которая охватывала ихъ внезапно безъ всякаго повода. Что касается кайзера, то это состояніе началось у него въ девяностыхъ годахъ и хотя случается съ нимъ рѣдко, но онъ очень боится его. Изъ боязни, какъ бы не сказали, что онъ труситъ, кайзеру пришлось отказаться отъ полета съ графомъ Цеппелиномъ, Орвилемъ Райтомъ или съ кѣмъ-то другимъ изъ воздушныхъ знаменитостей, которые охотно доставили бы ему это удовольствіе.

Такое же нервное состояніе бывало и у принца. Хотя онъ былъ великолѣпнымъ наѣздникомъ и смѣлымъ охотникомъ, но по странной причинѣ, у него случился этотъ припадокъ дрожи какъ разъ, когда нужно было садиться на лошадей и отправляться въ Муттру.

Онъ посмотрѣлъ сначала на одну, потомъ на другую горячую лошадь, и «испугался» обѣихъ.

— Чтобы спасти дѣло,—говорила графиня со словъ кронпринцессы,—пришлось объявить его внезапно заболѣвшимъ. И такимъ образомъ громадные расходы и волненія

офицеровъ ирландскаго полка оказались напрасными.

Въ Египтѣ путешествіе шло хорошо; частный разговоръ кронпринца съ хедивомъ былъ переданъ его отцу, какъ очень утѣшительный; хедивъ и его младшій братъ, принцъ Магометъ-Али, обѣщали поддержать Германію, когда будетъ нужно.

Изъ-за инцидента въ гаремѣ кронпринца призвали домой раньше, чѣмъ предполагали подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя откладывать его назначеніе въ полкъ «гусаровъ смерти».

Графиня разсказывала мнѣ со смѣхомъ о двухъ тетрадяхъ, которыя кронпринцъ хранитъ, какъ сокровище. Одна изъ нихъ называлась «Что я есть»; другая, «Что я не есть».

Обѣ тетради кронпринцъ показывалъ только самымъ интимнымъ друзьямъ, которымъ онъ довѣрялъ; но одинъ человѣкъ, у котораго желаніе посмѣяться одерживало верхъ надъ осторожностью, разсказалъ то, что онъ тамъ видѣлъ.

Въ «Что я есть» принцъ былъ изображенъ отважнымъ летчикомъ, охотникомъ, автомобилистомъ и солдатомъ. Какой-то «неблагосклонный критикъ» описываетъ его, какъ отчаяннаго, горячаго человѣка, который не всегда можетъ удерживать свой воинствен-

ный пылъ, или же разсказываетъ о томъ, какъ онъ получилъ выговоръ отъ кайзера за «цаберискую телеграмму».

Въ этой же тетради можно найти подробную исторію графа Фердинанда фонъ-Хохбергъ, самаго близкаго друга кронпринца, который отказался отъ своего титула изъ-за любви къ хорошенькой приказчицѣ, женился на ней и эмигрировалъ въ Нью-Іоркъ.

VIII.

Unter den Linden.—Карта Англіи.—Изъ-за коклюша.—Романъ доктора.—Моя любезность.—Конецъ романа.—Странные вопросы.—Интрига завязывается.—Поѣздка въ Англію.—Шпіоны.—Таинственная исторія.

Мнѣ не понравился шумный Берлинъ, несмотря на всю красоту Unter den Linden, блестящіе магазины и бульвары.

Городъ былъ очень чистый, съ правильными улицами, но такой же неинтересный и самодовольный, какъ и сами пруссаки. Потсдамъ мнѣ гораздо больше нравился. Это—старый историческій городъ.

Мы проводили большую часть года въ этихъ двухъ городахъ и мнѣ случалось часто встрѣчать императора, проѣзжавшаго на своемъ желтомъ автомобилѣ съ маленькимъ прусскимъ королевскимъ флагомъ на немъ, который издали предупреждалъ жителей о

проѣздѣ императора или кронпринца, который большею частью правилъ машиной самъ. Онъ дѣлалъ это очень небрежно, сидя съ папиросой въ зубахъ и глядя по сторонамъ, но не туда, куда онъ ѣхалъ и обдавая при этомъ грязью всѣхъ проходящихъ, благодаря своей бѣшеной ѣздѣ. У него на автомобилѣ сидѣлъ черный мефистофель, который при быстрой ѣздѣ сильно размахивалъ руками на страхъ всѣмъ лошадямъ; впрочемъ кажется, ни разу изъ-за этого не было никакихъ несчастій. Часто автомобиль былъ полонъ дамъ, дѣтей и большихъ собакъ, которыя прыгали по колѣнямъ своихъ хозяевъ и старались выпрыгнуть изъ автомобиля. Народъ, повидимому, очень любилъ кронпринца и еще болше кронпринцессу, которую всѣ называли «солнцемъ Берлина».

Она была всегда любезна со всѣми, кланялась и улыбалась; кронпринцъ же выглядѣлъ всегда очень хмурымъ. Тѣмъ не менѣе если бы его не привѣтствовали съ энтузіазмомъ, онъ былъ бы очень огорченъ.

Иногда онъ появлялся у окна своего дворца съ однимъ изъ своихъ сыновей на рукахъ, дѣлая видъ, что онъ не замѣчаетъ толпы, которая глазѣла на него съ улицы. Но онъ выглядѣлъ очень самодовольно и дѣлалъ это исключительно ради эффекта. Одинъ разъ

въ недѣлю послѣ полудня я имѣла свободный день и навѣщала нѣкоторыхъ своихъ друзей, съ которыми познакомилась внѣ дома моихъ хозяевъ. Но у меня не всегда оставалось время на визиты, потому что постоянно приходилось бѣгать по магазинамъ и очень спѣшить.

Дворцы, замки и виллы нашего принца и принцессы содержались приблизительно такъ же, какъ и дворцы императора. Большей частью всѣ необходимыя исправленія задерживались изъ-за рутины, такъ что если что-либо становилось негоднымъ и приходилось исправлять, то требовалось очень много формальностей, безпокойства и долгаго ожиданія. Такимъ образомъ, если мнѣ нужно было что нибудь для себя или для дѣтей, то я предпочитала купить это на собственныя деньги, чѣмъ ожидать неопредѣленно долгое время.

У меня было обыкновеніе держать у себя небольшой запасъ бисквитовъ и шоколада, на тотъ случай, если я почему нибудь пропускала часъ обѣда. Въ такихъ случаяхъ я не могла уже нигдѣ получить обѣдъ. Даже дѣти оставались иногда безъ обѣда, благодаря ничтожной случайности, которая нарушала заведенный порядокъ; тогда мы прибѣгали къ моимъ запасамъ бисквитовъ.

Какъ-то я читала принцамъ и ихъ кузинѣ Швейцарскаго Робинзона, и дѣти нашли, что я похожа на мать этого семейства, которая послѣ гибели судна собрала въ мѣшокъ все, что имъ могло понадобиться на томъ берегу, куда ихъ забросила судьба.

Они стали звать меня миссисъ Робинзонъ и когда принцесса узнала о причинѣ этого названія, то она тоже стала звать меня миссисъ Робинзонъ.

Однажды полѣ обѣда я была у принцессы и помогала ей писать англійскія письма, когда доложили о пріѣздѣ кронпринцессы. Принцесса поспѣшила встрѣтить ее, оставивъ меня ожидать ее въ будуарѣ. Я думала, что она ушла на долго и возвратиться одна, какъ вдругъ онѣ обѣ вошли въ комнату и съ ними большая собака, которую я потомъ часто видѣла у кронпринцессы.

Оказалось, что наши дѣти, которыхъ отправили съ фрау Z., встрѣтили дѣтей кронпринца и всѣ вмѣстѣ отправились къ нимъ во дворецъ, чтобы сняться на одной группѣ. Карточка предназначалась для графа Цеппелина, крестнаго отца третьяго сына кронпринца, тогда еще малютки, и принцесса рѣшила послать меня туда, чтобы помочь усадить ихъ.

Я ужъ привыкла къ неожиданнымъ прика-

занiямъ принцессы и поспѣшно собралась во дворецъ кронпринца.

Это былъ какъ разъ свободный день главной няньки дѣтей кронпринца (у нихъ не было гувернантки), а за двумя старшими присматривала фребеличка. Она встрѣтила меня, въ классной комнатѣ, куда меня провелъ лакей, но дѣтей съ ней не было. Кронпринцъ самъ приходилъ за дѣтьми, и не сказалъ ей должна ли она тоже итти съ ними или остаться. Такимъ образомъ, она стала ждать ихъ тамъ, гдѣ была.

Я пробыла съ ней нѣсколько минутъ; потомъ пришелъ лакей доложить намъ, что дѣти находятся въ курительной комнатѣ его императорскаго высочества или гдѣ-то еще; я не совсѣмъ хорошо разслышала, что именно сказалъ лакей.

Учительница боялась итти одна и попросила меня пойти съ ней. Такъ какъ мои питомцы были тамъ же, то я согласилась и она взялась показать мнѣ дорогу. Какъ разъ, когда мы подошли къ двери курительной комнаты и стали ждать позволенiя войти, оттуда вышелъ вмѣстѣ съ кронпринцемъ, самъ императоръ; за нимъ шли два офицера, одинъ изъ нихъ былъ пожилой и толстый. Они о чемъ-то говорили и казалось спѣшили. Императоръ былъ чѣмъ-то

недоволенъ и не обратилъ на насъ никакого вниманія. Я даже сомнѣваюсь видѣлъ ли онъ насъ.

Дверь за ними осталась открытой и я увидѣла въ комнатѣ молодого офицера, котораго я никогда прежде не видала. Дѣти облѣпили его вокругъ большого стола, на которомъ лежали какіе-то карты. Когда онъ замѣтилъ меня, онъ наклонился и мнѣ показалось, что онъ смутился.

Принцы сказали ему, что я миссъ ** или миссъ Робинзонъ ихъ гувернантка. Я объяснила, что пришла помочь имъ сниматься, но оказалось, что я пришла слишкомъ поздно, такъ какъ дѣтей ужъ сняли, при чемъ съ ними снялись и кайзеръ и кронпринцъ.

— Посмотрите какая красивая карта, миссисъ Робинзонъ,—сказалъ мнѣ старшій принцъ. Это—Англія.

Офицеръ немного смутился, но ничего не возразилъ, и я подошла къ столу и взглянула на карты, разложенныя на немъ вокругъ маленькаго бронзоваго бюста Наполеона. Карта, лежавшая сверху другихъ, изображала Великобританію, часть Германіи, Голландіи, Бельгіи и берега Франціи. По всей картѣ были сдѣланы концентрическіе круги красными чернилами, проходившіе черезъ море отъ континента къ Англіи. Внутри этихъ

кругомъ рельефно выдѣлялись приморскіе города, подписанные нѣмецкими буквами и цифрами. Я не могла понять, что означали эти красные круги и все остальное и не могла спросить офицера, такъ какъ была незнакома съ нимъ.

Вѣжливость не позволяла ему убрать карты и онъ продолжалъ показывать ихъ дѣтямъ, какъ дѣлалъ до моего прихода. Взглянувъ на карты, я отошла отъ стола и офицеръ принялся свертывать верхнюю, подъ которой оказалась другая, изображавшая весь материкъ Америки. Въ южной части было сдѣлано много знаковъ, не круги, какъ на первой, а кресты и стрѣлки, идущіе отъ океана. Тогда я не поняла, что означали эти красные круги, точки, кресты и стрѣлки, но когда я уѣхала изъ Германіи въ октябрѣ 1914 года, я какъ могла подробно описала видѣнное мною одному раненому офицеру. По его мнѣнію концентрическіе круги проведенные изъ одной страны въ другую, съ намѣченными городами, цифрами и надписями показывали близость станціи цеппелиновъ къ городамъ Англіи. Насколько я могу припомнить, были отмѣчены два или три прибрежныхъ города на берегу Бельгіи, а также нѣсколько въ Англіи и Германіи, но въ послѣднемъ я не увѣрена.

Въ моемъ контрактѣ было сказано, что каждое лѣто я могу пользоваться тремя недѣлями отпуска, чтобы поѣхать въ Англію или куда я захочу.

Но въ первый годъ у младшаго принца сдѣлался коклюшъ и я не могла оставить его. Я провела мой отпускъ съ нимъ вмѣстѣ въ Шварцвальдѣ вмѣсто того, чтобы поѣхать въ Англію, какъ я полагала.

Его мать и отецъ боялись заразы за себя и за остальныхъ дѣтей и насъ отправили съ нимъ однихъ, давъ намъ умѣлую дѣвушку, нанятую для этой цѣли, и одного ливрейнаго лакея.

Конечно, въ замкѣ въ Шварцвальдѣ было много другихъ слугъ; былъ также посланъ и симпатичный докторъ, который жилъ съ нами въ замкѣ на Рейнѣ, и который поселился теперь въ гостиницѣ по сосѣдству. Онъ пріѣзжалъ два раза въ день посмотрѣть на больного и хоть и не пытался флиртовать со мной, какъ лейтенантъ фонъ Х., но подолгу говорилъ о высокихъ предметахъ, чтобы попрактиковаться въ англійскомъ языкѣ.

У него было много друзей, жившихъ по сосѣдству въ имѣніяхъ и въ маленькомъ живописномъ городкѣ, къ которымъ онъ хотѣлъ свести меня. Никто изъ этихъ дамъ

не боялся заразы и такъ какъ я не могла выходить надолго безъ принца, то они пріѣзжали сами навѣстить меня.

Больше всѣхъ остальныхъ мнѣ понравилась дѣвица Д., которая жила въ городѣ съ полуслѣпой теткой. Ея отецъ былъ писатель, извѣстный своими сочиненіями по политической экономіи. Онъ былъ больной человѣкъ и выглядѣлъ такъ, какъ будто питался однѣми лѣкарствами.

Такой грустный домъ не былъ подходящимъ жилищемъ для молодой дѣвушки. Фрейлейнъ Д. слыла бы въ Англіи, за молоденькую дѣвушку, ей было 28 лѣтъ, но въ Германіи ея друзья говорили о ней, какъ о старой дѣвѣ, потерявшей всякую надежду выйти замужъ. Она была хорошенькая, хотя выглядѣла увядшей и слишкомъ худой. Многіе, говорившіе мнѣ о ней, прибавляли:

— Посмотрѣли бы вы, какъ выглядѣла бѣдная Августа десять лѣтъ тому назадъ. Она была красавица, свѣжа, какъ весенній цвѣтокъ. Кто можетъ повѣрить это теперь, глядя на нее? Но чего вы хотите при такой жизни между больнымъ отцомъ и слѣпой теткой? И бѣдны они къ тому же! Кромѣ старой идіотки Лены у нихъ нѣтъ другой прислуги, да и та приходитъ только на день. Августѣ лучше всего было бы пойти въ монастырь.

Однако, несмотря на всѣ свои многочисленныя дѣла по дому, Августа Д. находила время часто навѣщать меня въ замкѣ.

Она казалась чѣмъ-то подавленной и была всегда задумчива; но какъ только приходилъ докторъ и заставалъ ее у меня, она оживлялась и дѣлалась совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Я начала кое-что подозрѣвать и вскорѣ она довѣрилась мнѣ и сказала, что боится, не справиться со своимъ сердцемъ. Она разсказала мнѣ, что десять лѣтъ тому назадъ докторъ пріѣхалъ въ ея родной городъ (сосѣдній съ замкомъ) и началъ тамъ свою практику. Ея отецъ, тетка и она сама только что переѣхали въ тотъ же городъ и устроились тамъ.

Это было какъ разъ въ тотъ годъ, когда она кончила учиться и стала выѣзжать. Она встрѣтила доктора на одномъ балу и они влюбились другъ въ друга съ перваго же взгляда. Онъ попросилъ ее перейти въ католичество и выйти за него замужъ, но она несмотря на любовь къ нему не захотѣла мѣнять религіи. Всѣ ея родные были убѣжденными лютеранами и она надѣялась, что докторъ любилъ ее достаточно глубоко, чтобы жениться на протестанткѣ. Онъ не усту-

палъ, она дѣлала то же, хотя и думала, что если бы имъ удалось побыть хотя пятнадцать минутъ наединѣ, кто-нибудь изъ нихъ непремѣнно уступилъ бы.

Но общество маленькаго городка было въ то время гораздо болѣе щепетильнымъ, чѣмъ теперь. Ни одна дѣвушка, если только она не была формально объявлена невѣстой, не смѣла остаться наединѣ съ мужчиной, если не хотѣла рисковать своей репутаціей. Они разошлись и докторъ уѣхалъ въ Берлинъ.

Съ тѣхъ поръ онъ очень повысился по службѣ, ему покровительствовали принцы, онъ жилъ среди аристократовъ, хотя и не былъ «фонъ».

Онъ пріѣзжалъ въ Шварцвальдъ въ поѣздѣ принца и несмотря на то, что бывалъ тамъ ежегодно недѣли двѣ, три, имъ ни разу не пришлось видѣться однимъ. Августа любила доктора еще сильнѣе прежняго и готова была перемѣнить ради него и религію, если бы только была какая-нибудь возможность сказать ему объ этомъ. Но она не могла говорить объ этомъ первая, а онъ ни разу не спросилъ ее съ тѣхъ поръ. Но онъ не женился и Августа думала, что онъ и теперь, какъ прежде любилъ ее.

Злой случай разлучилъ ихъ тогда и те-

перь не позволялъ имъ объясниться. Бѣдная дѣвушка со слезами на глазахъ просила меня помочь ей.

— Что же я могу сдѣлать?—спросила я—Вы хотите, чтобы я поговорила съ докторомъ?

— Ахъ нѣтъ, это невозможно,—отвѣтила она.—Онъ можетъ подумать дурно обо мнѣ. Я не имѣю права разсказывать вамъ о немъ. Но я придумала другой способъ.

Я спросила ее въ чемъ онъ состоялъ и она разсказала мнѣ весь планъ, который она придумала въ безсонную ночь. Она была твердо убѣждена въ томъ, что все само собой устроится, какъ только ей удастся остаться съ нимъ наединѣ, хотя бы на очень короткое время. Она попросила меня устроить пикникъ, пригласить на него доктора и нѣкоторыхъ его друзей, взять, конечно, и принца и двухъ—трехъ дѣтей, у которыхъ уже былъ коклюшъ, и исполнить ея завѣтное желаніе, не навлекая подозрѣнія. Августа даже выбрала мѣсто для пикника: красивый водопадъ, недалеко отъ города. Нужно было нанять туда коляски и каждый долженъ былъ внести свою часть издержекъ.

— Конечно,—убѣждала она,—это не будетъ стоить дорого, если даже включить и расходы на ѣду.

Тамъ у водопада я должна была пригласить ее и доктора пройтись немного. Когда мы отойдемъ достаточно далеко отъ посторонникъ взоровъ, я должна буду неожиданно забезпокоиться о принцѣ, вернуться къ нему и оставить Августу съ докторомъ одну.

— Если только вы оставите насъ на полчаса вдвоемъ,—говорила бѣдная Августа,— все устроится какъ нельзя лучше и вамъ я буду обязана счастьемъ всей моей жизни!

Пикникъ не такъ легко было устроить, какъ она думала, потому что всѣ мои знакомые были люди экономные и не желали тратиться на развлеченія.

Чтобы исполнить желаніе Августы, я должна была, наконецъ, принять всѣ расходы на себя. Уладивъ этотъ вопросъ, вся компанія сразу согласилась на пикникъ и программа его была именно такова, какъ думала Августа, вплоть до того момента, когда я неожиданно должна была оставить ихъ вдвоемъ.

Пройдя немного въ горы, мы усѣлись всѣ трое на бревно. Минуту спустя я вскочила, сказавъ, что пойду за принцемъ. Августа продолжала сидѣть, какъ и было условлено, но докторъ поднялся и объявилъ, что лучше всѣмъ итти, потому что сидя можно простудиться на вѣтру послѣ усиленнаго моціона.

Напрасно Августа увѣряла, что она не боится простудиться, докторъ былъ непреклоненъ. Онъ даже не далъ мнѣ опередить ихъ на нѣсколько шаговъ на узкой тропинкѣ.

Онъ увѣрялъ, что мы всѣ трое достаточно худы, чтобы умѣститься на тропинкѣ втроемъ. Вся наша надежда рушилась!

Какъ я опасалась, (хотя и не говорила Августѣ о моихъ опасеніяхъ), доктору вовсе не хотѣлось встрѣчаться наединѣ съ своей увядшей невѣстой, которую онъ любилъ когда то въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, когда она была молодой и цвѣтущей.

Въ то время, какъ Августа упрекала себя за то, что не уступила его желанію, онъ успѣлъ пожить въ большихъ городахъ, увидѣлъ свѣтъ и встрѣтилъ много женщинъ. Августа была для него не больше, чѣмъ давно забытый сонъ.

Мнѣ было очень жаль ее и я рѣшила съ ней не говорить о постигшей ее неудачѣ.

Но къ моему величайшему удивленію и ужасу, она стала упрекать меня, называя виновницей всей неудачи.

— Я видѣла, какъ вы посмотрѣли на него, — сказала она. Вы взглядомъ звали его послѣдовать за вами. Онъ не могъ вамъ отказать. Вы завлекаете его. Вы самая ко-

варная женщина, которую я когда-либо видѣла въ жизни...

Такова была награда, за всѣ мои хлопоты и таковъ конецъ ея романа!

Маленькому принцу стало лучше; къ счастью онъ не передалъ заразы другимъ дѣтямъ, и его мать въ благодарность за мои заботы предложила мнѣ взять вмѣсто трехъ, четыре недѣли отпуска. Я рѣшила провести ихъ близъ Портсмута у тетки, бывшей замужемъ за отставнымъ офицеромъ. Приблизительно за двѣ недѣли до моего отъѣзда принцесса спросила меня въ присутствіи принца, гдѣ я думаю провести свое свободное время.

Она спросила меня объ этомъ за завтракомъ,—единственное время, когда дѣти сидѣли за столомъ вмѣстѣ съ родителями. Когда я сказала, что буду жить близъ Портсмута въ домѣ одного отставнаго офицера, который обучалъ солдатъ для арміи, принцъ неожиданно проявилъ интересъ къ моимъ словамъ.

Онъ вообще не часто появлялся за завтракомъ и когда бывалъ одинъ со своей семьей, онъ даже не старался скрыть своего невеселаго расположенія духа. Онъ сталъ разспрашивать меня о моемъ дядѣ и теткѣ, далеко ли ихъ домъ отъ Портсмута и знакома ли я съ людьми, живущими по сосѣдству. Онъ

назвалъ одну или двѣ фамиліи офицеровъ, живущихъ тамъ, которыхъ онъ встрѣчалъ.

Я была очень удивлена тѣмъ, что мнѣ удалось напасть на такой предметъ разговора, который вывелъ принца изъ обычнаго угрюмаго молчанія. Но его оживленіе продолжалось всего нѣсколько минутъ; потомъ онъ впалъ въ свое обычное состояніе. Я тоже не думала больше объ этомъ разговорѣ, до тѣхъ поръ, пока черезъ три дня меня не позвали въ неурочный часъ къ принцессѣ.

Она сказала мнѣ, что принцъ случайно разсказалъ одному изъ своихъ друзей о моемъ отъѣздѣ въ Англію и этотъ другъ просилъ меня взять подъ свою защиту его племянницу, которая отправлялась изъ Берлина въ Гарвичъ. Если я согласна оказать ему эту любезность, онъ отправитъ племянницу въ тотъ же день, когда я поѣду.

Fräulein Эльза Ниманъ (это имя было вымышленное) была молоденькой дѣвушкой и было бы неприлично отпустить ее одну. Мѣсто куда она ѣхала—Соутси—было какъ разъ рядомъ съ Портсмутомъ.

Я отвѣтила, что очень рада буду ѣхать въ обществѣ Fräulein Эльзы Ниманъ и на слѣдующій день получила отъ нея письмо съ выраженіемъ благодарности, въ которомъ

она писала мнѣ, что ихъ высочества позволили ей придти самой поблагодарить меня за одолженіе.

Мы жили тогда въ Потсдамѣ, и хотя я отлично помню, что цѣлый день шелъ проливной дождь, она все-таки пріѣхала изъ Берлина въ тотъ же день.

Въ Потсдамскомъ дворцѣ у меня не было гостиной, а просто одна большая комната, рядомъ съ спальней дѣтей, гдѣ было очень неудобно днемъ, такъ какъ комната была проходная, и черезъ нее пробѣгали и дѣти и фрау Z. и собаки.

Fräulein Ниманъ провели поэтому въ нашу классную комнату, гдѣ намъ подали чай.

Это была хорошенькая дѣвушка съ скромной прической изъ пышныхъ бѣлокурыхъ волосъ. Ея костюмъ былъ тоже очень простъ. Но если бы она не была причесана и одѣта какъ подростокъ, я приняла бы ее за вполнѣ сложившуюся женщину, двадцати четырехъ или двадцати пяти лѣтъ. Какъ бы то ни было, я подумала тогда, что она очень развита физически для своихъ восемнадцати лѣтъ. Впрочемъ, ея застѣнчивый, умоляющій видъ усиливалъ впечатлѣніе ея молодости и неопытности.

Она разсказала мнѣ, что она училась въ «пансіонѣ для дѣвицъ» исключительно, что-

бы усовершенствовать свои знанія языковъ и хотѣла изучить англійскій методъ преподаванія, такъ какъ надѣялась получить хорошее мѣсто гувернантки въ Англіи.

Она была такъ любезна и довѣрчива со мной, что я почувствовала къ ней большую симпатію и дала ей много совѣтовъ, въ чемъ только могла. Съ своей стороны, я тоже ей видно понравилась и она просила меня придти къ нимъ на чашку кофе въ ближайшій мой свободный день.

Я ей обѣщала и отправилась къ нимъ на слѣдующей же недѣлѣ.

Эльза Нимань жила съ матерью въ верхнемъ этажѣ большого дома, низъ котораго занимали магазины. Въ домѣ не было лифта, и когда я съ большимъ трудомъ поднималась по лѣстницѣ, минуя этажъ за этажемъ, я услышала, что кто-то шелъ за мной. Сначала я услышала шумъ бѣгущихъ ногъ, который прекратился приблизительно на разстояніи одного этажа отъ меня. Я оглянулась, чтобы посмотрѣть кто это былъ и пропустить его, и увидѣла господина, прилично одѣтаго, но съ наружностью, не соотвѣтствовавшей костюму. Проходя мимо меня, господинъ снялъ шляпу и вытеръ лобъ. Стояла необыкновенно жаркая погода, несмотря на конецъ мая. Онъ запыхался, я предположила,

что онъ едва ли захочетъ перегнать меня, и отправилась дальше. Дойдя до верхняго этажа, я стала искать дверь квартиры Нимана и вскорѣ увидѣла визитную карточку, прибитую къ двери. Прежде чѣмъ я успѣла дотронуться до электрическаго звонка, господинъ, шедшій все время за мной по лѣстницѣ, тоже остановился у двери и нажалъ кнопку, вѣжливо поклонившись мнѣ.

Мы ждали довольно долго, чтобы намъ открыли и въ это время мой спутникъ представился мнѣ. Онъ оказался дядею Эльзы Ниманъ, господиномъ Штейнгауеръ.

— Вы, вѣроятно, миссъ ***,—сказалъ онъ и поблагодарилъ меня за любезность, которую я хотѣла оказать его племянницѣ.

Онъ велъ себя очень почтительно и корректно и меня удивила поэтому непринужденность, съ которой онъ мнѣ самъ представился.

Госпожа Ниманъ была очень красивая брюнетка; она была похожа на еврейку и выглядѣла на мой взглядъ слишкомъ молодой, чтобы быть матерью Эльзы.

Теперь, подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ событій, которыя многое освѣтили, что мнѣ было тогда непонятно, я вполнѣ увѣрена, что этихъ трехъ людей не связывали никакія узы

родства; но тогда у меня не было еще оснований для такихъ подозрѣній.

Единственная вещь, которая поразила меня въ этой семьѣ, была та, что несмотря на величественную внѣшность фрау Нимань, она явно не принадлежала къ высшему обществу. То же самое поразило меня и въ Штейнгауерѣ, который считался личнымъ другомъ принца.

Я подумала тогда, что онъ представлялъ собою, вѣроятно, нѣкоторую величину въ финансовомъ мірѣ; къ тому же онъ очень много говорилъ о госпожѣ Баллинъ, докторѣ фонъ-Гейцебрандѣ и господинѣ Круппѣ фонъ-Боленъ; судя по этимъ разговорамъ, я заключила, что онъ близко знакомъ съ ними. Онъ хорошо говорилъ по англійски и очень цѣнилъ все англійское кромѣ музыки. По его же совѣту племянница ѣхала въ Соутси, гдѣ у него было нѣсколько знакомыхъ въ финансовомъ кругу. Такъ какъ онъ самъ не могъ ѣхать вмѣстѣ съ ней, то онъ былъ очень благодаренъ мнѣ за то, что я взялась сопровождать ее.

— Если вы познакомите Эльзу съ вашими друзьями въ Англіи,—сказалъ онъ,—я буду вамъ безгранично обязанъ.

Послѣ всего этого мнѣ ничего не оставалось, какъ сказать, что мои—дядя и тетка

будутъ очень рады видѣть Эльзу у себя. Я ручалась за это тѣмъ болѣе охотно, что дѣвушка казалась мнѣ совершенно безобидной и благовоспитанной.

Штейнгауеръ попросилъ ее поиграть и спѣть что-нибудь для меня, и Эльза сейчасъ же согласилась и спѣла очень красивую вещь изъ репертуара новой музыки.

Въ день нашего отъѣзда изъ Берлина господинъ Штейнгауеръ пріѣхалъ на вокзалъ проводить свою племянницу и привезъ намъ въ дорогу коробку съ пряниками.

Эльза Ниманъ оказалась необыкновенно пріятной собесѣдницей и прекраснымъ спутникомъ и когда я разсказала о ней моей теткѣ и дядѣ, они позволили мнѣ пригласить ее, когда я захочу.

Я пригласила ее отъ имени моей тетки пріѣхать къ намъ въ субботу и прогостить до понедѣльника. Она такъ понравилась обоимъ своимъ хорошенькимъ личикомъ, скромными манерами и своимъ искусствомъ пѣть баллады, что они пригласили ее пріѣзжать къ нимъ почаще по субботамъ.

Эльза Ниманъ продолжала заниматься языками и приходила къ моей теткѣ послѣ того, какъ кончился мой отпускъ и я уѣхала опять въ Германію.

Въ іюлѣ тетка написала мнѣ, что у «дорогой маленькой Эльзы» начались каникулы и вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Лондонъ къ друзьямъ своего дяди, она рѣшила провести у нихъ недѣли двѣ. Тетка сообщала мнѣ также, что она отпустила своего лакея и наняла какого-то австрійца съ блестящими рекомендаціями, «который умѣлъ приготовлять чудный вѣнскій кофе».

Черезъ нѣсколько времени, въ одномъ изъ писемъ тетушка писала мнѣ, что очень довольна своимъ австрійцемъ; но въ томъ же самомъ письмѣ она сообщала о кражѣ, которая произошла въ ея домѣ.

Въ то время, какъ моя тетка и дядя по приглашенію Эльзы остались въ Лондонѣ на ночь, чтобы посмотрѣть русскій балетъ, къ нимъ на виллу забрались воры и украли много драгоцѣнныхъ вещей и цѣнныхъ книгъ и бумагъ. Драгоцѣнности принадлежали Эльзѣ, и какъ писала тетка, она была очень огорчена, такъ какъ сама уговорила Эльзу оставить драгоцѣнности у нея. Ея собственные убытки были не такъ велики. Пропало нѣсколько рѣдкихъ изданій, нѣсколько картъ и плановъ, нужныхъ для обученія солдатъ. Полиція заподозрѣла бѣднаго лакея, конечно, только потому, что онъ былъ иностранецъ и могъ быть шпіономъ.

Его сундуки были обысканы, но въ нихъ ничего не нашли; кромѣ того, онъ доказалъ свое отсутствіе изъ дома въ эту ночь, такъ какъ во время кражи былъ въ концертѣ. Что касается картъ и плановъ фортификацій, то они лежали въ запертомъ ящикѣ вмѣстѣ съ рѣдкими книгами, которыя были украдены. Мой дядя полагалъ, что воръ просто захватилъ все, что нашелъ въ ящикѣ, не разглядывая подробностей. Впрочемъ, всѣ планы были старые и не имѣли большого значенія.

Такъ какъ противъ лакея-австрійца не было никакихъ уликъ, то дядя оставилъ его у себя.

Я узнала позже, что черезъ два мѣсяца здоровье этого лакея такъ разстроилось, что ему пришлось возвратиться къ себѣ на родину.

Вскорѣ послѣ этого Эльза Ниманъ получила мѣсто гувернантки въ Лондонѣ и приблизительно годъ писала моей теткѣ, разсказывая о путешествіяхъ съ своими хозяевами.

Но подъ конецъ ея письма прекратились и тетушка спрашивала меня, не слыхала ли я о ней. Она очень интересовалась ея судьбой.

Я ничего о ней не слышала, но однажды,

чтобы угодить тетушкѣ, отправилась въ свой свободный день навѣстить фрау Ниманъ. У входной двери вмѣсто ея карточки стояло какое-то другое имя. Спустившись внизъ, я позвонила швейцару, чтобы спросить его о фрау Ниманъ. Женщина, которая вышла на мой звонокъ, ничего не знала о ней, кромѣ того, что отказываясь отъ квартиры, она сказала, что переѣзжаетъ въ Франкфуртъ.

Я не любила бросать на полдорогѣ начатое дѣло, и не отказалась отъ намѣренія узнать что-нибудь о семействѣ Ниманъ.

Я отважилась однажды спросить принцессу, встрѣчала ли она когда-нибудь человѣка съ фамиліей Штейнгауеръ, знакомаго его высочества.

— Нѣтъ,— отвѣтила принцесса.— Мнѣ кажется, что фамилія Штейнгауеръ не такъ звучитъ, чтобы я могла быть знакома съ ея владѣльцемъ,—прибавила она смѣясь.

Я подумала, что этимъ дѣло и кончилось, но я ошиблась. Мнѣ суждено было еще разъ услышать о Штейнгауерѣ и о семействѣ Ниманъ, но много позже.

Мое путешествіе въ Портсмутъ произошло въ 1911 году; въ началѣ лѣта 1912 г. я снова хотѣла ѣхать въ Англію, но прин-

цесса просила меня сдѣлать ей одолженіе и отложить свой отпускъ до зимы.

Ей нужно было вмѣстѣ съ мужемъ сдѣлать нѣсколько долговременныхъ визитовъ и ей не хотѣлось оставлять дѣтей въ менѣе надежныхъ рукахъ, чѣмъ мои. Мнѣ ничего не оставалось, какъ согласиться. Но когда пришла зима, то оказалось, что уѣзжать мнѣ было еще неудобнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Мнѣ дали только одну недѣлю отдыха вмѣсто трехъ и взамѣнъ подарили къ Рождеству бриллiантовую подвѣску вмѣсто ничтожнаго подарка, который я получила бы при обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Недѣля была слишкомъ короткимъ срокомъ для поѣздки въ Англію и такъ какъ я чувствовала себя утомленной и нервно разстроенной послѣ трехлѣтней работы, я рѣшила отдохнуть въ санаторіи. Но я ошиблась въ разсчетахъ; отдохнуть мнѣ не пришлось; хотя улица, гдѣ помѣщался санаторій и казалась тихою, но мнѣ часто не давали заснуть до трехъ или четырехъ часовъ возвращающіеся посѣтители изъ ночныхъ кафе, распѣвавшіе пѣсни и громко смѣявшіеся. Мнѣ казалось, что ѣзда автомобилей не прекращалась всю ночь.

Я возвратилась къ своимъ обязанностямъ съ еще болѣе взвинченными нервами, чѣмъ уѣхала, а событія послѣдующихъ за моимъ пріѣздомъ недѣль были не таковы, чтобы успокоить ихъ.

IX.

Покушеніе.—Опасная посылка.—Вскрытіе „адской машины“.—Появленіе шпіоновъ.—Опять Эльза.—Странныя фотографіи.—Кайзеръ въ Парижѣ.—Еще о шпіонствѣ. — Орудійные заводы. — Замаскированная взятка.—Судьба Эльзы.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія было произведено покушеніе на нашего принца. Въ него была брошена бомба, когда онъ возвращался ночью изъ театра, гдѣ давалась какая-то новинка. Бомба не взорвалась. Преступникъ былъ задержанъ и изъза покушенія рѣшили не поднимать шума. Дѣло было потушено съ такимъ стараніемъ, какого не было приложено даже къ случаю съ болѣе важной особой, а именно съ кронпринцемъ.

Послѣ покушенія на кронпринца газеты сообщали, что какой-то пьяный соціалистъ бросилъ въ него бомбу, начиненную безвреднымъ веществомъ. Но я слышала разговоры объ этомъ покушеніи во дворцѣ и

знаю поэтому, что содержимое бомбы не было такъ невинно, какъ было оглашено. Бомба была недостаточно искусно сдѣлана и его императорское высочество избѣгло послѣдствій только благодаря чуду. Много говорилось по этому поводу и внѣ дома принца и многіе знали истину.

Послѣ покушенія на нашего принца, по его просьбѣ, въ газетахъ просто было объявлено, что въ то время, когда онъ проѣзжалъ по улицѣ въ сопровожденіи своихъ друзей, изъ одного окна свалился цвѣточный горшокъ. Эту сказку разсказали принцессѣ, но она ни одной минуты не вѣрила въ правдивость разсказа и въ концѣ концовъ вывѣдала правду у графини, которая знала ее отъ одного офицера, находившагося съ принцемъ во время происшествія.

Послѣ этой ночи наша домашняя жизнь, которую и въ обыкновенное время нельзя было назвать мирной, стала еще болѣе тревожной. Мы знали, что человѣкъ, покушавшійся на жизнь принца, не былъ соціалистомъ. Кромѣ того мы знали, что онъ былъ братомъ молодого человѣка, покончившаго самоубійствомъ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ.

Самоубійца былъ офицеръ, хорошо извѣстный всему Берлину и Потсдаму. Графи-

ня говорила мнѣ, что она была знакома съ нимъ и танцовала съ нимъ на одномъ балу, когда онъ былъ лейтенантомъ одного изъ аристократическихъ полковъ. Она разсказывала, что онъ поссорился съ какимъ-то штатскимъ и былъ имъ очень побитъ. Послѣ этого онъ долженъ былъ выйти изъ арміи, такъ какъ оскорбленіе военнаго мундира считается оскорбленіемъ императора и всего государства.

Всѣ были удивлены тогда, что бывшій офицеръ не застрѣлился сейчасъ же послѣ этой исторіи, такъ какъ всѣмъ было извѣстно его стѣсненное матеріальное положеніе и огромные долги. Вмѣсто того, чтобы умереть, онъ уѣхалъ изъ Германіи. Куда онъ уѣхалъ—знали только его друзья. Его долги были вскорѣ уплачены и семья его стала жить еще болѣе широко, чѣмъ прежде. Его родные говорили своимъ знакомымъ, что они получили хорошій доходъ съ какого-то предпріятія, въ которое они вложили свой капиталъ, и что уѣхавшій офицеръ отправился по дѣламъ въ Южную Америку. Но графиня, которая знала или только хвасталась, что знаетъ всѣ тайны, говорила мнѣ, что онъ уѣхалъ не въ Южную Америку, а въ Англію. Онъ былъ зачисленъ, благодаря вліянію нашего принца въ тай-

ную полицію и отъ него ожидали большихъ услугъ, такъ какъ онъ былъ смышленъ, красивъ и зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ. Тѣмъ не менѣе ему не удалось исполнить возложенное на него порученіе. Начальство его не ограничилось выговоромъ и уволило его. Отецъ его просилъ нашего принца оказать ему еще разъ свое покровительство, но тотъ отказалъ.

Черезъ нѣсколько дней несчастный молодой человѣкъ перерѣзалъ себѣ горло въ уборной одного парохода на Рейнѣ.

Его братъ, бросившій негодную бомбу въ цвѣточномъ горшкѣ, былъ переодѣтъ рабочимъ, но послѣ ареста сознался, что хотѣлъ отомстить принцу за его отказъ.

Несчастнаго человѣка судили и приговорили къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія.

Принцессѣ разсказали эту исторію, чтобы убѣдить ее въ невозможности повторенія покушенія, котораго можно было бы ожидать, если бы въ дѣлѣ были замѣшаны соціалисты; но несмотря на это объясненіе, принцесса встревожилась гораздо сильнѣе, чѣмъ выказывала это при постороннихъ.

Она боялась за своего мужа, за дѣтей, а можетъ быть и за себя, хотя при посторонихъ была такъ же спокойна, какъ всегда и

выѣзжала не меньше обыкновеннаго. Я привязалась къ ней за это безпокойное время сильнѣе, чѣмъ прежде. Я находила ее раньше очень неуживчивой и капризной и сердилась на нее за вѣчную перемѣну ея же собственныхъ плановъ и настроеній, за ея нежеланіе считаться съ временемъ и мѣстомъ, когда дѣло касалось исполненія ея капризовъ. Но въ это тревожное время ея очарованіе дѣйствовало на меня сильнѣе и я готова была на все, чтобы только сдѣлать ей удовольствіе.

Въ день ея рожденья у насъ произошелъ большой переполохъ.

Она получила много подарковъ, присланныхъ съ посыльными, но одинъ ящикъ пришелъ по почтѣ и съ итальянскимъ штемпелемъ. Его принесъ ко мнѣ въ классную комнату лакей на большомъ серебряномъ подносѣ, и я замѣтила по его широко открытымъ испуганнымъ глазамъ, что таинственная посылка внушала ему серьезныя подозрѣнія.

Я должна сознаться, что и сама немножко трусила, и была рада, что дѣти находились у принцессы и разсматривали ея подарки.

— Почему вы принесли этотъ ящикъ ко мнѣ, когда онъ присланъ принцессѣ?—спросила я.

Я была уже достаточно опытна, чтобы не удивляться нѣкоторымъ порядкамъ въ неспокойномъ домѣ моихъ хозяевъ. Какъ я и ожидала, лакей извинился передо мной за то, что онъ поступалъ не по формѣ, но онъ хотѣлъ спросить у меня совѣта, что дѣлать съ этой посылкой.

— Мнѣ не было дано приказаній,—сказалъ онъ,—что дѣлать съ посылками, приходящими для ея высочества по почтѣ. Это—первая со времени «тревоги».

Такъ выражались слуги нашего дома, когда говорили о покушеніи на принца.

Я подумала немного и посовѣтовала лакею поставить посылку на большой столъ посреди классной комнаты, доложить ея высочеству и ждать ея приказаній.

— Если ящикъ взорвется — онъ убьетъ только меня,—сказала я, стараясь казаться спокойнѣе, чѣмъ я была на самомъ дѣлѣ.

Вскорѣ принцесса заглянула въ комнату.

— Я слышала,—сказала она,—что на мое имя прислана посылка, и что Винклеръ (такъ звали лакея) принесъ ее сюда. Правда, что на ней итальянскій штемпель? Я не могу себѣ представить, кто могъ мнѣ прислать подарокъ изъ Италіи. Можете вы разобрать штемпель?

Я сказала ей, что не подходила такъ

близко къ ящику чтобы разобрать штемпель. Но мнѣ сейчасъ же стало стыдно за свою трусость, и я храбро подошла къ столу. Но штемпеля я не могла разобрать, онъ весь расплылся вѣроятно отъ дождя.

— Пусть кто нибудь изъ лакеевъ вскроетъ ящикъ какъ можно осторожнѣе,—сказала принцесса, смотря съ безпокойствомъ на посылку и держась отъ нея на почтительномъ разстояніи.

— Они всѣ будутъ бояться,—намекнула я.

— Да, но они должны повиноваться, если имъ приказываютъ. Ящикъ нужно вскрыть. Мы же не можемъ оставить его здѣсь навсегда. И скорѣй всего въ немъ нѣтъ ничего опаснаго. Если опустить его въ воду, какъ вы думаете? Я увѣрена, что это его сдѣлаетъ безопаснымъ.

— Я открою его,—сказала я,—если ваше высочество позволите. Я не боюсь. (Я боялась, но мнѣ вдругъ захотѣлось показать ей, что такое англійская храбрость).

Принцесса похвалила меня за смѣлость, но еще разъ посовѣтовала быть осторожной.

— На почтѣ съ нимъ могли и не обращаться съ большой осторожностью,—сказала она,—онъ можетъ взорваться только тогда, когда вы будете вскрывать его. Я слышала о такихъ вещахъ.

Я была увѣрена, что она слышала это отъ графини, которая была большой любительницею всякихъ страшныхъ разсказовъ. Она разсказывала ихъ даже при дѣтяхъ, которые забавлялись теперь тѣмъ, что бросали другъ въ друга бомбы изъ-за дверей. Никакія убѣжденія съ моей стороны не могли остановить ихъ.

Я обѣщала принцессѣ принять всѣ предосторожности и намекнула ей, что она должна уйти изъ комнаты, когда я приступлю къ дѣлу.

Но это она отказалась сдѣлать. Когда же я принесла большія ножницы, чтобы разрѣзать ими веревку, она невольно, отошла къ двери, готовая выскочить и оставить адской машинѣ только одну жертву.

Ящикъ былъ приблизительно четырехъ футовъ длины и двухъ футовъ ширины; онъ былъ аккуратно завернутъ въ толстую синюю бумагу и перевязанъ толстой темно-синей веревкой. Узлы ея были залиты чернымъ сургучемъ, но я не могла разобрать на немъ никакой монограммы или герба.

Осторожно я разрѣзала веревку и съ еще большей осторожностью стала развертывать бумагу. Подъ ней оказался ящикъ изъ некрашеннаго дерева похожій на игрушечные ящики съ швейцарскими домиками для дѣ-

тей. Съ своего мѣста принцесса замѣтила, мнѣ, что онъ выглядитъ очень странно.

Ящикъ былъ обвязанъ тонкими, но крѣпкими зелеными веревками. Я ихъ разрѣзала и потомъ очень тихо и бережно стала приподнимать крышку, которая была закрыта очень крѣпко, и наконецъ, несмотря на всѣ мои предосторожности вдругъ сразу отлетѣла. Сердце у меня замерло, а принцесса слабо вскрикнула.

Но ничего страшнаго не произошло.

Я сняла съ открытаго ящика слой свѣтлой тонкой бумаги и увидѣла, что адская машина,—если эта была она,—скрывалась подъ букетомъ чудныхъ розъ Ла Франсъ, любимыхъ цвѣтовъ принцессы. Между длинными зелеными стеблями лежалъ конвертъ. Я передала его принцессѣ.

Черезъ минуту она разразилась веселымъ смѣхомъ. Страшный ящикъ былъ подарокъ князя фонъ-Бюлова.

Онъ узналъ, что ея высочество любитъ розы Ла Франсъ, когда былъ однажды лѣтомъ въ Германіи и ему захотѣлось прислать ей лучшія, которыя расцвѣли на его виллѣ Мальта въ Римѣ.

Принцесса была въ восторгѣ, тѣмъ болѣе бурномъ, что она такъ была напугана передъ тѣмъ.

Она дала мнѣ одну розу, въ награду за мою храбрость. Я съ большимъ удовольствіемъ приняла ее, такъ какъ встрѣчала князя Бюлова, когда онъ пріѣзжалъ къ принцессѣ, и онъ понравился мнѣ больше всѣхъ нѣмцевъ, къ какому бы классу они ни принадлежали.

Онъ много говорилъ о своихъ садахъ въ Римѣ и сказалъ между прочимъ, что они были такъ красивы, что могли заставить человѣка забыть о разочарованіяхъ жизни.

Графиня разсказала мнѣ тогда, что князь фонъ Бюловъ, о чемъ бы онъ ни началъ говорить, всегда переводилъ разговоръ на розы.

— Этотъ человѣкъ можетъ заставить каждаго, даже самого императора, думать, нѣкоторое время, что розы самая важная вещь въ мірѣ,—прибавила графиня.

Кромѣ того, она сказала мнѣ, что розы не разъ утѣшали князя Бюлова въ серьезныхъ непріятностяхъ. Но я никогда не видѣла человѣка болѣе довольнаго всѣмъ Божьимъ міромъ, чѣмъ этотъ красивый дипломатъ съ его любезной улыбкой и глубокой ямкой на подбородкѣ.

Если бы онъ былъ посланникомъ въ Италіи во время объявленія войны, я увѣрена, онъ заставилъ бы третьяго члена Тройствен-

наго Союза думать, что розы (дружбы) «самая важная вещь въ мірѣ».

То, что я слышала отъ графини о поѣздкѣ кронпринца въ Индію и Египетъ въ качествѣ «почетнаго шпіона» и ея разсказъ о «вліяніи» нашего принца на тайную полицію, заставило меня думать о шпіонахъ и шпіонствѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ гораздо больше, чѣмъ я думала объ этомъ за всю мою жизнь.

Я начала присматриваться къ людямъ и думаю теперь, что многіе изъ тѣхъ «иностранцевъ», съ которыми я встрѣчалась, были наняты въ качествѣ шпіоновъ и состояли въ распоряженіи у одного и того же высокопоставленнаго лица.

Послѣдняго человѣка, котораго я знала какъ профессіональнаго шпіона, былъ господинъ Штейнгауеръ. Даже теперь я не увѣрена, что онъ и знаменитый «мастеръ-шпіонъ» о которомъ я такъ много наслышалась съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала въ Англію, не были однимъ и тѣмъ же лицомъ; многое говоритъ за то, что это такъ; между прочимъ и случай съ Эльзой Ниманъ и ея матерью (случайно я узнала конецъ всего этого дѣла) и еще больше одинъ эпизодъ, который произошелъ лѣтомъ 1913 года.

Въ апрѣлѣ того же года, я получила пись-

мо отъ фрау Ниманъ, спрашивавшей меня, помню ли я ее. Она писала мнѣ изъ Центральной гостиницы, что она только что пріѣхала домой въ Германію, послѣ цѣлаго года путешествій.

На обратномъ пути она проѣхала черезъ Лондонъ и останавливалась тамъ, чтобы видѣться съ своей дочерью. Ей очень хотѣлось меня видѣть и передать мнѣ кое-какія новости и порученія отъ Эльзы.

Это письмо я сохранила. Оно лежитъ въ моемъ багажѣ въ Потсдамѣ; я сомнѣваюсь только, поѣду ли я когда-нибудь снова туда, даже и послѣ окончанія войны.

Фрау Ниманъ звала меня навѣстить ее въ Центральной гостиницѣ, и обѣщала показать интересные альбомы и фотографіи, сдѣланные во время путешествія. Она просила меня назначить день, такъ какъ она была бы очень огорчена, если бы я не застала ее дома.

Въ нѣкоторомъ отношеніи моя жизнь была подобна жизни послушницы въ монастырѣ. Все интересное, что происходило въ моей жизни, случалось неизмѣнно подъ кровлей моихъ хозяевъ и никогда внѣ ихъ дома, потому что мое свободное время было очень ограничено.

Мнѣ казалось иногда, что цѣлыя недѣли приходили, не внося никакого разнообразія въ мою жизнь, исключая нѣкоторыхъ раздражающихъ нервы скучныхъ отступленій отъ заведенной рутины, которые волновали меня и разрушали всѣ мои планы. Потомъ вдругъ происходилъ цѣлый рядъ интересныхъ событій, но никогда ничего не происходило лично со мной. Такъ какъ эти событія относились всегда къ лицамъ, стоявшимъ надо мной, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы, подчиненные, усвоили себѣ привычку сплетничать и слушать сплетни. У насъ не было другого интереса кромѣ жизни нашихъ хозяевъ.

Поэтому я должна сознаться, что когда я получала приглашеніе со стороны, я была очень рада ему, даже если онъ самъ по себѣ и не имѣлъ для меня ничего пріятнаго.

Мнѣ было почти стыдно моей радости увидѣться снова съ фрау Ниманъ. Но воспоминаніе объ Эльзѣ невольно наводило меня на мысль о своихъ, такъ какъ она жила у моей тетки, куда я же сама ввела ее.

Фрау Ниманъ выглядѣла такъ же, какъ и два года тому назадъ, но казалась болѣе натянутой чѣмъ прежде и была изящнѣе одѣта. У нея было цѣлое отдѣленіе въ го-

стиницѣ, она предложила мнѣ кофе и была очень любезна.

— Эльза очень много путешествовала,— разсказывала она мнѣ,—но не со мной, а съ той англійской семьей, гдѣ она живетъ.

Такимъ образомъ я узнала причину, почему Эльза ни разу не могла навѣстить моихъ родственниковъ.

Но фрау Ниманъ увѣряла, что она не забыла ихъ. Она провела зиму въ Италіи и лѣто въ Америкѣ. Теперь она опять возвратилась въ Англію и надѣется увидѣть меня, когда я пріѣду туда въ маѣ. Она хочетъ сама разсказать мнѣ о своей помолвкѣ съ бывшимъ германскимъ офицеромъ, поселившимся въ Бристолѣ, гдѣ у него есть коммерческое дѣло.

— Откуда она узнала, что я ѣду въ маѣ?— спросила я.—Она слышала это отъ моей тетки?

Мнѣ показалось, что фрау Ниманъ смутилась. Она отвѣтила, что Эльза ничего не слышала объ этомъ, но предполагала, что я всегда имѣю отпускъ въ маѣ, какъ это было, когда мы съ ней ѣздили вмѣстѣ.

Я объяснила, что съ тѣхъ поръ ни разу не уѣзжала изъ Германіи, но дѣйствительно собиралась ѣхать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Фрау Ниманъ казалось обрадовалась, услыша

это и просила меня передать Эльзѣ какой-то подарокъ, а также и моей теткѣ, которая была такъ любезна къ ней. Я отвѣтила, что сдѣлаю это съ удовольствіемъ и она вдругъ вспомнила, что дядя Эльзы тоже, вѣроятно, захочетъ послать ей что-нибудь. Она пригласила меня зайти къ ней на слѣдующей недѣлѣ въ «ея день», и тогда господинъ Штейнгауеръ принесетъ свой подарокъ для племянницы.—Что-нибудь небольшое, что не обезпокоитъ васъ въ путешествіи,—прибавила она.

Когда это было рѣшено, она начала показывать мнѣ свои альбомы, которыхъ было два и очень большихъ.

Она дѣйствительно много путешествовала.

Первый альбомъ, который начинался еще до моего знакомства съ ней въ 1910 году, былъ полонъ фотографій; тамъ были: кайзера Вильгельма, снятый въ Брюсселѣ, гдѣ онъ посѣтилъ новаго бельгійскаго короля Альберта послѣ смерти Леопольда; фотографіи виллы Мальты, князя фонъ Бюлова, и его садовъ. Эти фотографіи меня очень удивили, потому что принцесса говорила мнѣ, что попасть туда было очень трудно и считалось большой милостью для всякаго, кто не былъ личнымъ другомъ князя.

Все, что я знала и слышала о князѣ фонъ

Бюловѣ, заставляло меня сомнѣваться, что бы онъ выбралъ фрау Ниманъ своимъ другомъ.

Но тѣмъ не менѣе тамъ было съ полдюжины такихъ фотографій... Потомъ были виды Индіи съ кронпринцемъ, его пріѣздъ туда и привѣтствія народа въ разныхъ мѣстахъ.

На одной изъ фотографій былъ кронпринцъ, снятый въ дверяхъ бѣлаго дворца, между двумя мужчинами въ европейскихъ костюмахъ и въ турецкихъ фескахъ.

Фрау Ниманъ объяснила мнѣ, что это были Хедивъ и принцъ Магометъ Али, она сказала мнѣ, что послѣдній уѣзжалъ изъ Египта, и вернулся, чтобы встрѣтить его императорское высочество.

Этотъ портретъ былъ очень цѣннымъ, такъ какъ съ него было всего шесть копій: одну изъ нихъ я имѣла передъ глазами, другія были собственностью высокихъ особъ, снятыхъ на ней, а одна была у господина Штейнгауера, который имѣлъ честь снимать ихъ.

— Онъ былъ съ кронпринцемъ въ этой экспедиціи?—спросила я немного удивленная, забывъ что онъ былъ знакомымъ нашего принца.

— Да, онъ случайно былъ въ то время въ

Египтѣ, неоффиціально,—отвѣтила фрау Ниманъ.

Она, казалось, очень гордилась своимъ родствомъ съ господиномъ Штейнгауеромъ; и я была очень заинтересована, кѣмъ онъ былъ, когда являлся «оффиціально».

Она мнѣ не сказала, да и не говорила раньше, что была сестрой господина Штейнгауера, но предоставляла мнѣ предполагать это, такъ какъ Эльза звала его «дядей».

Теперь я догадалась, что она была его женой —«оффиціальной. или «неоффиціальной».

Въ томъ же альбомѣ были фотографіи многихъ британскихъ министровъ: сэра Эдуарда Грея, министра Винстона Черчилля и Ллойдъ Джоржа. Подъ фотографіей послѣдняго, снятаго на балконѣ одной виллы, была подставлена выписка изъ лондонской газеты, обвинявшей премьера въ экстравагантностяхъ, во время его пребыванія на Ривьерѣ.

— Эта замѣтка была послана въ Лондонъ однимъ нѣмцемъ, была тамъ принята и напечатана, — объяснила мнѣ фрау Ниманъ.— Вамъ трудно повѣрить этому? Но это такъ. Мы часто создаемъ лондонское общественное мнѣніе здѣсь въ Берлинѣ. Я не была особенной почитательницей мистера Ллойдъ

Джоржа, но мнѣ не понравилось, что пасквили германскаго производства печатались въ Англіи.

Я спросила поэтому, въ чемъ нѣмцы могли упрекнуть премьера, бывшаго въ отпуску. Я слышала, что либеральная партія поддерживала дружественныя отношенія съ ихъ «фатерландомъ».

Фрау Ниманъ разсмѣялась на эти слова. Она сказала мнѣ, что никто изъ нѣмцевъ и ни она сама не имѣютъ ничего противъ Ллойдъ Джоржа, но что политика каждой страны есть стремленіе создать политическое недовольство въ другой странѣ.

— Все это необходимо,—докончила она.

Я ничего этого не знала и подумала, что это очень глупо и чисто по нѣмецки. Теперь я вижу въ этомъ пріемѣ своеобразный методъ.

Въ ея альбомѣ была цѣлая серія фотографій изъ Лондона, съ портретами англійской королевской семьи, снятой съ императоромъ, императрицей и принцессой Викторіей. Всѣ они были сняты по случаю открытія памятника королевы Викторіи.

Господинъ Штейнгауеръ дѣлалъ также и эти снимки, и фрау Ниманъ сказала мнѣ, что онъ находился въ то время въ свитѣ кайзера. Она также была въ Лондонѣ въ

1911 году и благодаря протекціи вліятельныхъ особъ видѣла всю церемонію.

Второй альбомъ былъ неполный, но тамъ были интересныя фотографіи принца Уэльскаго въ Парижѣ, и президента Пуанкаре въ Лондонѣ. Одну карточку, послѣднюю въ альбомѣ, она какъ будто не хотѣла показывать мнѣ, но потомъ передумала.

— Я боюсь показать вамъ ее, — сказала она,—вы догадаетесь, кто это.

Карточка, о которой шла рѣчь, представляла собою джентльмена въ штатскомъ платьѣ, типичнаго англійскаго покроя. На немъ былъ котелокъ, пальто и шарфъ вокругъ шеи. У него были большіе усы, опущенные книзу и растрепанные на концахъ. Надъ нимъ стоялъ другой смѣющійся веселый молодой человѣкъ и держалъ зонтикъ. Какъ разъ позади нихъ возвышалась Arc de Triomphe и я такимъ образомъ могла догадаться, что фотографія была сдѣлана въ Парижѣ.

— Онъ похожъ немного на императора, только усы не его,—сказала я,—но, конечно, это не можетъ быть онъ.

— Не кто другой, какъ онъ!—сказала засмѣявшись фрау Ниманъ. — Его величество бывалъ тамъ не одинъ разъ. Да почему ему и не поѣхать туда инкогнито и не позаба-

виться немного, если это оффиціально неизвѣстно?..

Ирландскіе снимки, казались ужъ совсѣмъ неинтересными послѣ этой сенсаціонной фотографіи германскаго императора въ штатскомъ платьѣ, театрально снятаго на фонѣ Тріумфальной арки. Они были интересны развѣ тѣмъ, что были помѣщены въ коллекціи нѣмецкой женщины, служащей ей воспоминаніемъ о пережитомъ. Былъ тамъ и сэръ Эдуардъ Карсонъ, говорящій рѣчь толпѣ, и случайно увѣковѣчена маленькая улица въ Бельфастѣ.

Было нѣсколько фотографій лорда и леди Абердинъ въ Дублинѣ. Фрау Ниманъ сказала, что она сдѣлала пріятное путешествіе по Ирландіи, хотя тамъ оказалось много бѣдноты, а богатые классы очень недовольны англійскимъ правительствомъ.

Она спросила меня, что будетъ съ Англіей, если будетъ принятъ законъ о гомрулѣ. Я отвѣтила, что я не могу этого знать, такъ какъ не много знаю о политическомъ положеніи моей страны, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала въ Германію.

Она сказала мнѣ тогда, что многіе англичане не интересуются такими вещами и не понимаютъ Ирландіи.

— Вы увидите, будутъ большія волненія,—

сказала она тѣмъ самоувѣреннымъ тономъ, который такъ обыченъ у пруссаковъ. Я встрѣчала много людей въ Ирландіи, интеллигентныхъ людей, которые говорили мнѣ, что имъ все равно, нападутъ ли германцы на Англію, или нѣтъ,—добавила она.

Я разсмѣялась на эти слова и мнѣ показалось, что она была этимъ удивлена и даже разсержена.

Въ слѣдующій разъ, когда я пришла въ назначенный день, чтобы забрать подарки для Эльзы, я застала въ пріемной у фрау Нимант господина Штейнгауеръ. У него былъ пакетъ, который онъ хотѣлъ передать мнѣ, и хотя пакетъ былъ не больше моей ладони, господинъ Штейнгауеръ разсыпался въ извиненіяхъ и долго меня благодарилъ за любезность. Я должна была передать пакетъ своей теткѣ, такъ какъ Эльза не дала имъ своего адреса, и куда-то уѣхала со своими хозяевами. Она надѣялась гдѣ-нибудь встрѣтиться со мной, но если ей не удастся это, то можетъ быть ея любезные друзья согласятся беречь у себя подарки, до ея возвращенія. Если будетъ возможность, Эльзѣ очень хотѣлось бы познакомить насъ со своимъ женихомъ. Онъ уже принялъ англійское подданство, и когда Эльза выйдетъ за

него замужъ, то также будетъ британской подданной.

Господинъ Штейнгауеръ и фрау Ниманъ были такъ увѣрены, что мнѣ интересны эти подробности, что мнѣ пришлось выказать по этому поводу гораздо больше радости, чѣмъ я чувствовала.

Когда я собралась уходить, господинъ Штейнгауеръ какъ-будто вспомнилъ что-то.

— Ахъ, миссъ!—началъ онъ.—Мнѣ кажется, вы знакомы съ многими офицерами арміи и флота Америки и Англіи, не такъ ли?

Я сказала, что знаю нѣсколькихъ офицеровъ, что имѣю родственниковъ въ арміи одной страны, и во флотѣ другой.

— Да, я такъ и слышалъ,—отвѣтилъ господинъ Штейнгауеръ.—Я подумалъ, что можетъ быть вы окажете мнѣ величайшую любезность, какую я очень бы оцѣнилъ и постарался бы отплатить вамъ за нее всѣмъ, что въ моей власти.

И онъ сталъ объяснять мнѣ, что знакомъ съ однимъ молодымъ англичаниномъ не подданнымъ Англіи, хотя онъ всегда тамъ живетъ.

— Одна изъ моихъ родственницъ,—продолжалъ онъ,—вышла замужъ за англичанина, у котораго было торговое дѣло въ Бредфордѣ. Дѣло это не пошло, и онъ недавно

умеръ. У моей родственницы осталось два сына; одинъ изъ этихъ молодыхъ людей двадцати четырехъ лѣтъ, былъ прекрасно воспитанъ, окончилъ въ Германіи инженерное училище, другой—младшій, хотѣлъ поступить во флотъ, но по обстоятельствамъ сдѣлался журналистомъ. Онъ писалъ, присылалъ фотографіи и собственные рисунки въ германскія газеты, но не могъ успѣшно работать въ Англіи, по причинѣ недостатка знакомствъ. Онъ хотѣлъ бы писать объ англійскомъ флотѣ для Германіи и о германскомъ флотѣ для Англіи,—докончилъ господинъ Штейнгауеръ,—хотѣлъ бы писать интересныя статьи для сравненія, и потомъ свои личныя мнѣнія о главныхъ адмиралахъ. Онъ началъ съ характеристики адмирала фонъ Тирпица, которая предназначается для одного англійскаго журнала, съ спеціальными фотографіями, которыя я ему пріобрѣлъ. Не могли ли бы вы ввести его въ кругъ вашихъ знакомыхъ офицеровъ и моряковъ? Ему нужно получить интервью съ нѣкоторыми особами, для помѣщенія ихъ въ нѣмецкихъ газетахъ. Кромѣ того ему хотѣлось бы попасть на бортъ какого-нибудь корабля во время будущихъ маневровъ. Не можете ли вы помочь ему въ этомъ дѣлѣ?

Я не знала, что отвѣчать. Я знала, что мог-

ла бы ввести моего личнаго друга въ кругъ офицеровъ арміи или флота и была бы увѣрена, что его примутъ хорошо. Но я не видѣла причины, почему я должна была сдѣлать это для молодого человѣка, котораго я никогда не видѣла, (будь онъ даже англичанинъ), только потому, что имъ интересовался господинъ Штейнгауеръ.

Въ то время, какъ я колебалась съ отвѣтомъ, господинъ Штейнгауеръ напомнилъ мнѣ опять, что его родственникъ былъ «англичанинъ», какъ и я, даже больше, потому что я столько же англичанка, сколько и американка.

— Вы могли видѣть по альбому фрау Нимань, что мы не кто-нибудь,—сказалъ онъ.— Мы могли бы тоже сдѣлать для васъ какое-нибудь одолженіе, познакомя васъ съ полезными для васъ людьми, иначе я никогда не осмѣливался бы безпокоить васъ такой просьбой. Но къ несчастью, какъ разъ я не знакомъ ни съ однимъ англійскимъ офицеромъ. Между дѣльцами у меня много связей, даже на биржѣ я могъ бы дать вамъ много хорошихъ совѣтовъ, куда помѣщать капиталы. Если вы будете любезны сдѣлать мнѣ это одолженіе, я познакомлю васъ съ людьми, которые будутъ вамъ платить двадцать

и тридцать процентовъ, помѣстивъ ваши капиталы въ величайшія міровыя предпріятія.

Я поблагодарила господина Штейнгауера и сказала ему, что съ моимъ скромнымъ жалованіемъ, я могу имѣть лишь очень небольшія сбереженія, съ которыми не стоитъ надоѣдать его друзьямъ; но онъ увѣрилъ меня, что сдѣлаетъ это съ удовольствіемъ, какова бы ни была сумма. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что не хочетъ настаивать на знакомствѣ своего родственника съ англійскими офицерами, если я этого не хочу. Я почувствовала себя неловко и обѣщала подумать о людяхъ, которые могли бы быть полезны для его журналиста.

На это онъ отвѣтилъ такимъ потокомъ благодарности, которыхъ я не заслуживала, такъ какъ мои обѣщанія были очень неопредѣленны.

Затѣмъ, исходя вѣроятно изъ соображенія, что надо «ковать желѣзо, пока горячо», онъ сказалъ мнѣ, что прежде чѣмъ я уѣду въ Англію, ему хочется спросить меня еще объ одномъ и именно есть ли у меня знакомый по имени мистеръ Тревеліанъ?

Я была ужасно удивлена, услыша этотъ вопросъ. Очевидно, онъ зналъ, что у меня есть знакомый съ такой фамиліей, иначе онъ не спросилъ бы меня о немъ. Было только

два пути, по которымъ онъ могъ знать это. Одинъ былъ черезъ Эльзу Нимань, которая могла слышать о немъ отъ моей тетки, другой черезъ кого-нибудь изъ дома моихъ хозяевъ, кто могъ видѣть между моими фотографіями, портретъ, подписанный тѣмъ именемъ, которое назвалъ господинъ Штейнгауеръ.

Я отвѣтила ему, что знаю господина,—носящаго фамилію Тревеліанъ.

— Это тотъ джентльменъ, который служитъ на орудійномъ заводѣ?—продолжалъ спрашивать господинъ Штейнгауеръ.

— Нѣтъ,—отвѣтила я.

— Родственникъ его, навѣрное?

Я отвѣтила, что никогда не слыхала о господинѣ Тревеліанъ, служащемъ на орудійномъ заводѣ.

Господинъ Штейнгауеръ казался разочарованнымъ, но спросилъ не знакома ли я съ сэромъ Филиппомъ Ваттсъ, который изобрѣлъ дредноуты.

На это я тоже отвѣтила отрицательно.

Я конечно, слышала о сэрѣ Филиппѣ Ваттсъ, но никогда не встрѣчалась съ нимъ.

Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что если бы у него нашлись какіе-нибудь знакомые, куда я хотѣла бы попасть, то онъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ это.

Мнѣ пришло въ голову спросить его, для чего ему нужно, чтобы я была знакома со всѣми этими людьми.

Онъ отвѣтилъ безъ всякаго смущенія, что это было ради другого молодого человѣка, инженера, о которомъ онъ говорилъ мнѣ. Ему очень хотѣлось сдѣлать для него все возможное, чтобы ввести его въ кругъ вліятельныхъ лицъ Англіи, гдѣ бы онъ могъ примѣнить свои удивительныя способности и куда онъ могъ бы попасть благодаря своему прекрасному воспитанію.

— Я увѣренъ,—сказалъ господинъ Штейнгауеръ,—что владѣльцы орудійныхъ заводовъ были бы рады пріобрѣсти его по многимъ причинамъ. Онъ работалъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ на заводѣ Круппа. Это мѣсто было дано ему благодаря вліянію нѣкоторыхъ особъ и онъ былъ первый англичанинъ, который былъ допущенъ туда; но его товарищи по службѣ такъ завидовали ему и стали даже подозрѣвать его, что ему стало тяжело тамъ. Теперь онъ хочетъ посвятить свои труды и свои знанія родинѣ и хотя я нѣмецъ, но не вижу причины, почему не помочь ему. Онъ очень честный и порядочный молодой человѣкъ.

Мнѣ пришло въ голову, что англичанинъ,

который дѣйствительно работалъ у Круппа, могъ бы и самъ сдѣлать карьеру у себя на родинѣ, и я сказала господину Штейнгауеру, что можетъ быть у него есть другія лица, которыя могли бы ему лучше помочь, чѣмъ я.

Дѣйствительно, я ничего не могла сдѣлать, потому что не была знакома ни съ кѣмъ изъ служащихъ на орудійныхъ заводахъ.

Я прибавила, что даже не знаю точно, гдѣ эти заводы находятся.

На этотъ разъ господинъ Штейнгауеръ удостовѣрился, повидимому, разъ навсегда, что я не могу или не хочу быть ему полезной; и очень деликатно онъ оставилъ меня въ покоѣ «за непригодностью».

Когда я пришла домой и обдумала весь этотъ разговоръ, онъ показался мнѣ очень страннымъ. Мнѣ даже показалось, что господинъ Штенгауеръ предлагалъ мнѣ взятку за мое содѣйствіе.

Въ этомъ не было большого вреда, конечно. Я часто слышала, что новоиспеченные американскіе милліонеры съ общественнымъ честолюбіемъ дѣлаютъ подобныя вещи.

Но Штейнгауеръ и фрау Ниманъ такъ много говорили мнѣ о своихъ вліятельныхъ друзьяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, что меня удивля-

ло, зачѣмъ я имъ понадобилась. Меня удивило и то, что я встрѣтилась съ ними какъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ въ Англію, какъ въ первый разъ. Въ промежуткѣ между моими двумя отпусками я не слышала о нихъ ни слова, а теперь какъ-будто они были кѣмъ-то освѣдомлены о моемъ отъѣздѣ изъ дома принца. Мнѣ было очень досадно, что я не спросила Штейнгауера прямо, откуда онъ узналъ, что я знакома съ господиномъ Треве́ліанъ; но я подумала, что писать объ этомъ фрау Ниманъ значило придавать этой исторіи слишкомъ большое значеніе. Я не знала другого ея адреса, кромѣ Центральной гостиницы и послѣ никогда больше не слышала о ней, хотя и писала фрау Ниманъ, что Эльза не пріѣзжала къ моей теткѣ во все время моего пребыванія въ Англіи.

Я разсказала моему дядѣ и теткѣ о разговорѣ съ Штейнгауеромъ, но онъ имъ не показался такимъ страннымъ, какъ мнѣ. Мой дядя былъ знакомъ съ многими нѣмцами, которые настойчиво старались получить отъ него свѣдѣнія и задавали совершенно неумѣстные вопросы, не сознавая, что они поступили неделикатно. Такихъ нѣмцевъ я знала тоже и рѣшила, что въ концѣ-концовъ они всѣ таковы. Но тѣмъ не менѣе я считаю тотъ разговоръ съ Штейнгауеромъ началомъ мо-

ихъ подозрѣній нѣмцевъ въ ихъ расположеніи къ Англіи.

Эта поѣздка домой въ 1913 году была послѣдней. Слѣдующая произошла ужъ совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ,—я бѣжала изъ Германіи.

Когда я въ эту осень увидѣлась съ моими родственниками, я узнала, что Эльза Ниманъ пріѣзжала къ нимъ и представила имъ своего жениха. Я ея не застала.

Вотъ, что мнѣ о ней сообщили:

Послѣ объявленія войны Германіи Эльза неожиданно пріѣхала къ моему дядѣ и просила помочь ей перейти въ англійское подданство. Она сказала ему, что должна была уйти съ своего мѣста, такъ какъ хозяева отказывались держать у себя нѣмку, а женихъ ея находился въ Германіи и не могъ теперь возвратиться. Онъ тоже еще не перешелъ въ англійское подданство. Мои родственники были опечалены за дѣвушку, которую они любили, и защищали ее, когда полиція стала наводить о ней справки, какъ объ иностранкѣ.

Оба старика искренно негодовали, когда полиція настаивала на осмотрѣ ея багажа; но къ ихъ удивленію и ужасу тамъ были найдены планы укрѣпленій, замѣтки о воздухоплавательныхъ паркахъ и бумага, удостовѣряв-

шая, что Эльза была замужемъ уже полтора года за германскимъ офицеромъ. «Женихъ» ея исчезъ, но Эльза была задержана и сидитъ теперь вмѣстѣ съ другими германскими шпіонками, задержанными въ Англіи, въ тюрьмѣ.

X.

Графъ Цеппелинъ. — Мистеръ Джонъ Берисъ. — Южно-американская мудрость.—Милитаризмъ въ дѣтской.—Генералъ фонъ Клукъ.—Майнцкое пророчество. — Предсказаніе цыганки.—У меня открываются глаза.

Разсказывая исторію о шпіонствѣ, я забѣжала немного впередъ въ моемъ разсказѣ. Но въ продолженіе 1912 г. ничего не произошло интереснаго, исключая моей встрѣчи съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ.

Однажды въ Берлинѣ къ намъ пріѣхалъ графъ Цеппелинъ. Онъ только что поднимался на своемъ дирижаблѣ вмѣстѣ съ кронпринцемъ, нашимъ принцемъ и двумятремя изъ своихъ друзей.

Принцъ пріѣхалъ домой въ большомъ восторгѣ отъ полета и хотѣлъ доставить своему старшему сыну это удовольствіе, но прин-

цесса и слышать объ этомъ не хотѣла. Графъ Цеппелинъ поддержалъ ее.

Онъ сказалъ, что совсѣмъ не знаетъ состоянія дѣтскихъ нервовъ и не хочетъ рисковать, хотя и предполагаетъ, что такіе мальчики, какъ наши, великолѣпно выдержали бы полетъ. Онъ посовѣтовалъ принцамъ, которые просили его поднять ихъ, удовольствоваться пока «игрой» и разспросилъ ихъ подробно о лейтенантѣ фонъ Х. и о томъ, успѣшно ли идетъ игра.

Когда онъ говорилъ объ обыденныхъ вещахъ, его лицо было очень добродушно. Я подумала, что съ фальшивой бородой, онъ выглядѣлъ бы отличнымъ роджественскимъ дѣдомъ.

Но когда онъ слушалъ отчетъ лейтенанта фонъ Х. о томъ, какъ онъ училъ дѣтей играть въ его игрушку и осмотрѣлъ нѣкоторые изъ игрушечныхъ строеній, которыя такъ часто осыпали «бомбами», что порошокъ больше ужъ не счищался,—то его лицо дѣлалось суровымъ и сразу старѣло, а большіе глаза почти скрывались подъ нахмуренными бровями.

Графъ подозвалъ старшаго изъ принцевъ къ себѣ и сталъ говорить ему что-то о сильной власти. Мальчикъ сначала смутил-

ся, но вскорѣ набрался храбрости и сталъ отвѣчать живо и смѣло.

— Это — природный солдатъ,—сказалъ графъ, положивъ ему руку на голову.—Со временемъ онъ станетъ настоящимъ воздушнымъ воиномъ. Нужно придумать для него что-нибудь особенно хорошее; но пока мы постараемся съ помощью неба извлечь пользу изъ того, что уже имѣемъ.

Однажды меня позвали въ пріемную, гдѣ принцъ и принцесса принимали журналистовъ, пріѣхавшихъ въ Германію для проповѣди идей мира. Одинъ изъ этихъ людей былъ соціалистъ. Хотя я слышала, что всѣ члены военной партіи въ Германіи называли соціалистовъ не иначе, какъ «эти скоты», или «эти твари», ко мнѣ все-таки обратились съ просьбой быть «любезной» съ этими иностранными экземплярами «тварей и скотовъ».

— Будьте съ ними такъ любезны,—сказала мнѣ графиня, съ своимъ обычнымъ смѣхомъ,—какъ кайзеръ съ вашимъ Джономъ Бернсомъ. Теперь мы всѣ стоимъ за идею мира.

— Но кайзеръ цѣнитъ Джона Бернса, какъ человѣка,—замѣтила я.

— Это все, что вы знаете объ этомъ дѣлѣ? — смѣясь проронила графиня. — Кай-

зеръ — удивительный человѣкъ, но онъ терпѣть не можетъ тѣхъ, кто критикуетъ его. А вашъ Джонъ Бернсъ сказалъ ему прямо въ лицо, что наша армія не такова, какой она должна быть въ великое время. Я знаю, что это — правда, потому, что слышала, что сказалъ потомъ императоръ по-англійски одному изъ генераловъ, которыхъ раскритиковалъ Бернсъ. Это было на маневрахъ. Кайзеръ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ словъ Бернса или не обратилъ на нихъ вниманія. Но это такая вещь, которой кайзеръ никогда не забудетъ. Это оскорбленіе его самолюбію. И отвернувшись къ своему генералу, онъ сказалъ: «Проклятыя букашки!».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣздъ проповѣдниковъ мира привелъ бы меня въ восторгъ. Но послѣдніе мѣсяцы моего пребыванія въ Германіи заставили меня смотрѣть на дѣло иначе. Я была увѣрена, что съ журналистами обойдутся хорошо только для вида, а когда они уѣдутъ, надъ ними посмѣются.

Одинъ изъ пасифистовъ былъ южно-американскій дипломатъ; съ нимъ я познакомилась раньше во время его пребыванія въ Берлинѣ. Это былъ скрытный и лукавый циникъ, который разсказывалъ мнѣ удиви-

тельныя вещи. По крайней мѣрѣ, теперь они кажутся мнѣ такими, въ освѣщеніи позднѣйшихъ событій.

Онъ былъ милліонеръ, пользовался покровительствомъ одного принца и принцессы, которые познакомились съ нимъ и съ его семьей въ Энгадинѣ. Этотъ принцъ былъ родственникомъ моихъ хозяевъ и привезъ дипломата и его красавицу дочь къ завтраку къ нашему принцу и принцессѣ въ Потсдамъ. Послѣ завтрака, какъ разъ, когда я собиралась увести дѣтей, все общество вошло къ намъ въ комнату, чтобы посмотрѣть на дѣтей. Дѣвушка была такъ красива, что даже мальчики были поражены ея красотой и стали разсказывать ей о своихъ урокахъ и играхъ, въ особенности о «цеппелинѣ». Они описывали ей съ бо́льшимъ, чѣмъ обыкновенно жаромъ, какъ они разрушали большія зданія въ непріятельскихъ странахъ.

— Вы, значитъ, придете и къ намъ разрушать Ріо-Жанейро? — спросила она своимъ нѣжнымъ голоскомъ, дѣлая видъ, что очень испугалась.

— Нѣтъ, не придемъ, если вы тамъ будете, — отвѣтилъ ей галантно старшій принцъ.

Я засмѣялась, очень довольная его наход-

чивостью и замѣтила, что отецъ дѣвушки посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то выраженіемъ любопытства на своемъ умномъ и печальномъ лицѣ.

Я была ему уже представлена. И, такъ какъ въ немъ предполагали болѣе или менѣе «американца», то принцесса упомянула о моемъ знаменитомъ дѣдушкѣ, который, какъ говорила графиня, всегда выступалъ на сцену, когда насъ посѣщали американцы или нѣмцы англофобы.

— Они сдѣлаютъ это безъ сомнѣнія, когда представится благопріятный случай,—сказалъ дипломатъ понизивъ голосъ.

Я не была увѣрена въ томъ, мнѣ ли были сказаны эти слова, но думаю, что онъ предназначалъ ихъ для меня, потому что тутъ же спросилъ:

— Каково ваше мнѣніе на этотъ счетъ?

Я не нашлась, что отвѣтить и спросила его, о чемъ онъ говоритъ.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что если бы эти германскіе принцы, маленькіе и большіе, дѣлали бы карту Европы, они отправились бы съ своими красками и цепелинами перекрашивать нашъ народъ. Я дома видѣлъ ужъ эту опасность, а теперь вижу ее здѣсь еще яснѣе. Нѣмцы—симпатичный народъ несомнѣнно, но только въ своей собственной стра-

нѣ. Жаль, что она для нихъ слишкомъ мала, по крайней мѣрѣ по ихъ мнѣнію. Эта странная игра, которой они учатъ своихъ дѣтей, наводитъ насъ иностранцевъ, на нѣкоторыя размышленія.

Говоря объ игрѣ въ цеппелины, я вспомнила о другой, которая была еще болѣе популярной у моихъ мальчиковъ за послѣднее время. Можетъ быть, они предпочитали ее только изъ-за того, что она требовала отъ нихъ меньше хлопотъ.

Многіе выдающіеся офицеры, которые посѣщали принца, присылали потомъ подарки его дѣтямъ. Они всѣ были болѣе или менѣе воинственнаго характера. Всѣхъ больше дѣтямъ понравился подарокъ, присланный нѣсколькими молодыми офицерами. Въ ящикѣ, сдѣланномъ подъ серебро (на самомъ дѣлѣ онъ былъ изъ компрессованнаго тростника) было шесть ящиковъ обшитыхъ зеленой байкой. Эти ящики были полны изящно раскрашенныхъ солдатъ, приблизительно по полтораста въ каждомъ; тамъ были: саперы, артилерія, кавалерія и пѣхота, изображавшіе главные полки Германіи, Австріи, Италіи, Россіи, Франціи и Англіи. Лейтенантъ фонъ Х очень любилъ принимать участіе въ этой игрѣ, читалъ дѣтямъ длинныя лекціи по стратегіи и выдумывалъ планы битвъ. Въ

одномъ концѣ комнаты разставленные для сраженія солдаты, оставались на полу въ продолженіи двухъ, трехъ дней, какъ бываетъ обыкновенно въ игрѣ въ шахматы,... и горе тому лакею, который нечаянно сдвигалъ съ мѣста солдатъ въ то время, какъ рѣшалась участь какой-нибудь мѣстности. Самымъ любимымъ сюжетомъ была битва Тройственнаго союза противъ всего свѣта; и хотя оригинальная игра имѣла представителей только шести государствъ, но принцъ по просьбѣ дѣтей и лейтенанта фонъ Х. прикупилъ къ игрѣ турокъ и войска Балканскихъ государствъ, симпатіи которыхъ ясно обозначились во время ихъ послѣдней войны. Эти прибавленные несчастные полки стоили сравнительно дешево и не цѣнились дѣтьми такъ, какъ солдаты Великихъ державъ. Они иногда превращали турокъ въ помощниковъ тройственнаго союза или же посылали ихъ противъ Италіи, когда предполагали (а это случалось очень часто), что Италія измѣняла союзу.

Австрія и Германія неизмѣнно побѣждали несмотря ни на какія преимущества противниковъ. Нерѣдко Германія спасала Австрію отъ полнаго разгрома своею сверхчеловѣческою храбростью и мудрой стратегіей. Принцъ часто приводилъ въ комнату, гдѣ

играли дѣти, своихъ товарищей офицеровъ, особенно когда лейтенантъ фонъ Х предупреждалъ о томъ, что готовится серьезное сраженіе. Иногда старшій изъ моихъ принцевъ особенно отличался въ стратегіи, въ другой разъ принца-отца и его товарищей призывали на военный совѣтъ, чтобы вывести армію изъ затрудненія.

Когда въ команту входилъ принцъ съ тремя или четырьмя блестящими офицерами, носителями извѣстныхъ фамилій или же съ молодыми блестящими уланами, я чувствовала себя прижатой къ стѣнѣ и совсѣмъ уничтоженной. Было забавно смотрѣть на затянутыхъ въ мундиръ офицеровъ, сидящихъ на корточкахъ или въ какой-нибудь другой неудобной позѣ, вытягивавшихъ шеи въ высокихъ, тугихъ воротничкахъ и горячо спорящихъ о правильности стратегическихъ плановъ игрушечной арміи.

Но въ этой игрѣ была одна сторона, которая никогда не забавляла меня, а всегда возмущала. Это — безчеловѣчность знаменитыхъ совѣтчиковъ дѣтей.

Они часто посылали солдатъ съ бѣлымъ флагомъ, а сами въ это время передвигали пушки или совѣтовали переодѣть полкъ въ форму противника.

Когда въ плѣнъ попадали германскіе офицеры (мальчики очень неохотно допускали это и говорили всегда: «Пусть это будутъ австрійцы!»), они всякій разъ дѣлали попытку къ бѣгству даже и тогда, когда непріятель бралъ съ нихъ честное слово.

Одинъ разъ я рѣшилась протестовать противъ этого, когда была одна съ мальчиками, но они остались глухи къ моимъ словамъ.

— Вы женщина,—сказали они.—Вы ничего не понимаете. Папа и лейтенантъ фонъ Х. (или какой-нибудь другой еще болѣе важный офицеръ) сказали, что вамъ тоже придется дѣлать что-нибудь во время войны.

Среди другихъ знатныхъ людей, которые приходили навѣщать принцевъ и смотрѣть на ихъ игру, былъ генералъ фонъ-Клукъ, одинъ изъ знаменитыхъ «великихъ умовъ Германіи». Мнѣ казалось, что голова его была гораздо развитѣе, чѣмъ тѣ головы, которыя я обозначала про себя словами «германскія офицерскія головы». Видъ этихъ головъ всегда наводилъ меня на мысль, что черепъ у нихъ закостенѣлъ раньше, чѣмъ мозгъ окончательно развился. Генералъ фонъ-Клукъ ни разу не говорилъ со мной

и казалось не интересовался игрой мальчиковъ. У него былъ какой-то разсѣянный видъ, онъ точно былъ погруженъ въ мысли, которыя его уносили далеко отъ насъ. Я слышала, какъ онъ сказалъ однажды, что «они» желали, чтобы онъ поѣхалъ во Францію посмотрѣть на «это». Кто были «они», я не знаю и что было «это», на которое «они» желали, чтобы генералъ Клукъ посмотрѣлъ, я тоже не догадалась. Я знаю только, что приблизительно черезъ годъ послѣ этого визита, дѣти получили въ подарокъ красивую коробку съ шоколадомъ. Сама принцесса принесла ее къ намъ въ классную комнату (у насъ рѣдко проходилъ урокъ, чтобы намъ не мѣшали тѣмъ или инымъ способомъ). Принцесса показала мальчикамъ визитную карточку генерала фонъ-Клука, на которой было написано: «Французскій шоколадъ изъ Франціи для двухъ храбрыхъ молодыхъ германскихъ солдатъ». Позднѣе пришелъ принцъ и попросилъ показать ему коробку, присланную «старикомъ фонъ-Клукомъ», которая была ужъ наполовину пуста. Онъ посмотрѣлъ на карточку, засмѣялся и сказалъ:

— Отчаянный старикъ!

Потомъ онъ сказалъ намъ, что если мы успѣли съѣсть въ такой короткій срокъ

такъ много конфетъ, то, очевидно, французскій шоколадъ былъ хорошъ.

Я рѣдко, почти никогда не говорила съ принцемъ и поэтому не рѣшилась спросить его, почему онъ назвалъ фонъ-Клука отчаяннымъ старикомъ. Очевидно генералъ все-таки поѣхалъ во Францію, но я не понимала, почему принцу это такъ нравилось и даже такъ забавляло его. Я вспомнила слова фонъ-Клука, которыя я слышала нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ о Франціи, и подумала, что здѣсь есть какая-нибудь тайна, скорѣй всего политическая или же какая-нибудь исторія съ женщиной можетъ быть съ француженкой. Я не помню, что еще я подумала тогда, но когда я пріѣхала обратно въ Англію, я узнала отъ одного француза, что генералъ фонъ-Клукъ пріѣзжалъ инкогнито во Францію, осматривать каменоломни близъ Суассона, которыя купили нѣмцы и гдѣ они секретно начали строить траншеи, начавъ работы за годъ до войны.

У меня есть еще одно воспоминаніе, относящееся къ началу 1913 г. Почти всѣ члены германскихъ королевскихъ семействъ, которые пріѣзжали въ потсдамскій дворецъ, гдѣ мы тогда жили, говорили въ насмѣшку или серьезно о какомъ-то «Майнцскомъ пророчествѣ». Большинство изъ нихъ смѣялись,

когда желали другъ другу «Счастливаго Новаго года» и спрашивали «Это нашъ послѣдній годъ?».

Я слышала, что принцесса сказала это многимъ лицамъ, между прочимъ, и кронпринцу.

— Да, вѣроятнѣе всего, это нашъ послѣдній мирный годъ,—отвѣтилъ онъ.

Принцесса старалась потомъ объяснить мнѣ, это эти слова кронпринца не имѣли никакого значенія и не служили выраженіемъ ихъ національныхъ чувствъ.

— Онъ такой горячій,—сказала она,—и жаждетъ войны только потому, что онъ солдатъ и хотѣлъ бы доказать всѣмъ, на что онъ способенъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ ничего не имѣетъ противъ какого бы то ни было государства въ Европѣ.

Но въ то время я ужъ хорошо знала, что кронпринцъ несмотря на его любовь къ англійскимъ платьямъ и нѣкоторымъ англійскимъ обычаямъ, отъ всей души ненавидѣлъ Англію, какъ державу.

Онъ былъ очень неосторожень въ своихъ словахъ, когда находился въ обществѣ друзей, и графиня, да и другія, часто передавали мнѣ въ 1913 г. о его частыхъ рѣчахъ, направленныхъ противъ Англіи; эти угрозы

вызвали бы большой переполохъ, если бы были сдѣланы императоромъ публично.

Что касается «Майнцскаго пророчества», то графиня разсказала мнѣ, что въ семьѣ кайзера придавала ему большое значеніе, въ особенности покойная императрица Фридерика. Мать графини была другомъ императрицы Фридерики, которая часто говорила ей, что это пророчество уже исполнилось въ двухъ первыхъ пунктахъ и вѣрно исполнится и въ третьемъ. Оказалось, что въ 1849 г., когда дѣдъ нынѣшняго германскаго императора былъ молодымъ человѣкомъ, онъ долженъ былъ скрываться и пришелъ однажды въ какое-то селеніе на Рейнѣ. Тамъ его встрѣтила цыганка и назвала его «императорскимъ величествомъ», хотя не могла знать, кто онъ былъ. Написавъ нѣсколько чиселъ, она предсказала по нимъ и совершенно правильно число, въ которое онъ сдѣлается императоромъ, число когда онъ умретъ и, наконецъ, что послѣдній годъ имперіи будетъ 1913.

Императрица Фридерика говорила въ годъ своей смерти матери графини:

— Будемъ надѣяться, что пророчество означало конецъ имперіи, въ томъ видѣ, въ которомъ она сейчасъ существуетъ. Будемъ надѣяться, что оно означаетъ расширеніе ея

или вообще перемѣну къ лучшему... Но— прибавила она шепотомъ — я боюсь, что среди насъ есть человѣкъ, который можетъ навлечь на насъ эту бѣду своей запальчивостью. Сама графиня придерживалась того мнѣнія (со своей обычной болтливостью она разсказала мнѣ все), что кайзеръ поддерживалъ всѣ эти годы міръ, только потому, что онъ готовился съ помощью заводовъ Круппа, нарушить его въ 1913 году. Однако роковой годъ прошелъ и предположенія графини не оправдались.

На Рождество 1913 года, старшій изъ моихъ двухъ принцевъ, находившійся оффиціально уже внѣ моего попеченія, но неоффиціально еще подъ моимъ крыломъ, получилъ отъ автора—генерала фонъ-Бернгарди—книгу Германія и ближайшая война.

Чтеніе этой книги доставляло мальчику очень много труда и онъ часто просилъ меня объяснить ему нѣкоторыя мѣста, которыхъ онъ не могъ понять. Стараясь помочь ему, я начала изучать книгу для него, а потомъ и ради собственнаго интереса. Книга эта показалась мнѣ ужасной угрозой всему міру. Вещи, которыя я прочла тамъ, бросили новый свѣтъ на мои германскія наблюденія и заставили меня подумать, что мнѣ слѣдо-

вало бы разсказать кое о чемъ, что я слышала, въ англійскомъ посольствѣ.

Если бы у меня былъ тамъ какой-нибудь другъ, я съ удовольствіемъ спросила бы у него совѣта, но я ни съ однимъ англичаниномъ не была знакома, исключая самого посланника, котораго я знала только оффиціально. Я имѣла слишкомъ мало свободныхъ дней, чтобы успѣвать дѣлать знакомства. Всѣ мои немногочисленные берлинскіе знакомые были нѣмцы.

Но послѣ того, какъ я прочла книгу генерала Бернгарди, я совершенно серьезно рѣшила держать глаза и уши открытыми.

Мнѣ очень не хотѣлось быть нечестной по отношенію къ принцу и принцессѣ, находясь у нихъ на службѣ, и я вовсе не хотѣла шпіонить за ними, или за ихъ друзьями. Но я должна была помнить, что черезъ принца я познакомилась съ господиномъ Штейнгауеромъ, а онъ не разъ дѣлалъ попытку использовать мои связи въ своихъ цѣляхъ. Помня это, я не дѣлала себѣ лишнихъ упрековъ и рѣшила наблюдать съ большей тщательностью, чѣмъ раньше.

XI.

Домашняя дипломатія.—„День“. — Англійская зависть. — Профессоръ Дельбрюкъ.—Дамскій кавалеръ.—Поступокъ кайзера.—Кайзеръ и кронпринцъ.—Четырехугольный генералъ. — Маленькое недоразумѣніе.—Наводящіе вопросы.—„Неофиціально“. — Адмиралъ Липіусъ.

Я думаю, что благодаря книгѣ генерала Бернгарди, я начала строже судить о германцахъ, о господствующемъ военномъ классѣ, («первоклассное общество», какъ они называли себя), чѣмъ дѣлала это до тѣхъ поръ. Все, что они дѣлали и говорили, перестало казаться мнѣ забавнымъ. Я поняла, что ихъ откровенный разговоръ о необходимости для Германіи мірового господства, былъ не простымъ хвастовствомъ самодовольнѣйшаго народа въ мірѣ, но совершенно серьезнымъ ихъ намѣреніемъ.

Прежде всего я начала осторожно добы-

вать свѣдѣнія отъ офицеровъ и другихъ лицъ, съ которыми имѣла возможность разговаривать; я старалась дѣлать это незамѣтно, какъ-будто ради шутки, но старалась вникнуть въ дѣйствительный образъ мыслей моихъ собесѣдниковъ, не наводя ихъ на сосомнѣнія о цѣли моихъ разспросовъ.

Это было легче сдѣлать въ Германіи, чѣмъ въ Англіи или Америкѣ, гдѣ люди не такъ надменны и самодовольны и не такъ увѣрены въ томъ, что все, что они думаютъ и дѣлаютъ—правильно; на самомъ дѣлѣ германцы ошибаются гораздо чаще другихъ и дѣлаютъ совершенно неправильные выводы, хотя бы напримѣръ о сообразительности средней женщины. Все, что мнѣ нужно было дѣлать, это—казаться такой глупой, какой эти люди считали меня, обезоружить ихъ воображеніе и вызвать ихъ на разговоръ о міровой политикѣ Германіи и въ частности Пруссіи.

Лейтенантъ фонъ Х. особенно легко становился жертвой моей хитрости, когда мнѣ приходилось воспользоваться имъ. Спустя долгое время послѣ того маленькаго инцидента въ замкѣ на Рейнѣ, онъ старался держаться какъ можно дальше отъ меня, очевидно чувствуя себя оскорбленнымъ мною и какъ-будто немного боясь меня. Но черезъ шесть, семь мѣсяцевъ, онъ влюбился въ хорошенькую

опереточную актрису и такъ сильно нуждался въ комъ-нибудь, кому онъ могъ бы повѣдать свою тайну, что онъ попытался снова сблизиться со мной.

Сначала я немного обезпокоилась, что старая исторія снова повторится; но лейтенантъ фонъ Х. замѣтилъ это и поспѣшилъ увѣрить меня, что мнѣ не о чемъ безпокоиться.

Онъ разсказалъ мнѣ, что полюбилъ одну актрису, хорошую дѣвушку, которая была очень несчастлива, оттого что онъ не могъ жениться на ней. Сдѣлать же это онъ могъ только выйдя въ отставку и принеся такимъ образомъ въ жертву всю свою карьеру. Я увѣрена, что онъ ни минуты не думалъ серьезно принести ей эту жертву, но это намѣреніе все-таки давало ему извѣстнаго рода надежду на счастье, онъ жилъ этой мыслью и ему хотѣлось хоть съ кѣмъ-нибудь говорить объ этомъ.

Онъ спросилъ меня, что бы сдѣлалъ въ такомъ случаѣ англійскій офицеръ и очень удивился, когда я сказала ему, что въ Англіи его случай не могъ бы произойти, такъ какъ англійскій офицеръ можетъ жениться на актрисѣ, если она порядочная дѣвушка, не нанося этимъ вреда своей службѣ. Лейтенантъ фонъ Х., былъ того мнѣнія, что какъ бы ни тяжело это было для отдѣльныхъ лицъ, онъ

находилъ германскій обычай лучше англійскаго, такъ какъ дѣлалъ армію болѣе обособленнымъ классомъ.

Съ тѣхъ поръ началась наша дружба съ лейтенантомъ фонъ Х., который непремѣнно хотѣлъ мнѣ показать портретъ и письма любимой имъ дѣвушки. Понемногу его любовная исторія окончилась, благодаря тому, что онъ никакъ не могъ принять опредѣленнаго рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ ледъ былъ сломанъ между нами и никогда больше не замерзалъ.

Старшій принцъ перешелъ къ этому времени (1913 годъ), въ полное вѣдѣніе лейтенанта фонъ Х., который много занимался и со вторымъ. Третій ребенокъ, который былъ болѣзненъ и слабъ, когда я пріѣхала, остался одинъ на моемъ попеченіи.

Послѣ того, какъ я прочла книгу генерала Бернгарди, я часто спрашивала лейтенанта фонъ Х., что думали военные круги о будущемъ Германіи, и я увѣрена, что онъ видѣлъ въ моемъ вопросѣ только разумный интересъ и ничего больше. Онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ смотрѣть на меня, какъ на настоящую нѣмку и не тратя лишнихъ словъ, мнѣ удалось увѣрить его, что я признаю германскую гегемонію надъ всѣмъ остальнымъ міромъ. Это мнѣ не трудно было сдѣлать, какъ и вся-

кой другой женщинѣ на моемъ мѣстѣ. Гораздо труднѣе было бы убѣдить нѣмца въ томъ, что всякая женщина несмотря на свое невѣжество, можетъ имѣть и противоположное мнѣніе.

Лейтенантъ фонъ Х., разсказалъ мнѣ, что германская армія, какъ и флотъ молились за какой-то «День». Онъ утверждалъ, что для Германи война съ Франціей будетъ просто интересной прогулкой; а такъ какъ Франція во всѣхъ отношеніяхъ выше Россіи, то ей невыгодно помогать ей, а наоборотъ она много выиграетъ, если выступитъ противъ этой державы. Къ Австріи онъ чувствовалъ легкое пренебреженіе и когда сравнивалъ Австрію съ Германіей, то свысока говорилъ: «Она можетъ намъ пригодиться». Что касается Англіи, то ее онъ считалъ очень упорной, но съ новоизобрѣтенными цеппелинами и съ секретами Круппа не могло быть сомнѣнія, кто возьметъ верхъ.

Германія будетъ единой державой на землѣ, она будетъ повелѣвать всѣми остальными благодаря своимъ природнымъ достоинствамъ. Америка должна быть окончательно германизована. По мнѣнію лейтенанта фонъ Х., она ужъ почти готова и очень пригодна для ихъ цѣли съ ея все возрастающимъ германскимъ населеніемъ, съ ея

огромными германскими торговыми предпріятіями и вліятельными газетами. Планы для покоренія Америки были уже составлены германскимъ военнымъ министерствомъ, которое никогда не пренебрегало никакимъ удобнымъ случаемъ. Онъ прибавилъ, что это не секретъ, иначе онъ не сталъ бы говорить объ этомъ. Когда-то была надежда, что Германія и Англія соединятся противъ Соединенныхъ Штатовъ, но потомъ этотъ проэктъ былъ оставленъ.

Было время, когда я все это приняла бы въ шутку. Я слышала и раньше, что когда Франція будетъ покорена, (и Бельгія, конечно), то Антверпенъ, Дюнккеркъ и Калэ будутъ принадлежать Германіи, и будутъ превращены въ сильнѣйшіе военные порты міра. Теперь я узнала все подробнѣе. Лейтенантъ фонъ Х., рѣдко высказывалъ собственные взгляды, потому что онъ совсѣмъ ихъ не имѣлъ; онъ передавалъ мнѣ только то, что слышалъ отъ своихъ товарищей-офицеровъ. Я не стала ему доказывать, что Англія не завидовала Германіи. Нѣмцы были твердо убѣждены въ зависти Англіи. Англія была всегда хитрой и вѣроломно подкапывалась подъ всѣ благородныя стремленія Германіи. Раньше или позже этому долженъ быть положенъ конецъ, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

— Вы выйдете замужъ за нѣмца и будете одной изъ нашихъ,—сказалъ мнѣ однажды лейтенантъ фонъ Х., когда былъ особенно дружественно настроенъ.

Я отвѣтила смѣясь, что это не отъ меня зависитъ, что я какъ женщина должна ждать, пока меня спросятъ.

Послѣ этого, мнѣ кажется, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что четыре года моего пребыванія въ Германіи навсегда заставили меня отказаться отъ желанія возвратиться въ Англію или Америку.

Мнѣ удалось только разъ, благодаря счастливому случаю, поговорить съ однимъ нѣмцемъ,—человѣкомъ большого ума,—о Германіи. Это былъ профессоръ Дельбрюкъ, преемникъ Трейчке, въ берлинскомъ университетѣ. Онъ жилъ недалеко отъ насъ и однажды зимой 1913 года, былъ приглашенъ къ завтраку, къ нашему принцу и принцессѣ съ нѣкоторыми другими извѣстными лицами. Онъ остался у насъ одинъ, послѣ того, какъ остальные гости поспѣшили на поѣздъ, къ которому былъ прицѣпленъ для нихъ спецальный вагонъ.

Принцесса сказала мнѣ, что онъ проситъ показать ему классную комнату, и что онъ очень заинтересовался, когда узналъ, что у дѣтей англичанка.

Его лицо произвело на меня очень сильное впечатлѣніе. Оно было некрасиво, но сіяло умомъ; глаза его были живы, какъ у юноши, хотя ему было не менѣе шестидесяти лѣтъ.

Онъ началъ разговоръ съ комплимента.

— Вы представляете собою навѣрное, что-нибудь замѣчательное,—сказалъ онъ,—если наша милостивая принцесса предпочла васъ нѣмецкой женщинѣ, которую она всегда могла бы найти. Въ какой спеціальности вы превзошли насъ?

Его слова дышали сарказмомъ, и я приняла ихъ такими. Но его видъ былъ очень любезенъ, а глаза смѣялись и было невозможно обижаться.

Я отвѣтила, что не имѣю другой спеціальности кромѣ моей любви къ дѣтямъ, а дѣйствительная привязанность всегда даетъ воспитателю авторитетъ въ глазахъ воспитанниковъ.

На это профессоръ Дельбрюкъ все такъ же любезно отвѣтилъ, что если авторитетъ даетъ привязанность, то германскія женщины должны имѣть большій успѣхъ у дѣтей, чѣмъ какія-либо другія женщины міра. Онѣ конечно, больше всѣхъ любятъ дѣтей, иначе онѣ не имѣли бы такъ много дѣтей.

— Любовь нашихъ женщинъ къ дѣтямъ,— продолжалъ онъ,—вдохновляетъ насъ на за-

воеваніе новыхъ колоній. Онѣ любятъ дѣтей. Онѣ производятъ на свѣтъ много дѣтей. А мы должны подготовить для нихъ новыя земли. У насъ есть все въ Германіи, что есть хорошаго на свѣтѣ, кромѣ свободнаго мѣста.

Я замѣтила ему на это, что Германія находится въ невыгодныхъ условіяхъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія колоній. Она выступила на сцену въ качествѣ великой державы, когда другія государства уже разобрали лучшія мѣста.

— О!—воскликнулъ онъ,—только сильный можетъ удержать то, чѣмъ онъ владѣетъ.

И онъ сталъ говорить о томъ, что германцы сильнѣе всѣхъ, потому что они даровитѣе всѣхъ остальныхъ расъ.

Я попросила его назвать мнѣ тѣ области, въ которыхъ Германія опередила другихъ и конечно, первое, что онъ мнѣ назвалъ, какъ я и ожидала, была музыка.

Онъ сказалъ это съ такимъ торжествомъ, что мнѣ захотѣлось оспаривать это утвержденіе.

Сначала я не знала, какъ это сдѣлать, но когда онъ продолжалъ сыпать именами, я перебила его.

— Всѣ великіе люди, о которыхъ вы гово-

рите,—сказала я,—принадлежатъ Германіи только благодаря случайности.

Профессоръ Дельбрюкъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто я сошла съ ума.

— Чѣмъ вы подтвердите ваши слова?—спросилъ онъ.

— Вы назвали имя человѣка, который былъ евреемъ,—отвѣтила я.—Даже Вагнеръ былъ отчасти еврейскаго происхожденія. Самый музыкальный народъ—не германцы, а евреи.

Профессоръ Дельбрюкъ разсердился на минуту. Потомъ онъ опять улыбнулся и сказалъ:

— Вы подтвердили ваше положеніе. Но германскіе евреи самые даровитые. Это подтверждаетъ мое положеніе.

Я не была съ нимъ согласна, но мнѣ больше нечего было сказать.

Я находила, что нѣмцы всегда стараются заставить замолчать противника, и если это имъ не удается инымъ способомъ, то они достигаютъ этого, говоря громко и перебивая собесѣдника.

Права ли я была или нѣтъ, я замѣтила, что такъ поступали почти всѣ тѣ блестящіе офицеры, съ которыми я познакомилась. Мнѣ казалось, что чѣмъ выше они были по рожденію, тѣмъ меньше они старались вникнуть

въ дѣло и поворили только то, что они выучили въ школѣ.

Графиня познакомила меня съ многими людьми изъ высшаго общества и разсказывала мнѣ потомъ о нихъ скандальныя исторіи.

Самымъ красивымъ и блестящимъ изъ нихъ былъ лейтенантъ уланскаго полка, который, по словамъ графини, былъ любимцемъ всѣхъ женщинъ. Графиня поворила, что онъ отчаянный игрокъ и не могъ бы жить такъ широко, если бы не замужнія женщины, отъ которыхъ онъ получалъ подарки. Эти подарки онъ продавалъ; и изъ-за этого вышла однажды цѣлая исторія. Лейтенантъ продалъ или заложилъ цѣнныя кольца, которыя онъ взялъ на время у кого-то и забылъ возвратить. Но женщины все же оставались вѣрны ему.

Когда я сказала графинѣ, что не могу повѣрить этой скандальной исторіи, она засмѣялась и замѣтила, что исторія не такъ ужъ плоха, такъ какъ самъ кайзеръ первый показалъ примѣръ.

— Всѣ знаютъ, что онъ занялъ однажды чудесную Палестинскую библію и помѣстилъ ее въ музей въ Берлинѣ. Онъ не хочетъ ее отдавать назадъ. Онъ видѣлъ ее въ Сиріи, когда былъ тамъ, и попросилъ разрѣшенія

взять ее домой, чтобы показать народу. Смотрители музея отказали ему и въ свое оправданіе сказали, что не имѣютъ права распоряжаться цѣнными книгами. Но императоръ не оставилъ этого дѣла; онъ продолжалъ переговоры. Многіе знали о нихъ. Наконецъ, императоръ, видя, что онъ не получитъ согласія, предложилъ администраціи купить библію. Книгу оцѣнили въ пять милліоновъ марокъ и не хотѣли ничего уступать. Тогда кайзеръ рѣшилъ склонить султана на свою сторону и использовать его вліяніе. Предложеніе императора султану было передано германскимъ посланникомъ черезъ секретаря султана. Какъ бы то ни было, но книга была въ концѣ-концовъ послана въ Берлинъ съ надежнымъ человѣкомъ. Самъ императоръ поручился за нее и обѣщалъ вернуть, какъ только ученые, которымъ онъ хотѣлъ показать ее, достаточно изучатъ ее.

Теперь они ужъ вѣроятно изучили ее, всю и очень основательно, — закончила графиня, — а библія все еще у насъ въ музеѣ.

— Можетъ быть кайзеръ заказалъ копію,—сказала я,—и отдастъ книгу, какъ только копія будетъ готова.

— Можетъ быть!—сказала графиня.—Но я и не нахожу вины за кайзеромъ. Мы всѣ думаемъ, что онъ поступилъ правильно. Та-

кое сокровище едва ли можно найти еще гдѣ-нибудь. Въ Берлинѣ весь народъ знаетъ эту исторію, и ходитъ въ музей поклоняться святынѣ. Міръ будетъ благодаренъ нашему кайверу.

Графиня искренне восхищалась (восхищается навѣрное и теперь) всѣмъ, что дѣлалъ императоръ. У нея и въ мысляхъ не было, когда она разсказывала эту исторію, сопрѣшить противъ него. Только одна черта императора, сильно раздражала ее, насколько я знала.

Одинъ разъ она вернулась раздраженная съ какого-то пикника, на который она ѣздила съ нашей принцессой, по приглашенію императора и императрицы.

— Странно, что такой великій человѣкъ можетъ быть такимъ мелочнымъ,—сказала она.—Онъ забавляется тѣмъ, что ставитъ людей въ неловкое положеніе. Мнѣ было очень жаль сегодня графа фонъ **. Кайзеръ слѣдилъ, когда онъ положитъ себѣ что-нибудь въ ротъ и сейчасъ же обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ. Это случалось нѣсколько разъ подъ-рядъ. Бѣдняга чуть не поперхнулся и у него были слезы на глазахъ. Потомъ кайзеръ принялся за одну даму, но мы женщины проворнѣе на этотъ

счетъ и успѣваемъ во время глотать. Мнѣ положительно хотѣлось дать ему пощечину.

Такое святотатственное желаніе было хуже, чѣмъ оскорбленіе величества, и я увѣрена, что императоръ никогда не простилъ бы графинѣ, если бы зналъ о немъ, хотя графиня и считалась его любимицей. Она была очень хорошенькая, и у нея были красивыя руки, а это кайзеръ особенно цѣнилъ въ женщинѣ, навѣрное оттого, что его собственныя руки очень некрасивы.

Графиня говорила мнѣ, что въ продолженіи послѣдняго года, который я провела въ Германіи, кайзеръ и кронпринцъ были на ножахъ, хотя и старались скрывать это.

Императоръ и императрица находили, что ихъ внуки воспитываются въ недостаточно-религіозномъ духѣ. Но были и еще болѣе серьезныя причины для ихъ вражды.

Знакомые съ графиней офицеры увѣряли, что императоръ и его старшій сынъ не просто поссорились на почвѣ политики,—кронпринцъ находилъ, что пришло время объявить войну Россіи, пока эта страна не закончила реорганизаціи своей арміи. Кайзеръ запретилъ ему говорить объ этомъ даже въ кругу своихъ интимныхъ друзей.

Я это слышала и отъ другихъ и потому считаю, что доля правды есть въ этихъ сло-

вахъ. Если только половина того, что я слышала—правда, то окажется, что не кайзеръ хотѣлъ войны; скорѣе его убѣдили, что война «неизбѣжна»—самое вѣское слово, которое употребляютъ германцы въ тѣхъ случаяхъ, когда они хотятъ убѣдить.

Весной 1914 года я начала замѣчать, что въ домѣ у нашего принца въ Берлинѣ и Потсдамѣ часто собирались офицеры высшихъ чиновъ. До того времени визиты пожилыхъ высокопоставленныхъ лицъ были довольно рѣдки у насъ. Мнѣ всегда казалось, что нашъ принцъ выбиралъ своихъ друзей среди веселой молодежи, главнымъ образомъ изъ кружка кронпринца. Но теперь оказалось, что вкусы кронпринца и нашего принца стали серьезнѣе. Однажды, къ намъ пріѣхали кронпринцъ и генералъ Гинденбургъ не вмѣстѣ, но съ очевиднымъ намѣреніемъ встрѣтиться. Я видѣла, какъ они шли съ нашимъ принцемъ въ курильную комнату, когда выходила съ дѣтьми отъ принцессы, гдѣ мы разсматривали пробныя карточки маленькихъ принцевъ. Принцесса сказала мнѣ, что сейчасъ не стоитъ рѣшать, такъ какъ ей хочется знать мнѣніе принца, а онъ сейчасъ занятъ важными военными дѣлами съ кронпринцемъ и генераломъ Гинденбургомъ. Если бы принцесса не сказала мнѣ

этого, я бы не знала, кто этотъ пожилой офицеръ съ сильно развитыми челюстями и съ живыми глазами, такъ какъ я его ни разу не видѣла. Они съ кронпринцемъ остановились у двери и разговаривали съ дѣтьми, младшій изъ которыхъ отдалъ имъ честь; этому маленькихъ принцевъ научили, какъ только они вышли изъ пеленокъ. Я подумала, что можетъ быть принцы захотятъ поговорить немного съ дѣтьми, но они, казались очень озабоченными, такъ что я поспѣшила увести принцевъ. Я очень живо помню генерала Гинденбурга, который составлялъ полную противоположность обоимъ молодымъ людямъ,—нашему принцу, съ его отсутствующей улыбкой и кронпринцу съ его изящными маленькими усиками и вытаращенными, свѣтлыми звѣриными глазами, которые всегда поражали меня.

Генералъ Гинденбургъ, казалось, былъ весь сдѣланъ изъ четырехугольниковъ, не только его большія хищныя челюсти были четырехугольны, но и его голова съ волосами зачесанными назадъ бобрикомъ.

Даже его глаза, подъ тяжелыми какъ-будто опухшими вѣками были четырехугольны на концахъ. Таковъ былъ и его носъ и уши и усы, которые незамѣтно переходили въ бо-

роду и казались длиннѣе, чѣмъ они были въ дѣйстительности.

Я спросила графиню, почему «мы» вдругъ стали такъ серьезно настроены въ выборѣ «нашихъ» гостей. (Такой у насъ былъ обычай, называть «мы и нашъ», когда мы говорили о дѣлахъ нашихъ хозяевъ, какъ это принято у прислугъ). Она не знала больше моего въ этомъ дѣлѣ, но у нея было больше опыта и знанія своего круга, чѣмъ у меня. Она была болѣе или менѣе посвящена принцессой во всѣ тайны двора, (если только она не просто хвасталась этимъ).

— Если «что-нибудь есть», то прицесса не знаетъ еще ничего,—отвѣтила мнѣ графиня.—Если бы принцесса была посвящена въ тайну, то она несомнѣнно проговорилась бы нечаянно хоть словомъ, если не разсказала бы все.

Лично графиня была убѣждена, что кронпринцъ имѣлъ свои особыя причины встрѣчаться съ нѣкоторыми людьми въ домѣ, гдѣ его пребываніе не привлекало вниманія публики. Очень возможно, что онъ хотѣлъ скрыть свою дѣятельность отъ зоркихъ глазъ отца.

Въ апрѣлѣ 1914 г. однажды вечеромъ графиня пришла ко мнѣ въ большомъ возбужденіи. Оба маленькіе принца, маленькая

принцесса и я только что окончили ужинъ, и я пригласила графиню присѣсть. Но она отвѣтила, что очень спѣшитъ и должна сейчасъ же идти обратно къ принцессѣ. Она только пришла сказать мнѣ, что двое красивѣйшихъ людей, какихъ она когда-либо видѣла, пріѣхали къ намъ на ночь. Они пріѣхали изъ Новаго Дворца, гдѣ они провели ночь инкогнито и должны были сдѣлать еще два визита, чтобы исполнить свою миссію въ Германіи.

— Вы должны посмотрѣть на нихъ,—воскликнула графиня.—Пошлите за фрау Z., чтобы она побыла съ дѣтьми. Я проведу васъ туда, откуда вы можете посмотрѣть на гостей. А потомъ вы постараетесь отгадать, кто они; но если даже вы и отгадаете, я не могу вамъ сказать «да», такъ какъ обѣщала принцессѣ никому этого не говорить.

Графиня никогда не умѣла обращаться съ дѣтьми и жестоко ошибалась насчетъ ихъ сообразительности. Она воображала, что они еще настолько малы, что не поймутъ ея словъ; принцы же наоборотъ достигли того возраста, когда всякая таинственная исторія сильно возбуждала ихъ любопытство.

— Ба! Я знаю про кого вы говорите!—сказалъ младшій принцъ.—Это принцъ Магометъ Али и Энверъ Бей. Я слышалъ, какъ

мама и ** (имя, данное дѣтьми императрицѣ, которая часто пріѣзжала къ нимъ и привозила дѣтямъ шоколада) говорили о нихъ сегодня утромъ. Мама не находитъ ихъ такими красивыми, какъ вы. Она говоритъ, что Энверъ Бей—еврей и принцъ тоже очень похожъ на него. Она не выноситъ евреевъ.

Графиня широко раскрыла глаза.

— Вы ошиблись!—сказала она.—Вы смѣшали все. Принцъ Магометъ Али въ Египтѣ или гдѣ нибудь еще дальше, а Энверъ Бей въ Константинополѣ или въ родѣ этого. Люди, о которыхъ я говорю, совсѣмъ другія лица.

— Нѣтъ! Я знаю, мама и ** говорили о нихъ,—настивалъ маленькій принцъ.—И они здѣсь.

— Вы бы лучше не повторяли этого,—сказала графиня,—а то люди подумаютъ, что вы бредите или, что вы не очень умный мальчикъ.

По тону голоса, я поняла, что принцъ былъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ и протестъ графини его нисколько не переубѣдилъ; но пирожное, которое я предложила ему, отвлекло его вниманіе.

Несмотря на этотъ маленькій инцидентъ, графинѣ очень хотѣлось показать мнѣ сво-

ихъ таинственныхъ красавцевъ и когда фрау Z. пришла, мы отправились взглянуть на нихъ.

Но мнѣ не удалось увидѣть красавцевъ, потому что они просидѣли гораздо дольше, чѣмъ ожидала графиня, и составленный ею планъ оказался негоднымъ. Прежде чѣмъ окончился ихъ визитъ, мнѣ пришлось вернуться къ дѣтямъ. Послѣ этого никто въ моемъ присутствіи не говорилъ ни слова объ египетскомъ принцѣ и вождѣ младотурокъ.

Даже графиня не дѣлала никакихъ намековъ на таинственное посѣщеніе. Вѣроятнѣе всего, она получила новое наставленіе отъ принцессы и жалѣла о своей болтливости.

Я долго думала объ интересномъ визитѣ инкогнито этихъ людей. Если они дѣйствительно пріѣхали въ Берлинъ и въ Потсдамъ секретно, то врядъ ли это была любительская экскурсія; не вѣрилось также, чтобы пріѣздъ ихъ въ Германію въ одно время произошелъ случайно.

Нѣсколько времени спустя, когда я еще не успѣла забыть объ этомъ происшествіи, нашъ принцъ взошелъ къ намъ въ классную комнату во время урока съ своей обычной стремительностью и пренебреженіемъ къ за-

нятіямъ дѣтей. Онъ купилъ новую собаку и приглашалъ мальчиковъ посмотрѣть на нее. Въ дверяхъ онъ повернулся.

— Ахъ, кстати, миссъ ***,—сказалъ онъ,—вы знаете много американскихъ адмираловъ, насколько мнѣ извѣстно. Не знакомы лы вы также и съ англійскими?

У меня въ головѣ мгновенно пронеслась мысль о Штейнгауерѣ и его разспросахъ. Я подумала съ удивленіемъ, не хочетъ ли и принцъ познакомиться черезъ меня съ кѣмъ нибудь. Но нѣтъ. Когда я отвѣтила ему, что знаю нѣсколькихъ британскихъ моряковъ высшихъ и болѣе низшихъ ранговъ, то онъ спросилъ только.

— Случалось ли вамъ встрѣчаться съ адмираломъ по имени Лимпусъ?

Я сказала, что нѣтъ, но что у меня былъ знакомый во флотѣ, который служилъ одно время подъ командой адмирала Лимпуса.

— Меня это очень интересуетъ,—сказалъ принцъ,—потому, что у меня есть одинъ протеже, которому скоро придется имѣть дѣло съ адмираломъ. Мнѣ хотѣлось бы знать какого неофиціальнаго мнѣнія держатся англійскіе моряки объ адмиралѣ. Офиціальное германское мнѣніе у насъ уже есть, отъ такихъ людей, какъ фонъ Тирпицъ и маршалъ фонъ Биберштейнъ, ко-

торый, какъ вы знаете, умеръ два года тому назадъ. Очень трудно узнать англійское мнѣніе, такъ какъ люди, принадлежащіе къ разнымъ государствамъ, не могутъ откровенно говорить другъ съ другомъ, несмотря ни на какія дружескія отношенія. Но вы насъ знаете достаточно хорошо, чтобы быть увѣренной, что мы питаемъ самыя лучшія чувства къ Англіи. Потому мы и цѣнимъ ихъ мнѣнія о людяхъ ихъ національности больше чѣмъ то, что можемъ узнать сами. Пожалуйста, напишите вашему другу, который служилъ подъ командой адмирала Лимпуса, и спросите его, считаютъ ли его моряки энергичнымъ человѣкомъ или, какъ вы называете, «человѣкомъ съ головой»? Вы можете положиться на меня, я надѣюсь, что я обойдусь съ тѣмъ, что вы разскажете мнѣ строго конфиденціально.

Я отвѣтила, что, конечно, могу сдѣлать это и сейчасъ же напишу моему другу.

— Мнѣ кажется, лучше не упоминать, что ваше высочество спрашиваетъ объ этомъ?— прибавила я, хотя была и безъ того увѣрена, что онъ попроситъ меня не вмѣшивать его въ это дѣло.

Онъ отвѣтилъ, что это не имѣетъ никакого значенія и оставляетъ это на мое усмотрѣніе. Но сейчасъ же прибавилъ, что луч-

ше, если я оставлю его въ сторонѣ, такъ какъ упоминаніе его имени можетъ заставить моего друга ложно истолковать чисто частное и неофиціальное дѣло.

Это слово «неофиціально» принцъ повторилъ нѣсколько разъ, какъ будто для того, чтобы оно лучше запечатлѣлось въ моей памяти: и вся его манера держать себя въ продолженіе всей этой сцены была беззаботной и откровенной.

Я чувствовала, что ему очень хотѣлось дать мнѣ понять, что дѣло это совсѣмъ неважное и что онъ обратился ко мнѣ совершенно случайно.

До моего знакомства съ господиномъ Штейнгауеромъ я дѣйствительно мало задумалась бы надъ такимъ пустякомъ, въ особенности оттого, что принцъ, когда разговаривалъ со мной, часто прибѣгалъ къ распросамъ относительно многихъ извѣстныхъ лицъ Англіи, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; спрашивая о нихъ мое скромное мнѣніе, онъ очевидно желалъ узнать о нихъ что-нибудь отъ лица, стоящаго внѣ военной сферы, такъ какъ едва ли принцъ очень заботился о моемъ мнѣніи. Теперь же, я стала подозрѣвать опасность въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ, которыя прежде прошли бы

совсѣмъ незамѣтно для меня и о которыхъ я забыла бы черезъ нѣсколько часовъ.

Я написала моему другу въ тотъ же день, спрашивая не только о всеобщемъ мнѣніи насчетъ адмирала Лимпуса, какъ офицера и человѣка, но спрашивала и о причинѣ, почему германцы такъ интересуются имъ.

Отвѣтъ, который я получила черезъ недѣлю, гласилъ: «Единственная причина, почему нѣмцы интересуются адмираломъ Лимпусомъ та, что онъ занимаетъ въ настоящее время высокій постъ въ турецкомъ флотѣ».

Я опять почувствовала что «что-то есть», какъ выражалась графиня и что это «что-то» должно имѣть отношеніе къ визиту Магомета Али и Энверъ Бея, если только мой догадливый маленькій принцъ вѣрно понялъ свою мать.

Когда я улучила удобное время увѣдомить принца, что я получила отвѣтъ отъ своего знакомаго моряка, я описала адмирала Лимпуса еще болѣе блестящей личностью, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Принцъ слушалъ съ такимъ видомъ, который бывалъ у него всегда, когда онъ интересовался предметомъ больше, чѣмъ хотѣлъ показать; но мнѣ показалось, что во время моего разсказа, его проницатель-

ный взглядъ выражалъ явное неудовольствіе. Когда я кончила, онъ сказалъ только:

— Благодарю Васъ, миссъ **. Очень любезно съ вашей стороны, что вы согласились взять на себя такое безпокойство.

XII.

Признаки войны.—Сабли на готовѣ.—Передѣланная Европа.—Сараевская трагедія.—Императорскіе маневры.—Отъѣздъ офицеровъ.—Подъ надзоромъ.—Игра и дѣйствительность.—Участь Бельгіи.—Я пишу письмо.

Принцесса просила меня отложить лѣтній отпускъ до 15 августа и въ концѣ мая я уѣхала съ двумя младшими принцами, ихъ кузиной и съ фрау Z. (которая сдѣлалась нянькой самаго маленькаго мальчика послѣ смерти миосъ М.) въ Шварцвальдъ. Черезъ два дня къ намъ пріѣхалъ докторъ и лейтенантъ фонъ Х. съ старшимъ принцемъ; съ ними пріѣхалъ еще учитель, съ виду кроткій молодой человѣкъ, но сейчасъ же вспыхивавшій какъ только кто-нибудь не раздѣлялъ политическихъ его взглядовъ.

У меня попрежнему былъ одинъ день въ недѣлю свободный послѣ обѣда. И такъ какъ у меня не было ничего болѣе интереснаго, то я дѣлала одна далекія прогулки, часто оста-

навливаясь, чтобы поговорить съ крестьянами, съ которыми у меня съ прежнихъ лѣтъ остались дружескія отношенія.

Мнѣ кажется, что за мое долгое пребываніе въ Германіи, я научилась такъ хорошо говорить по нѣмецки, что едва ли крестьяне думали, что гувернантка маленькихъ принцевъ была иностранка. Я хорошо помнила имена ихъ дѣтей и чѣмъ страдали ихъ дѣдушки и бабушки—хитрость, которую я знала еще со временъ моего пребыванія въ деревняхъ Англіи. И я увѣрена, что многія смуглолицыя женщины Шварцвальда, которыя выглядѣли пожилыми въ молодости, а въ среднихъ лѣтахъ совсѣмъ старухами, были очень расположены къ гувернанткѣ дѣтей принца.

Я не пробыла и недѣли въ Шварцвальдѣ, когда услышала отъ одной изъ этихъ женщинъ, у которой сыновья были солдатами, что очень многое зависитъ отъ будущей жатвы, послѣ которой будетъ объявлена война.

— Съ кѣмъ?—спросила я.

— Мои солдаты говорятъ, что война будетъ съ Россіей и думаютъ, что и съ Франціей, но не съ Англіей. Теперь съ ней у насъ дружественныя отношенія. Ихъ офицеры говорятъ объ этомъ. Россія уже вооружилась противъ насъ, такъ что мы не можемъ дальше ждать, но кайзеръ хочетъ дать намъ время

собрать жатву. Съ нами ничего здѣсь въ лѣсу не случится, мы даже не будемъ знать есть ли война, только нѣкоторые мущины пойдутъ. Говорятъ она долго не продлится, и къ веснѣ будетъ опять миръ.

Женщина говорила со мной съ твердымъ убѣжденіемъ и спокойной увѣренностью: и когда я услышала эту же новость — война послѣ жатвы—отъ другихъ моихъ друзей, у которыхъ, какъ сокровище хранилась цѣлая стопка открытокъ отъ солдатъ, то я слышала въ ихъ тонѣ тотъ же стоицизмъ. Я засмѣялась на ихъ слова и сказала, что никакой войны не будетъ, такъ какъ никто не хочетъ ея, но мнѣ не удалось убѣдить ихъ. Ихъ сыновья солдаты лучше знаютъ и мужья подтверждаютъ вѣрность ихъ сообщеній: война будетъ осенью и продолжится самое большое зиму. Я подумала, что мои бѣдные друзья— глупый, безразсудный народъ, и смѣясь передала ихъ слова лейтенанту фонъ Х., который, пощипывая свои усики, сказалъ мнѣ, что они настоящіе идіоты. Солдаты, которые распространяютъ подобныя исторіи, заслуживаютъ разстрѣла, но они всѣ таковы. Придется разстрѣлять половину арміи, если обращать вниманіе на ихъ глупую болтовню. Если дѣйствительно случится война, то она застанетъ Германію вполнѣ готовой, потому что

Германія давно уже видитъ, съ какой завистью глядятъ на нее другія страны. Войну могутъ ей навязать, но никогда она не будетъ для нея неожиданностью.

— У насъ всегда сабля наготовѣ, такъ насъ и найдутъ зачинщики, — заключилъ фонъ Х.

Я удивилась, отчего онъ такъ серьезно отнесся къ моей болтовнѣ, и былъ такъ непріятно пораженъ ею. Но я знала, что лейтенантъ фонъ Х., какъ и большинство его товарищей по оружію, страдалъ недостаткомъ здраваго смысла. Я уже пожалѣла, что разсказала ему объ этомъ, и боялась, что онъ узнаетъ, кто были два солдата, которые разболтали эту новость. Я успокоила его, какъ могла и надѣялась, что онъ забудетъ но сама я не могла забыть, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько дней лейтенантъ фонъ Х. напомнилъ мнѣ объ этомъ снова, разговаривая съ большимъ возбужденіемъ съ докторомъ. Они пили свой послѣобѣденный кофе и курили на балконѣ, на который выходили окна двухъ комнатъ, нашей классной и гостиной старшаго принца и его гувернера лейтенанта фонъ Х. Одинъ изъ некрасивыхъ крашеныхъ желтыхъ столовъ въ германскомъ вкусѣ, стоялъ между окнами гостиной и классной. День былъ вѣтреный и когда я открыла дверь

классной, порывъ вѣтра принесъ въ комнату нѣсколько листовъ исписанной бумаги. Они упали какъ разъ у моихъ ногъ, влетѣвъ черезъ открытое окно, и я подняла ихъ чтобы убрать. На одномъ изъ листовъ бумаги, я замѣтила рѣзко нарисованную карту Голландіи и Бельгіи и берегомъ Франціи съ Кале. Рисунокъ былъ сдѣланъ краснымъ и синимъ карандашемъ, какой я видѣла у лейтенанта фонъ Х., когда онъ поправлялъ военныя карты маленькихъ принцевъ, и почеркъ былъ его же. Очевидно, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе и составлялъ новую границу Германскихъ владѣній во Франціи до Дюнкерка.

Почти тотчасъ же въ окнѣ появился самъ лейтенантъ фонъ Х., немного сконфуженный, когда увидѣлъ свои листки у меня въ рукахъ.

— Мы съ докторомъ забавлялись передѣлывая карту Европы,—объяснилъ онъ.

— Да, я вижу,—сказала я,—отдавая ему листки.

Конечно, эти карты были просто нелѣпостью. Каждый нѣмецкій ребенокъ могъ нарисовать подобную карту въ подходящій моментъ; но въ ту же ночь, я написала длинное письмо одному старому другу въ Англію, который провелъ десять лѣтъ въ Берлинѣ среди банковскихъ дѣятелей. Я разсказала ему, что слышала, будто принцъ Ма-

гометъ Али и Энверъ-Бей пріѣзжали инкогнито въ Германію и видѣлись съ императоромъ въ Новомъ Дворцѣ въ Потсдамѣ, а также были въ домѣ нашего принца. Я чувствовала себя обязанной объяснить ему, что слышала эту исторію отъ маленькаго принца, который могъ не понять, что говорилось, но все же имѣла основаніе думать, что на этотъ разъ онъ вѣрно понялъ. Я разсказала также, что слышала отъ двухъ женщинъ, сыновья которыхъ были солдатами, что будетъ объявлена война съ Россіей и можетъ быть съ Франціей сейчасъ же послѣ окончанія жатвы. Я упомянула и объ исторіи съ картами, нарисованными лейтенантомъ фонъ Х.— и о томъ, что зимой много важныхъ офицеровъ завтракали въ домѣ нашего принца и «случайно» встрѣчали тамъ же кронпринца. «Есть ли во всемъ этомъ что нибудь стоящее вниманія?»—спрашивала я и упомянула о господинѣ Штейнгауеръ и о разговорѣ про адмирала Лимпуса.

Мой старый мудрый другъ отвѣтилъ на мое письмо, что онъ совѣтуетъ мнѣ не безпокоиться о томъ, что происходитъ въ военныхъ кругахъ Германіи, которые всегда находятъ и будутъ находить самое большое удовольствіе въ разговорахъ о войнѣ. И мнѣ стало стыдно за свою трусость. Что же

касается визита принца Магомета Али и Энверъ Бея, «новаго Зигфрида», то онъ не вѣрилъ этому.

Я почувствовала, что поступила, какъ глупая, любящая посплетничать старая дѣва, разсказавъ о моихъ хозяевахъ и о томъ, что я слышала и видѣла у нихъ въ домѣ. Я рѣшила, что въ будущемъ никогда больше не буду поступать такъ необдуманно.

Прибытіе британской эскадры въ Киль и посѣщеніе кайзеромъ флагманскаго судна «Король Георгъ V» 25 іюня, убѣдило меня больше прежняго, что я поступила, какъ подозрительная идіотка: но три дня спустя произошло убійство эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены въ Сараевѣ; послѣ этого начали происходить событія, которыя заставили меня вертѣться во всѣ стороны, какъ флюгеръ.

Я все еще жила въ Шварцвальдѣ съ дѣтьми и мы ждали принца и принцессу на короткій срокъ къ 29 іюня, но они телеграфировали, что не могутъ пріѣхать.

Мы много говорили объ убійствѣ, и докторъ, ревностный католикъ и поклонникъ эрцгерцога, предавалъ анаѳемѣ убійцу и всѣхъ «соціалистовъ», а съ ними и всю Сербію. Лейтенантъ фонъ Х., хотя и былъ раздраженъ противъ Сербіи, которую онъ

назвалъ «страной дикихъ собакъ», но думалъ, что для Германіи убійство эрцгерцога «реакціонера» не составляетъ потери.

— Это будетъ началомъ великихъ событій, и Сербію ждетъ строгое наказаніе,— сказалъ онъ въ день полученія извѣстія.

Утромъ, 31-го, какъ говоритъ мой дневникъ, лейтенантъ фонъ Х. получилъ телеграмму и сейчасъ же послѣ вечерняго кофе попросилъ позволенія проститься со мной. Я была очень удивлена, такъ какъ ничего не слышала объ его отъѣздѣ.

— Надѣюсь, что вы не получили какихъ-нибудь скверныхъ извѣстій,—спросила я его.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ лейтенантъ, пожимая мнѣ руку,—извѣстія хорошія. Я получилъ приказъ присоединиться къ своему полку и не могу жалѣть объ этомъ, хотя мнѣ очень жаль счастливыхъ дней мирнаго труда, моихъ юныхъ солдатъ, и, конечно, васъ, миссъ **, — докончилъ онъ безпечно, съ принужденнымъ поклономъ.

— Когда же вы пріѣдете обратно?—спросила я.— Навѣрное послѣ императорскихъ маневровъ, осенью? (Онъ уѣзжалъ передъ этимъ на императорскіе маневры).

Лейтенантъ покачалъ головой.

— Какіе тамъ императорскіе маневры!—

воскликнулъ онъ, съ воодушевленіемъ, отъ котораго загорѣлись его голубые глаза.— Я думаю, что послѣ императорскихъ маневровъ я буду еще болѣе занятъ съ моимъ полкомъ!

Онъ имѣлъ видъ человѣка, начиненнаго новостями, но готоваго скорѣе умереть, чѣмъ разсказать ихъ. Я предположила тогда, что новости касались лично его, но теперь я думаю, что его слова относились скорѣе ко всему міру.

Оба старшихъ принца были очень взволнованы отъѣздомъ лейтенанта. Они любили его и восхищались имъ почти такъ же, какъ своимъ отцомъ.

Ихъ новый учитель не нравился имъ.

Въ Берлинѣ случилось что-то, что опрокинуло всѣ планы нашего принца и принцессы, и я подумала, что причиной этого, навѣрное было политическое положеніе, которое создалось послѣ убійства эрцгерцога и его жены. Нашъ принцъ любилъ воображать себя одинаково важной персоной въ политическихъ и военныхъ кругахъ, когда находился въ серьезномъ расположеніи духа и поэтому казалось вполнѣ естественнымъ, что онъ не пожелалъ въ такое тревожное время уѣзжать изъ Берлина.

Тѣмъ не менѣе я очень удивилась, когда

получила телеграмму, призывающую насъ на слѣдующей недѣлѣ въ Потодамъ. Этотъ приказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на доктора, на учителя и, конечно, на фразу Z., и всю прислугу свиты маленькихъ принцевъ. 6-го іюля мы ужъ были въ Потсдамѣ и тамъ я узнала, почему насъ призвали. Оказалось, что принцъ уѣзжалъ въ Бреславль, можетъ быть на долго, и хотѣлъ проститься съ мальчиками. Принцесса выглядѣла измученной и не ѣхала со своимъ мужемъ. Графиня казалась тише или «piano», какъ она сама выразилась. Я воспользовалась нашей дружбой, чтобы спросить ее:

— Что случилось?

Мы часто задавали другъ другу этотъ вопросъ, когда чувствовалось приближеніе какого-нибудь событія въ нашемъ домѣ. Но на этотъ разъ графиня была очень необщительна. Она сказала мнѣ, что ничего не знаетъ, но думаетъ, что убійство бѣднаго эрцгерцога и его милой красивой жены, оставившихъ послѣ себя дѣтей, достаточно, чтобы испортить нервы всякому. Можетъ быть это была и правда. Какъ бы то ни было, но вмѣсто одного сыщика, который всегда слѣдилъ за нами, когда мы выходили гулять, у насъ теперь было два. Я знала обоихъ въ лицо, хотя они и старались

держаться всегда на почтительномъ разстояніи.

У мальчиковъ было очень трогательное прощаніе съ отцомъ. Принцъ какъ будто не долюбливалъ самаго младшаго, который не былъ такъ красивъ, какъ старшіе, но на этотъ разъ внезапная любовь къ ребенку вдругъ проснулась въ родительскомъ сердцѣ. Мальчикъ обливался слезами, когда отецъ ушелъ, и даже старшіе были удручены, хотя казалось, что отъѣздъ принца въ Бреславль или куда-то къ границѣ съ Россіей, не имѣлъ ничего необычайнаго. Принцъ вообще любилъ появляться то здѣсь, то тамъ.

Вскорѣ оказалось, что насъ отсылаютъ въ замокъ на Рейнѣ, гдѣ я не была со времени моего перваго визита. Я думаю теперь, что насъ поспѣшили отправить туда послѣ прощанія, чтобы мы не мѣшались.

За день до нашего отъѣзда у маленькой принцессы перебывало много юныхъ офицеровъ. Всѣ они уѣзжали по своему назначенію въ разныя мѣста. Конечно, политическое положеніе могло быть причиной ихъ возбужденія, но тогда они не были бы такъ веселы. Я не хотѣла больше разспрашивать графиню, но когда мы уѣхали на Рейнъ и спокойно устроились на старомъ мѣстѣ, я

сознаюсь, что осторожно исповѣдала дѣтей...

— Почему такъ много офицеровъ уѣхало изъ Потсдама?—спросила я старшаго принца, который считалъ себя взрослымъ, съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ изъ подъ моей опеки.

— Они уѣхали на маневры.

Онъ отвѣтилъ мнѣ пренебрежительно, какъ женщинѣ, отъ которой нечего ждать особаго пониманія въ военныхъ дѣлахъ.

— Конечно, они не будутъ производить маневровъ, пока не придетъ время. Но они спѣшатъ, чтобы быть готовыми разбить русскихъ.

— Кто вамъ сказалъ это?—спросила я.

— Мнѣ никто не говорилъ,—сказалъ онъ,—но я слышалъ, какъ они говорили о томъ, что русскіе строятъ желѣзную дорогу и мобилизуютъ свою армію. Черезъ нѣсколько недѣль начнется война, тогда пойдутъ всѣ мужчины. Я бы хотѣлъ быть взрослымъ. Отецъ сказалъ мнѣ въ день моего рожденья, что они постараются подождать, пока мнѣ не минетъ восемнадцать лѣтъ, тогда я могъ бы тоже идти на войну, но теперь онъ сказалъ мнѣ, что это была только шутка. Это русскіе виноваты. Они вызвали войну слишкомъ рано.

Это были, конечно, только слова рабенка. Но я знала, что принцъ не стѣснялся говорить при дѣтяхъ о разныхъ вещахъ, совершенно не подходящихъ для дѣтскихъ ушей и даже при ихъ кузинѣ, дѣвочкѣ уже вышедшей изъ дѣтства и необыкновенно наблюдательной. Разсказы объ убійствахъ, о супружескихъ измѣнахъ, о разводахъ, скандалахъ и всякихъ ужасахъ, которые потомъ передавали мнѣ дѣти въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, шли всегда изъ того же источника.

Принцесса изо всхъ силъ старалась измѣнить этотъ порядокъ вещей, когда я только что поступила къ нимъ и дѣти были еще совсѣмъ маленькія. Но подъ конецъ ей пришлось оставить свои благія намѣренія, такъ какъ они были совершенно безполезны.

Я понимала, что нельзя было ожидать отъ принца большей осторожности въ вопросѣ о «войнѣ или о слухахъ о войнѣ», чѣмъ умолчаніе о другихъ вещахъ, ненужныхъ дѣтямъ. Его не останавливало даже, что я могу слышать вещи, которыя не предназначаются для моихъ англо-американскихъ ушей. Въ это время произошелъ одинъ случай, который меня очень удивилъ, потому что мнѣ тогда не приходило въ голову, что надо мной и надъ моими дѣйствіями былъ установленъ нѣкоторый надзоръ. Позже я узнала, что

это такъ, и не сомнѣваюсь, что эта предосторожность была внушена со стороны господина Штейнгауера «друга» принца. Нужно отдать справедливость, принцъ и принцесса врядъ ли были способны заниматься подобными дѣлами. Я увѣрена теперь, что одинъ изъ агентовъ, приглашенныхъ охранять дѣтей во время ихъ пребыванія въ замкѣ на Рейнѣ, имѣлъ порученіе наблюдать и за мной. Одинъ ихъ этихъ людей ѣхалъ съ нами въ одномъ поѣздѣ. Я узнала его по лицу; другой, я въ этомъ теперь больше не сомнѣваюсь, жилъ въ самомъ замкѣ въ качествѣ лакея и очень былъ похожъ на него.

Мнѣ недостовало общества лейтенанта фонъ Х., до того тосклива была наша жизнь въ замкѣ. Учитель былъ застѣнчивый не свѣтскій человѣкъ и вообще мнѣ не понравился.

Доктора никогда не было видно, исключая того время, когда онъ приходилъ по своей обязанности дважды въ день на полчаса спрашивать о состояніи здровья дѣтей. Онъ оставался дольше только тогда, когда кто нибудь изъ дѣтей былъ нездоровъ.

Тѣмъ не менѣе у насъ было нѣсколько человѣкъ гостей: сосѣднихъ помѣщиковъ или же офицеровъ, заѣзжавшихъ по дорогѣ въ назначенныя имъ мѣста. Они оставались

всегда на очень короткое время и кромѣ вѣжливаго поклона и звяканья шпоръ при отъѣздѣ, да нѣсколькихъ незначительныхъ словъ я ничего не видѣла и не слышала отъ нихъ.

Но эти гости доставляли большое удовольствіе старшему принцу, который завладѣвалъ ими вполнѣ и всегда провожалъ ихъ до бокъшихъ воротъ замка.

Онъ иногда позволялъ своему младшему брату, принцу моряку итти вмѣстѣ съ нимъ, хотя и очень неохотно, но никогда не бралъ «бэби», который горько плакалъ изъ-за этого.

15 іюля, къ намъ пріѣзжалъ офицеръ, въ которомъ я узнала адъютанта сопровождавшаго кайзера въ тотъ его пріѣздъ въ замокъ, когда я въ первый разъ увидѣла его. Опять онъ прошелъ къ кегельбану и напомнилъ мнѣ о прежнемъ своемъ визитѣ. На этотъ разъ онъ былъ разговорчивѣе. У него было порученіе отъ кайзера къ мальчикамъ, и вспомнивъ объ игрѣ въ цеппелины, онъ спросилъ о ней. Онъ сказалъ намъ, что имѣетъ спеціальное порученіе по сосѣдству съ нами и на другой день возвращается въ Потсдамъ.

Игру въ цеппелины мы не привезли на этотъ разъ въ замокъ, такъ какъ съ нами

не было лейтенанта фонъ Х., чтобы помогать мальчикамъ. Кромѣ того она была ужъ не новинкой для дѣтей и слишкомъ промоздка для путешествія.

Старшій принцъ считалъ себя слишкомъ взрослымъ, чтобы играть въ солдаты, съ тѣхъ поръ, какъ его произвели въ чинъ, но маленькіе были еще очень заинтересованы игрой, которую намъ послѣ прислали вмѣстѣ съ другими игрушками изъ Потсдама.

15 іюля, послѣ визита того офицера, о которомъ я только что говорила, старшій принцъ вспомнилъ объ игрѣ въ цеппелины и пожалѣлъ, что мы не взяли ее съ собой, такъ какъ онъ сумѣлъ бы справиться съ ней теперь, а «дѣти», (такъ онъ называлъ своихъ братьевъ) могли бы отправить своихъ солдатъ на Петербургъ, куда онъ пустилъ бы и свои цеппелины.

— Почему именно на Петербургъ?—спросила я.

— Потому что, я надѣюсь, мы скоро будемъ тамъ,—сказалъ онъ надменно.

Въ тотъ же день дѣти потребовали, чтобы были распакованы солдаты и велѣли лакею отнести ихъ въ кегельбанъ.

Я сидѣла около кегельбана и читала, не обращая вниманія на игру, пока мнѣ не

принесли кофе, а для дѣтей молоко. Тогда я вошла въ кегельбанъ, гдѣ старшій принцъ и его кузина распоряжались игрой, а младшіе исполняли ихъ приказанія. Старшій нарисовалъ на деревянномъ полу мѣломъ грубую и далекую отъ правильности карту Европы, а маленькіе ужъ успѣли пройти не только Францію, но и Бельгію со своими германскими и австрійскими арміями.

— Милосердный Богъ!—воскликнула я,— что вы сдѣлали, маленькіе вандалы?

— О! имъ пришлось очень спѣшить, чтобы успѣть прогнать русскихъ,—объяснилъ мнѣ старшій принцъ, на котораго очевидно падала отвѣтственность за стратегическія операціи.—Мы взяли съ собой австрійцевъ на помощь и надѣемся разбить непріятеля раньше, чѣмъ русскіе успѣютъ мобилизоваться.

— Но вы не должны были итти черезъ Бельгію, — сказала я. — Развѣ лейтенантъ фонъ Х. не говорилъ вамъ, что Германія и другія державы гарантировали ей нейтралитетъ? Это значитъ, что ни одна страна не можетъ провести свои войска черезъ ихъ территорію.

— Да, конечно, онъ говорилъ это мнѣ,— сказалъ старшій принцъ,—но теперь все будетъ по другому, потому что у французовъ

есть секретный планъ, неожиданно напасть на насъ, пройдя черезъ Бельгію, и намъ придется сдѣлать это, чтобы предупредить ихъ. Въ этомъ нѣтъ для нея никакого вреда, такъ какъ послѣ мы заплатимъ ей за это, и Люксембургу тоже, большую сумму денегъ.

— Эта ваша собственная идея, или кто-нибудь сказалъ вамъ, чтобы вы играли такъ?—спросила я.

— Никто не говорилъ мнѣ, какъ играть съ этими солдатами. Кто будетъ думать теперь объ этомъ! Но это дѣйствительно случится, всѣ офицеры говорятъ это,—отвѣтилъ мальчикъ.

Я ничего больше не сказала, но не могла не думать о его словахъ, хотя они и относились къ игрѣ; но по всему было видно, что за ними скрывалось что-то серьезное и опредѣленное.

Наконецъ я пришла къ заключенію, что должна написать обо всемъ кому-нибудь, даже рискуя получить выговоръ за то, что вмѣшиваюсь не въ свои дѣла.

Первое время я никакъ не могла рѣшить, кому мнѣ написать.

Я подумала сперва о леди **, благодаря вліянію которой я получила мѣсто въ Германіи. Но ея мужъ умеръ, и я не знала стои-

ло ли обращаться къ ней. Въ ту же ночь, обдумывая всю исторію, мнѣ пришло въ голову, что лучше всего обратиться къ британскому послу въ Берлинѣ сэру Эдварду Гошену, сказавъ ему, кто я, какое я занимаю положеніе, что я слышала въ продолженіи послѣднихъ мѣсяцевъ и какимъ образомъ я это слышала. Конечно, меня осмѣялъ мой старый другъ въ Англіи, который зналъ Германію почти такъ же хорошо, какъ можетъ ее знать посолъ. Но эта игра въ нарушеніе нейтралитета Бельгіи въ то время, какъ вся Европа прилагала старанія, чтобы побудить Австрію и Сербію къ миру, нагнала на меня настоящую панику. Я не знала сэра Эдварда Гошена, или кого-нибудь другого изъ британскаго посольства, но я подумала, что если упомяну имена нѣкоторыхъ моихъ родственниковъ въ Англіи и Америкѣ и разскажу, гдѣ я служила въ прежніе годы, онъ долженъ будетъ оказать мнѣ довѣріе и повѣрить въ честность моихъ намѣреній.

XIII.

Похищеніе письма. — Прекращеніе газетъ.—Маска спадаетъ.—Меня призываютъ къ отвѣту.

Теперь я должна описать одну исторію, въ которой я поступила чрезвычайно глупо.

Свое письмо я написала, вставъ ночью съ постели и въ продолженіи двухъ часовъ составляла и переписывала его. Утромъ, вмѣсто того, чтобы поступить благоразумно и самой отнести письмо на почту, я положила его вмѣстѣ съ другими письмами.

На нижней площадкѣ лѣстницы, которая вела въ башню, стоялъ столъ, куда каждый изъ насъ относилъ письма, которыя отправляли на почту утромъ и вечеромъ. Какъ я уже говорила, уменя не было ни малѣйшаго подозрѣнія, что за мной слѣдятъ, и дѣйствительно до тѣхъ поръ ничего не произошло, что могло бы вызвать ко мнѣ недовѣріе, кромѣ развѣ моего перваго письма въ

Англію. Но теперь я вижу, (какъ я должна была бы видѣть это тогда), что одно то, что я была иностранкой и жила въ домѣ гдѣ говорилось почти открыто о многихъ государственныхъ тайнахъ, дѣлало надзоръ надо мной необходимымъ. И конечно, имя британскаго посла на конвертѣ, должно было возбудить любопытство профессіональнаго сыщика.

Я была очень взволнована этимъ письмомъ и тѣмъ результатомъ, который оно должно было вызвать.

Я ждала извѣщенія отъ посла и надѣялась, что онъ скажетъ мнѣ, что въ международномъ положеніи нѣтъ ничего тревожнаго. День проходилъ за днемъ, не принося никакого отвѣта, и я понемногу стала чувствовать себя оскорбленной его молчаніемъ. Мнѣ казалось обиднымъ, что на мое письмо не обратили никакого вниманія, но я старалась успокоить свою гордость, увѣряя себя, что можетъ быть сэръ Эдвардъ Гошенъ побоялся прислать мнѣ отвѣтъ, чтобы не надѣлать мнѣ безпокойства въ случаѣ, если узнаютъ о немъ.

Мнѣ казалось неправдоподобнымъ, чтобы письмо, адресованное мнѣ, могло возбудить чей-нибудь интересъ въ замкѣ,—что могло конечно, легко случиться въ Берлинѣ и Потс-

дамѣ, гдѣ было немало людей, любящихъ посплетничать. Но таково могло быть предположеніе посла, и исходя изъ этого соображенія у меня въ головѣ пронеслась мысль, что мое письмо къ сэру Эдварду Гошенъ, могло по какой-нибудь причинѣ не дойти до него. Я подумала о шпіонахъ на почтѣ. Я еще не хотѣла думать о домашнихъ сыщикахъ.

Наша жизнь въ замкѣ—продолжала итти такъ же спокойно и однообразно, какъ прежде. Самымъ большимъ событіемъ было то, что принцесса неожиданно перестала мнѣ писать и посылать телеграммы.

У принцессы была привычка, когда я уѣзжала на лѣто съ дѣтьми, писать мнѣ каждую недѣлю короткія англійскія наскоро нацарапанныя письма, а отъ времени до времени болѣе обстоятельныя, написанныя по нѣмецки секретаремъ. Кромѣ того обыкновенно каждую недѣлю приходили на мое имя телеграммы съ разными порученіями, позабытыми въ послѣднемъ письмѣ. Я ждала отъ нея какихъ-нибудь распоряженій къ 17 іюля, но была разочарована; и дѣти не получили отъ нея писемъ. Вмѣсто нихъ пришла телеграмма адресованная всѣмъ тремъ мальчикамъ. Но въ ней не было никакихъ порученій для меня.

24 іюля, фрау Z., имѣла честь получить продиктованное принцессой письмо съ подписью ея высочества. Она гордо показала мнѣ это письмо, такъ какъ это было цѣлымъ событіемъ въ ея жизни. Я знала, что съ тѣхъ поръ, какъ я была въ домѣ, принцесса никогда не писала ей и не диктовала для нея никакихъ, даже самыхъ короткихъ приказаній. Но тѣмъ не менѣе, я не подумала тогда, что поведеніе принцессы очень странно или даже можетъ внушать опасеніе.

Она сообщала фрау Z., что очень страдала отъ нервныхъ головныхъ болей.

Въ тотъ же день я послала ей (обыкновенно я писала ей два раза въ недѣлю), длинный подробный отчетъ объ успѣхахъ и здоровьѣ принцевъ и отважилась написать ей, что я очень опечалена извѣстіемъ, что она больна.

Къ намъ въ замокъ приходило нѣсколько еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ и одна газета изъ Берлина, какъ и въ Шварцвальдѣ, и я болѣе, чѣмъ когда-либо интересовалась новостями. Докторъ и учитель первые брали газеты, какъ только они приходили по утрамъ. Это считается въ Германіи правомъ мужчины. Мнѣ такимъ образомъ оставалась всегда англійская газета и журналъ, которые приходили всегда

очень правильно. Но 28 іюля ни одна газета не была подана. Я спросила о причинѣ, но новый лакей, который былъ въ услуженіи у принцевъ, отвѣтилъ мнѣ, что по неизвѣстной причинѣ не пришла ни одна газета. Я была сильно разочарована и подумала, что произошло какое-нибудь случайное опозданіе поѣзда; и только, когда газетъ не было ни въ ночь, ни на слѣдующее утро, я начала находить это страннымъ. Даже тогда, я не подозрѣвала, что не присылали газетъ изъ-за меня.

Я спросила учителя, что новаго на свѣтѣ, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что не читалъ еще газетъ. Скорѣе всего онъ такъ только говорилъ. Докторъ, сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ спросить на почтѣ, почему намъ не доставлены газеты: но въ тотъ же день, когда онъ пришелъ вечеромъ къ дѣтямъ, онъ извинился, что забылъ сдѣлать это. Онъ сказалъ между прочимъ, что видѣлъ въ продолженіи дня много народу, но никто не разсказывалъ ему никакихъ интересныхъ новостей, поэтому мы можемъ быть увѣрены, что все обстоитъ благополучно. Это всеобщее умалчиваніе было преднамѣренно, и каждый, съ кѣмъ я приходила въ соприкосновеніе въ замкѣ, былъ, очевидно, тайно предостереженъ противъ меня. Даже фрау Z.

была замѣшана въ это дѣло. Ей былъ данъ приказъ задержать меня дома во время моего свободнаго дня. Въ тотъ день она прислала ко мнѣ лакея съ просьбой одолжить ей лѣкарства и придти къ ней самой. Я, конечно, пошла, не чувствуя ни малѣйшаго подозрѣнія. Она жаловалась на скверное самочувствіе и очень просила меня посидѣть съ ней. Я согласилась и стала читать ей вслухъ книгу, которую она дала мнѣ до тѣхъ поръ, пока она не уснула или не представилась спящей.

Я не видѣла ни одной газеты, не получила ни одного письма и не слышала ни одной новости со стороны, съ 28 іюля по 4 августа. Въ этотъ день меня рано утромъ разбудилъ стукъ въ дверь.

Было еще очень рано, только половина седьмого. Моя первая мысль была, что случилось что-нибудь съ дѣтьми, и я очень испугалась, когда увидѣла передъ собой фрау Z.

— Кто-нибудь боленъ изъ дѣтей?—спросила я въ испугѣ.

— Нѣтъ, они здоровы, — отвѣтила фрау Z.—Я пришла вамъ только сказать, что пріѣхалъ графъ фонъ *** (дядя принцессы, который часто бывалъ у насъ въ Потсдамѣ). Онъ пріѣхалъ поздно ночью на автомобилѣ, и желаетъ васъ видѣть, какъ можно скорѣе.

Я была очень испугана.

— Онъ привезъ какія-нибудь скверныя из-

вѣстія о принцѣ и принцессѣ,—спросила я, такъ какъ лицо фрау Z., было встревожено.

— Я не думаю,—отвѣтила она.—Мнѣ кажется, что дѣло касается лично васъ, gnädiges Fräulein, навѣрное какія-нибудь инструкціи отъ принцессы. Его свѣтлость желаетъ васъ видѣть пораньше, такъ какъ онъ долженъ скоро уѣхать и хотѣлъ бы покончить съ дѣломъ, прежде чѣмъ встанутъ дѣти. Мнѣ приказали разбудить васъ самой, а теперь я пойду, и позабочусь о томъ, чтобы васъ не безпокоили. Онъ ждетъ васъ въ бѣлой залѣ, а не въ классной, потому что хочетъ поговорить съ вами, gnädiges Fräulein.

Какъ только она сказала мнѣ, что меня хочетъ видѣть графъ лично въ такой ранній часъ, у меня явилось предчувствіе какого-то несчастья, какого—я не могла понять. Я связала этотъ пріѣздъ графа съ тѣмъ обстоятельствомъ, что принцесса не писала мнѣ больше и старалась догадаться, что такое произошло, за что она разсердилась на меня.

Я одѣлась и, не дожидаясь кофе, спустилась въ ту красивую комнату, которая должна была служить будуаромъ для принцессы, если бы она когда-нибудь пріѣхала въ замокъ. Она была расположена далеко отъ классной и отъ другихъ комнатъ, отведенныхъ дѣтямъ и ихъ маленькой свитѣ.

XIV.

Исчезновеніе письма.—Истина обнаруживается.—Открытіе измѣны.—Военная плѣнница.—Планъ бѣгства.—Свобода и опасность.—Дома.

Я одѣлась очень быстро и думала, что опережу графа, но оказалось, что онъ ужъ ждалъ меня. Графъ — человѣкъ пожилой, здоровый, немного глупый, но самый вѣжливый и сердечный изъ всѣхъ, кого мнѣ приходилось видѣть въ Германіи.

Онъ стоялъ въ будуарѣ у окна, смотря на Рейнъ и сложивъ за спиной свои маленькія жирныя руки. Его красная шея рѣзко выдѣлялась на фонѣ ослѣпительно бѣлыхъ стѣнъ. Онъ былъ немного глуховатъ и не обернулся, пока я не заговорила. Тогда онъ быстро повернулся и поклонился; выраженіе его лица было необычайно серьезно, на немъ не было и слѣда его обычнаго добродушія, и обычной бесмысленной улыбки, которую я

всегда видѣла на его лицѣ, когда онъ обращался къ маленькимъ принцамъ и къ ихъ гувернанткѣ.

— Я пріѣхалъ съ тягостнымъ порученіемъ, — началъ онъ безъ всякаго вступленія.

Онъ говорилъ по-нѣмецки, какъ будто не умѣлъ говорить по-англійски.

— Я здѣсь по просьбѣ моей племянницы, которая обратилась ко мнѣ за совѣтомъ, во время отсутствія своего мужа. Я рѣшилъ лично сообщить вамъ наше рѣшеніе и не посылать сюда постороннято лица. Хотя поѣздка и была для меня очень не во время, но мы рѣшили съ племянницей, что это лучшее, что можно сдѣлать. Fräulein **, мнѣ очень жаль, но я долженъ сказать вамъ, что вы во время тяжелаго испытанія, которое переживаетъ Германія, злоупотребили довѣріемъ принца и принцессы, вашихъ хозяевъ, которые въ продолженіи столькихъ лѣтъ обращались съ вами, какъ съ другомъ.

Я была совершенно ошеломлена его словами и его тономъ. Все закружилось передъ моими глазами, и я испугалась, что упаду. Но вскорѣ я настолько овладѣла собой, что была въ состояніи спросить его, о чемъ онъ говоритъ.

— Я думаю, что это какое-нибудь недоразумѣніе, — сказала я.

— Къ несчастью, это не недоразумѣніе, — отвѣтилъ графъ. — Вы намѣревались выдать секретныя свѣдѣнія врагу нашей страны, а значить и нашего дома. Миссъ **, вы хотѣли извлечь пользу изъ довѣрія, которое было оказано вамъ, и поступили, какъ шпіонъ.

Мнѣ сразу все стало ясно. Я знала, что онъ могъ подразумѣвать только одну вещь — мое письмо отъ 16 іюля къ британскому послу. Я сообразила, что письмо было задержано въ замкѣ же, а не на почтѣ, вскрыто и такъ и не достигло рукъ сэра Эдварда Гошена.

Не думая о томъ, хорошо или дурно я поступаю, я спросила его:

— Вы говорите о письмѣ, которое я написала британскому послу?

— Я не обязанъ отвѣчать на какіе бы то ни было вопросы, и не намѣренъ дѣлать этого, — отвѣтилъ графъ. — Мнѣ поручено увезти отсюда принцевъ и ихъ кузину въ другое мѣсто, гдѣ ихъ встрѣтитъ принцесса; свита ихъ послѣдуетъ за ними немедленно. Принцесса поручила мнѣ сказать вамъ, что она огорчена и возмущена вашимъ поведеніемъ. Ей будетъ очень тягостно встрѣтиться

съ вами и поэтому она рѣшила, что пока вы останетесь здѣсь. Принцесса не обязана поступать такъ послѣ вашего предательства, но она приказала передать вамъ жалованье за прошлый мѣсяцъ и за будущій. Я передамъ вамъ деньги. Вы возвратитесь въ ваши комнаты, не дѣлая попытокъ видѣть дѣтей. Я самъ дамъ имъ нужныя объясненія. А вы должны быть благодарны вашимъ хозяевамъ за то, что они не позволили передать васъ въ руки полиціи, какъ обыкновеннаго шпіона.

Голосъ графа началъ дрожать отъ негодованія въ то время, какъ онъ говорилъ, возбуждая самъ себя своими доводами. Наконецъ, онъ остановился передо мной со сверкающими глазами, какъ разъяренный быкъ.

Это заставило меня забыть, что я не была совершенно невинной, и чувство сожалѣнія и глубокой печали, которое наполнило мое сердце при первыхъ его словахъ, исчезло и дало мѣсто раздраженію и горечи.

Я начала защищаться, доказывая, что я поступала совсѣмъ не какъ шпіонъ. Я узнала вещи, которыя моя родина имѣла право знать и, конечно, чувство патріотизма отодвинуло все остальное на задній планъ. Я не сдѣлала ничего, что могло бы повредить Германіи или дому моихъ хозяевъ.

Все, что я говорила, только раздражало графа. Онъ прервалъ меня, разразившись длинной тирадой противъ Англіи и англичанъ. Всѣ англичане измѣнники. Они всегда были лукавыми змѣями, а теперь, въ своей черной зависти они составили цѣлый заговоръ противъ Германіи. Они подстрекали Россію выступить противъ нихъ. Россія ужъ давно начала мобилизацію своей арміи. Англичане же побудили Бельгію отказать Германіи въ пропускѣ войскъ черезъ ея территорію. Если бы Германія опоздала хоть на одинъ день, то Франція предупредила бы ее въ готовности къ войнѣ.

А теперь Англія сама объявила Германіи войну!

Я слышала это въ первый разъ и сейчасъ же у меня пронеслась въ головѣ мысль, что задержка газетъ была не нечаянной. Я знала теперь, почему прекратились письма принцесы. Я догадалась, что за мной слѣдили въ продолженіи нѣсколькихъ дней и что многіе въ замкѣ, въ томъ числѣ и фрау Z, знали о положеніи дѣлъ.

У меня хватило достаточно силъ, чтобы постоять за свое отечество. Я выразила увѣренность, что для Англіи война была неожиданностью; но что Германія готовилась къ ней. Графъ снова прервалъ меня

и сказалъ, что мои слова лишены всякаго смысла. Посолъ Гошенъ уже давно зналъ о войнѣ. Онъ за недѣлю до объявленія войны отослалъ многихъ своихъ слугъ въ Англію и не нанималъ новыхъ. Это одно было вѣскимъ доказательствомъ, что онъ былъ предупрежденъ своимъ правительствомъ о скоромъ отъѣздѣ изъ Берлина.

Я не могла опровергнуть его словъ, такъ какъ совершенно не знала частной жизни посла; и потому я снова перешла на мои личныя дѣла. Я сказала графу, что если маленькихъ принцевъ увезутъ отъ меня, то и мнѣ нечего дѣлать въ замкѣ. Я не совершила преступленія. Я написала только одно письмо, въ которомъ не было никакого предательства. Никто не имѣетъ права задерживать меня. Я сказала, что возьму деньги только за прошлый мѣсяцъ, и рѣшительно отказываюсь отъ тѣхъ, которыя мнѣ даютъ впередъ.

—Черезъ два часа послѣ отъѣзда дѣтей, я тоже оставлю замокъ, — заключила я.

Графъ тѣмъ временемъ успѣлъ немного успокоиться и пересталъ громить Англію за ея безнравственность. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что по германскимъ законамъ я совершила преступленіе. Если бы я была обыкновенной гувернанткой въ обыкновенномъ домѣ, то

меня отдали бы въ руки полиціи; но теперь, несмотря на все, что я сдѣлала, принцесса оказала мнѣ вниманіе и ради дѣтей хочетъ оказать мнѣ покровительство. Всѣ иностранцы, мущины и женщины, будутъ задержаны и отосланы въ какое-нибудь опредѣленное мѣсто, а мнѣ выпадаетъ на долю гораздо лучшая участь только благодаря вниманію принцессы. Какъ шпіонъ я могу быть арестована; какъ иностранка, я могу быть задержана; вмѣсто всего этого меня будутъ содержать въ замкѣ не какъ арестантку, а какъ человѣка находящагося подъ надзоромъ. Если бы даже мнѣ и позволили сейчасъ же уѣхать, то мнѣ все равно не удалось бы это сдѣлать, такъ какъ всѣ поѣзда заняты подъ мобилизацію. Частное сообщеніе было совсѣмъ прекращено и возобновится не раньше, чѣмъ черезъ нѣсколько недѣль. Но война протянется недолго. Черезъ двѣ недѣли германская армія будетъ у воротъ Парижа, и когда Франція будетъ у ногъ Германіи, побѣдители вернутся назадъ, чтобы встрѣтиться съ Россіей на ея границѣ. Тѣмъ временемъ Австрія будетъ дѣйствовать. Когда кончится война, меня отпустятъ на свободу и я могу тогда ѣхать домой и разсказать о моихъ покровителяхъ все, что мнѣ понравится, но не раньше.

Вся вѣжливость, присущая этому добродушному человѣку, куда-то исчезла, какъ осенніе листья съ деревьевъ при первомъ зимнемъ вѣтрѣ. Я видѣла его такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и еще разъ убѣдилась въ истинномъ характерѣ прусскихъ юнкеровъ.

Мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ сохранить свое достоинство и подчиниться на неопредѣленное время. Я знала, что если бы я и начала протестовать, мнѣ не удалось бы уѣхать, и я предпочла сдѣлать то, что мнѣ предлагали—взять за мѣсяцъ впредъ мое скромное жалованье, которое графъ оставилъ на столѣ. Пожелавъ ему добраго утра, я отправилась въ свою комнату. Мнѣ кажется, что онъ былъ разочарованъ, ожидалъ отъ меня истерики или просьбы хоть разъ взглянуть на дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ счелъ меня безсердечной и неженственной. Но это было вовсе не такъ.

Я бы очень хотѣла посмотрѣть еще разъ на дѣтей, но я была слишкомъ горда, чтобы просить о томъ, въ чемъ мнѣ все равно отказали бы.

Даже фрау Z не посмѣла притти ко мнѣ проститься, хотя я увѣрена, она охотно сдѣ-

лала бы это. Что сказали обо мнѣ дѣтямъ, я не знаю и, вѣроятно, никогда не узнаю.

Послѣднее, что я слышала о нихъ, былъ гудокъ автомобиля, который увозилъ ихъ отъ меня навсегда. Такъ какъ мои окна не выходили въ ту сторону, то я и не видѣла, какъ они уѣхали.

До тѣхъ поръ пока мои маленькіе принцы не уѣхали изъ замка, я не могла обдумать плана моихъ будущихъ дѣйствій; между одиннадцатью и двѣнадцатью часами мнѣ принесли завтракъ. Мнѣ прислуживала чрезвычайно милая дѣвушка, которую звали Маргаритой. Я не сомнѣвалась, что она, какъ и всѣ остальные въ домѣ, была предупреждена о томъ, что я — шпіонъ, за которымъ надо строго слѣдить и обращаться сурово: но тѣмъ не менѣе ея обращеніе со мной было очень симптично.

— Мнѣ сказали, что вы больны, миссъ,— объяснила она,—и потому остались въ замкѣ. Дѣтей же принцесса велѣла отвезти, какъ можно скорѣе домой.

Конечно, это было не такъ далеко отъ истины, какъ кажется съ перваго взгляда.

Я была сильно разстроена всѣмъ происшедшимъ, но ласковыя слова доброй женщины навели меня на счастливую мысль.

Я не стала разубѣждать ее въ томъ, что я

не больна и даже представилась еще болѣе больной, чѣмъ я чувствовала себя на самомъ дѣлѣ. Чтобы доказать это я отказалась отъ завтрака. Маргарита стала относиться ко мнѣ еще болѣе симпатично и указала мнѣ на письмо, лежавшее подъ салфеткой.

Это была записка отъ графа, въ которой онъ сообщалъ мнѣ, что забылъ передать выраженное принцессей желаніе, чтобы мнѣ была предоставлена свобода ходить по всему замку и саду. За ворота я не должна была выходить. Впрочемъ, если бы я даже захотѣла сдѣлать это, добавлялъ графъ отъ себя, то все равно увидѣла бы, что это безполезно. Когда придетъ время, меня проводятъ до голландской границы, тогда же передадутъ мнѣ всѣ письма и газеты, которыя я получила за послѣднее время.

Все, о чемъ я слышала по прибытіи моемъ въ Англію, доказало мнѣ, что я въ сравненіи со многими другими моими соотечественниками, отдѣлалась сравнительно легко. Но въ то время я была полна негодованія и много часовъ потратила на обдумываніе побѣга.

Мои наблюденія кончились и я думаю, что съ ними окончился интересъ къ моей судьбѣ. Поэтому все послѣдующее я разскажу какъ можно короче.

Я не измѣнила своего рѣшенія казаться

какъ можно болѣе слабой и больной; ѣла и пила очень мало, только, чтобы не расхвораться по настоящему и имѣть силы привести свой планъ въ исполненіе. Несмотря на разрѣшеніе; я не выходила изъ своихъ комнатъ, и вслѣдствіе голода, который я добровольно наложила на себя, я сильно похудѣла и поблѣднѣла.

Такъ прошло шесть недѣль моего заточенія и я могла убѣдиться, что въ мою болѣзнь повѣрили. Я увѣрена, что ни одна германская женщина, пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, не могла бы такъ долго голодать. Это и убѣдило всѣхъ.

Пятнадцатаго сентября послѣ полуночи я одѣлась, какъ можно проще и не взявъ съ собой ничего, кромѣ денегъ, дневника и стараго паспорта (изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Италію, который выдали мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ,) я вышла изъ замка. Главнымъ препятствіемъ была старинная парадная дверь замка, у которой было много запоровъ, и ворота: но нѣмцы спятъ крѣпко послѣ пива.

Я счастливо выбралась изъ замка и пошла по направленію къ кладбищу, ближайшему большому городу, держась подальше отъ желѣзной дороги и выбирая боковыя тропинки.

Я знала, что поиски начнутся не раньше восьми часовъ утра, когда мнѣ приносили кофе. Въ шесть часовъ я рѣшила измѣнить свою наружность. Я зашла къ одному крестьянину и подъ предлогомъ проливного дождя купила у него за хорошую цѣну длинный коричневый плащь. Пройдя немного дальше, въ одномъ уединенномъ мѣстѣ я бросила свою шляпу, спрятавъ ее въ кусты, и повязала голову большимъ цвѣтнымъ платкомъ, который я купила въ лавкѣ въ одной деревнѣ. Этотъ нарядъ никакимъ образомъ не могъ возбудить ко мнѣ подозрѣнія, такъ какъ съ перваго взгляда я была похожа на крестьянку. Въ другой лавкѣ я купила зонтикъ, а позже собрала всякій хламъ: халатъ, щетку и гребенку и т. д. и завязала все это въ другой еще большій платокъ, чѣмъ тотъ, который былъ у меня на головѣ. Я хорошо говорила по нѣмецки и это очень мнѣ помогло. Въ полдень я остановилась на постояломъ дворѣ, и сказала хозяйкѣ, что иду въ Кобленцъ проститься съ своимъ братомъ, солдатомъ, который идетъ на войну во Францію. Къ счастію я знала, какой полкъ тамъ стоялъ, и моя исторія была очень правдоподобна.

Я шла весь день и часть ночи, останавливаясь только, чтобы поужинать или отдох-

нуть. Слѣдующій день прошелъ также. Наконецъ, я достигла Кобленца, который былъ полонъ солдатами; тамъ я услышала новости о германскихъ успѣхахъ, но старалась не придавать имъ вѣры.

Въ Кобленцѣ, отдохнувъ сутки я сѣла на пароходъ, въ третій классъ. Я не посмѣла взять билетъ до Роттердама, боясь возбудить подозрѣніе. Дѣйствительно, зачѣмъ могло понадобиться нѣмецкой крестьянкѣ ѣхать въ Голландію? Поэтому я взяла билетъ до Эммериха, пограничнаго съ Голландіей города. Тамъ я купила шляпу и бросила свой плащъ. Что касается моего узелка, то я замѣнила его дешевой дорожной сумкой.

Я рѣшилась сойти за американскую туристку, задержанную войной въ Германіи. Мой паспортъ хотя и старый, былъ выданъ на мое имя и къ нему была приложена печать въ Вашингтонѣ.

Я пережила одинъ ужасный моментъ, когда мнѣ пришла въ голову странная мысль, что принцъ и принцесса могли дать знать полиціи о моемъ бѣгствѣ изъ замка: но потомъ я успокоилась. Власти Эммериха оказались неосвѣдомленными на этотъ счетъ.

Послѣ многочисленныхъ формальностей, которыя требовались военными властями я

покинула маленькій тихій городокъ и доѣхала по рѣкѣ до Роттердама.

Пріѣхавъ туда, я проболѣла дней пять, сидя въ маленькомъ мрачномъ отелѣ, приспособленномъ для матросовъ.

Въ октябрѣ я добралась до Лондона съ пустыми руками. У меня не было ничего кромѣ дневника и воспоминаній о моей пятилѣтней службѣ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

МОСКВА, Б. Никитская, 24. Тел. 77-52 и 1-77-14.

«БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ».

При ближайшемъ участіи **Ю. И. Айхенвальда, Ю. А. Веселовскаго, П. С. Когана, Л. Козловскаго и В. М. Фриче.**

Приступая къ изданію настоящей библіотеки, к-ство **«Современныя Проблемы»** задается цѣлью ознакомить русскую читающую публику съ лучшими образцами творчества западно-европейскихъ писателей, при чемъ главное вниманіе будетъ удѣлено одной изъ высшихъ формъ литературнаго творчества: **роману.** Каждый томъ будетъ снабженъ критическимъ очеркомъ, посвященнымъ данному писателю.

Книга I. **Германъ Гессе.** Петеръ Каменцидъ, Романъ. Переводъ съ 50-го нѣм. изд. съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 руб.

«Все это разсказано у Гессе красиво, поэтично, съ любовью и лаской и во всемъ этомъ такъ много человѣческаго содержанія и той внутренней жизни, которая гораздо реальнѣе жизни внѣшней». Изъ предисловія Айхенвальда.

«Романъ этотъ овѣянъ чарами своеобразнаго и властнаго лиризма... Онъ нерѣдко заставляетъ думать о Гамсунѣ. Тотъ же лиризмъ и чисто субъективное настроеніе, тотъ же паѳосъ и свободная непринужденность манеры, допускающая смѣлыя обращенія и неожиданныя отступленія. По-гамсуновски вдохновенны нѣкоторыя картины природы. Много тонкаго и поэтичнаго».

(Викторъ Гофманъ. «Рѣчь» 1910. № 45).

Книга II. **Колетта Иверъ.** Королевы науки. Романъ. Съ критическимъ очеркомъ П. С. Когана.

Перев. съ 34-го франц. изд. Ц. 1 р. 50 к.

«Прекрасный романъ Колетты Иверъ о страданіяхъ боровшейся и побѣжденной женщины-личности—но-

вый документъ, свидѣтельствующій о безсиліи современнаго общества разрѣшить стоящія передъ нимъ проблемы».

Изъ предисловія Когана.

«Романъ читается съ интересомъ и отвѣчаетъ на нѣкоторые вопросы современности».

(«Утр. Рос.», 1910, № 108).

Книга III. **Ж. Рони.** Въ сѣтяхъ жизни. Ром. Съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга IV. **Пьеръ Милль.** Пробужденіе души. Съ крит. очеркомъ Л. Козловскаго. Цѣна 1 руб.

Книга V. **Анри де-Ронье.** Полуночная свадьба. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. А. Веселовскаго.

Густавъ афъ-Гейерстамъ. Полное собраніе сочиненій.

Т. 1. Комедія брака. Ром. 3-е изд. Съ вступ. статьей Ю. А. Веселовскаго. Ц. 1 руб.
» 2. Роковыя силы. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
» 3. Голова медузы. Ром. Ц. 1 р.
» 4. 1) Вѣчная загадка. 2) Маленькій Свенъ. Два романа. Ц. 1 р. 25 к.
» 5. Власть женщины. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
» 6. Трагедія одной жизни. Ром. Ц. 1 р.
» 7. Мать и сынъ. Романъ. Ц. 1 р.
» 8. Въ туманѣ жизни. Ром. Ц. 1 р.
» 9. Мечты и дѣйствительность. Ром. Ц. 1 р.
» 10. Борьба душъ. Ром. Ц. 1 р.
» 11. Братская ненависть. Ром. Ц. 1 р.

«У насъ еще сравнительно мало знаютъ шведскаго писателя Гейерстама, но вскорѣ не только узнаютъ, но и полюбятъ. Это удивительно тонкій, нѣжный, трогательный писатель. Сочетаніе Мопассана съ Флоберомъ. Почти въ каждомъ романѣ онъ касается вопросовъ семьи и брака, вездѣ и всюду подводитъ мины подъ вѣковые предразсудки, на которыхъ бракъ этотъ покоится, но дѣлаетъ это съ удивительной мягкостью.

Жоржъ-Карлъ Гюисмансъ. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Бездна. Ром., ц. 1 р. 50 к. Конфискованъ.
» 2. Изъ бездны къ небу. Ром. Ч. I, ц. 1 р.
» 3. Изъ бездны къ небу. Ром. Ч. II, ц. 1 р.

«Гюисмансъ видитъ вещи, какъ никто ихъ не ви-

дѣлъ, такъ какъ никто не былъ одаренъ такимъ острымъ, сверлящимъ, яснымъ взоромъ, способнымъ уловить мельчайшія складки на лицѣ, мельчайшія подробности архитектурныхъ украшеній».

Реми дé-Гурмонъ.

Бласко Ибаньесъ. Полное собраніе соч.
Единств. разр. автор. пер.

Т. 1. Проклятый хуторъ. Ром., цѣна 1 р.
» 2. Мертвые повелѣваютъ. Ром., ц. 1 р. 25 к.
» 3. Дикая орда. Ром., ц. 1 р. 50 к.
» 4. Винный складъ. Ром., ц. 1 р.
» 5. Куртизанка Сонника. Ром., ц. 1 р.
» 6. Въ апельсинныхъ садахъ. Ром., ц. 1 р.
» 7. Толедскій соборъ. Ром., ц. 1 р.
» 8. Майскій цвѣтокъ. Ром., ц. 1 р.
» 9. Дѣтоубійцы. Ром., ц. 1 р.
» 10. Осужденная. Разсказы, ц. 1 р.
» 11. Луна Бенаморъ. Ром. Печальная весна и др., цѣна 1 р.
» 12. Обнаженная. Ром., 1 р. 50 к.
» 13. Безшабашная жизнь. Ром., ц. 1 р. 50 к.
» 14. Востокъ, цѣна 1 р. 50 к.
» 15. Кровавая арена. Ром., ц. 1 р. 50 к.

...«Не задумываясь, мы признаемъ за литературною дѣятельностью Ибаньеса большое общественное и художественное значеніе и отводимъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ испанскихъ беллетристовъ»...

Проф. **Шепелевичъ.**

«Бласко Ибаньесъ, несомнѣнно — большой и сильный писатель. Это—романистъ и творецъ типа Бальзака и Золя, съ широчайшимъ захватомъ жизни и современности, съ поразительнымъ знаніемъ самыхъ разнообразныхъ сферъ и закоулковъ общества, съ непостижимымъ для обыкновеннаго человѣка жизненнымъ опытомъ, дающимъ ему возможность создавать сотни разнородныхъ людей, при чемъ всѣ выходятъ равно автономными, живыми и правдивыми».

Викторъ Гофманъ.

Марія Конопницкая. Собраніе сочиненій.
Авторизованный переводъ.

Т. 1. На Нормандскомъ берегу. Ц. 1 р.
» 2. Мендель Гданскій. Ц. 1 р.

Т. 3. Милосердіе общины и др. Ц. 1 р.
» 4. Панъ Бальцыръ изъ Бразиліи. Поэма. Ц. 1 р. 50 к.

«Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его геніальнымъ, и онъ безъ сомнѣнія достигалъ геніальности больше, чѣмъ у кого-либо. Она была могучей въ настоящемъ смыслѣ этого слова».

Казиміръ Тетмайеръ.

Томасъ Маннъ. Собраніе сочиненій. 5 томовъ.
Т. 1. Фіоренца. Фридеманъ. Жажда счастья. Ц. 1 р.
» 2. Новеллы. Ц. 1 р.
» 3. Семейство Будденброковъ. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
» 4. Паденіе одной семьи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
» 5. Смерть Венеціи. Ц. 1 р.

Изъ отзывовъ печати.

«Томасъ Маннъ, идя вслѣдъ за Фр. Ницше, является единственнымъ развившимся въ могучую «законченную величину».

Генрихъ Маннъ. Собраніе сочиненій. 10 томовъ.
Т. 1. Діана. Ром. Переводъ и предисловіе прив.-доц. В. М. Фриче, 3-е изд., ц. 1 р.
» 2. Минерва. Ром. 2-е изд., ц. 1 р.
» 3. Венера. Ром. 2-е изд., ц. 1 р.
» 4. 1) Мелкій бѣсъ. Романъ. 2) Мнанись и Джинерва. Новеллы, ц. 1 р.
» 5. Въ погонѣ за любовью. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
» 6. 1) Чудесное. 2) Актриса. Ц. 1 р.
» 7. Романъ изъ жизни свѣтск. людей. Ц. 1 р. 50 к.
» 8. Мечты и жизнь. Ром., ч. I, ц. 1 р. 25 к.
» 9. Мечты и жизнь. Ром., ч. II, ц. 1 р. 25 к.

«Едва ли какой другой писатель столько интересовался когда-либо проблемой искусства, какъ Генрихъ Маннъ. Съ первыхъ же шаговъ искусство стало одной изъ главныхъ темъ его творчества. Отношеніе жизни и искусства, ихъ взаимное и нерѣдко роковое вліяніе, типичная трагедія художника и его идеальный типъ—все это глубоко и вдохновенно отражено и разработано Манномъ».

Викторъ Гофманъ.

«Когда съ чувствомъ стыда мы отрываемся отъ восхищенія старыми образцами искусства и посмотримъ на его (Манна) книги, въ насъ рождается надежда, что и мы будемъ вѣчно жить въ гордыхъ созданіяхъ искусства».

Гансъ Бранденбургъ.

Леонъ Перецъ. Собраніе сочиненій.

Единств. разрѣшен. автор. пер.

Т. 1. Изъ устъ народа. Ц. 1 р.
» 2. Сказанія вѣрующаго. Ц. 1 р.
» 3. Время. Ц. 1 р. 25 к.
» 4. Адамъ и Ева.

«Своеобразно направляетъ авторъ свое творчество. Онъ и символистъ, и реалистъ, и романтикъ, и публицистъ, тѣмъ не менѣе всюду видна глубокая любовь къ своему народу, страданія и жизнерадостн. душу котораго онъ изображ. съ чуткостью тонкаго психолога, изучившаго мельчайшія проявленія человѣческой души».

Владиславъ Реймонтъ. Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Т. 1. Мужики. Часть I и II. Ром., ц. 1 р. 50 к.
» 2. Мужики. Часть III. Ром., ц. 1 р.
» 3. Мужики. Часть IV. Ром., ц. 1 р. 25 к.
» 4. Мечтатель. Романъ, ц. 1 р.
» 5. Земля обѣтованная. Ром. Ч. I, ц. 1 р. 50 к.
» 6. Земля обѣтованная. Ч. II, ц. 1 р. 50 к.
» 7. Смерть города. Ц. 1 р.

«Мужики» Реймонта, это—одно изъ самыхъ художественныхъ воплощеній «власти земли», и русскій читатель найдетъ у польскаго писателя цѣлый рядъ картинъ къ философскимъ обобщеніямъ Глѣба Успенскаго».

Л. Козловскій.

Михаилъ Сивачевъ. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Прокрустово ложе. Кн. 1-я, ц. 1 р.
» 2. Прокрустово ложе. Кн. 2-я, ц. 1 р.
» 3. Цвѣты земли и неба, ц. 1 р. 25 к.

«Въ этой книгѣ («Прокрустово ложе») разсказана исторія жизни и мысли,—исторія исканій, житейскихъ и литературныхъ, больного литератора изъ рабочихъ, представляющая громадный общественный интересъ».

«Книга эта—крикъ раненаго и растянутаго, какъ говоритъ авторъ, на прокрустовомъ ложѣ человѣка,—и именно поэтому она—не пасквиль. Не пасквиль она еще и потому, что люди, которыхъ она шельмуетъ—лишь иллюстрація. Ими Сивачевъ лишь иллюстрируетъ жизнь и отборъ человѣчества, интеллигенцію».

«Русскія Вѣдомости», 1910 г.

Августъ Стриндбергъ. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Исповѣдь глупца. Ром., 3-е изд. Ц. 1 р.
» 2. Адъ. Ром. Съ пре[illegible] В. М. Фриче. 2-е изд. Ц. 1 руб.
» 3. На шхерахъ. Ром. [illegible]. Ц. 1 р.
» 4. Утопія въ дѣйстви[illegible]и. Новеллы. 2-е изд. Ц. 1 руб.
» 5. Красная комната. [illegible] изъ жизни художн. и писателей. Ц. 1 р. 25 ...
» 6. Чандала. Ром. Ц. 1 р. 2-ое изд.
» 7. Готическія комнаты. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
» 8. Сынъ служанки. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
» 9. Историческія драмы. Ц. 1 р. 25 к.
» 10. Трагикомедія брака. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 коп.
» 11. Романтичный пономарь. Разрывъ, повѣст. Ц. 1 р.
» 12. 1) Легенды. 2) Графиня Юлія. Ц. 1 р.
» 13. Развитіе одной души. Романъ. Мастеръ Улофъ. Драма. Ц. 1 р. 25 коп.
» 14. Пляска смерти. Одиночество. Самумъ. Отецъ. Ц. 1 р. 25 коп.
» 15. Черныя знамена. Ром. Ц. 1 р. 25 коп.

«Переводъ произведеній Стриндберга, несомнѣнно, обогатитъ русскихъ читателей знакомствомъ съ яркимъ и своеобразнымъ талантомъ. Стриндбергъ всегда силенъ и оригиналенъ. Неподдѣльный блескъ его дарованія, чуждаго модныхъ уловокъ и разсчитанныхъ эффектовъ, привлекаетъ даже тогда, когда читатель, подавленный тяжелыми картинами патологической психологіи, чувствуетъ непреодолимую потребность вырваться изъ цѣпкихъ сѣтей мизантропическаго міросозерцанія автора».

«Современный Міръ».

«Стриндбергъ—представитель реализма въ шведской литературѣ. Но этотъ реализмъ своеобразный: необычайно одухотворенный и гибкій, приближающій къ новѣйшей манерѣ письма. Его разсказъ увлекателенъ, изображенія выпуклы и живы, а наивная откровенность языка и умилительная искренность напоминаютъ другого болѣе молодого изъ скандинавскихъ писателей, общаго любимца, Кнута Гамсуна.

«Рѣчь».

Бернаръ Шоу. Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. 1) Справочникъ Разрушителя. 3) Цезарь и Клеопатра. Ц. 1 р.

Т. 2. Человѣкъ и Сверхчеловѣкъ. Ц. 1 р. 25 к.
» 3. 1) Врачъ на распутьѣ. 2) Сила женщины. Ц. 1 руб.
» 4. Неразумный бракъ. Ром., ц. 1 р. 50 коп.
» 5. Очерки, ц. 1 р. 50 к.
» 6. Солдатъ изъ арміи спасенія, ц. 1 р.
» 7. Карьера одного борца. Ром., ц. 1 р. 50 к.
» 8. У жертвенника искусства. Ром., ч. I, ц. 1 р.
» 9. У жертвенника искусства. Ром., ч. II, ц. 1 р.

«Весьма талантливый, интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемѣріе современнаго общества».

Левъ Толстой.

Жоржъ Экоутъ. Собраніе сочиненій.

Переводъ съ французскаго, разрѣш. авторъ.

Т. 1. Изъ міра «Бывш. людей». Ром. Ц. 1 руб.
» 2. Жажда любви. Ром. ц. 1 р.
» 3. Защитникъ бездомныхъ. Ром., ц. 1 р. 25 к.

«Жоржа Экоута я охотно назвалъ бы бельгійскимъ Горькимъ, настолько онъ рѣзокъ и мучительно правдивъ въ своихъ разсказахъ».

Иванъ Жилькенъ.

«Жоржъ Экоутъ является въ средѣ избранныхъ умовъ по преимуществу мужественнымъ умомъ, который сильнѣе всего захватываетъ читателя».

Рашильдъ.

Ш. Я. Абрамовичъ. (Менделе-Мойхеръ Сфоримъ). Собраніе сочиненій.

Т. 1. Въ долинѣ плача. Ром. Ч. I., ц. 1 р.
» 2. Въ долинѣ плача. Ром. Ч. II., ц. 1 р.

«Для Менделе-Мойхеръ Сфоримъ открытъ весь еврейскій міръ и, объѣзжая его, онъ разворачиваетъ передъ читателемъ огромное полотно, грандіозную панораму изъ жизни цѣлаго народа, движущагося, точно муравейникъ, по однимъ ему свойственнымъ законамъ и путямъ. Не ищите здѣсь типовъ, характеровъ. Здѣсь дано нѣчто большее: цѣлое поколѣніе, цѣлая эпоха изъ исторіи коллектива, и дано это съ потрясающимъ реализмомъ, ставящимъ васъ въ центрѣ перспективы. Здѣсь матеріальный бытъ нарисованъ съ такой обнаженностью, которая даетъ формулы и выводы научно мыслящему

экономисту, картина нравовъ поразитъ этнографа, а умственный и культурный складъ дастъ неисчерпаемый матеріалъ для ученаго психолога»...

»Разсвѣтъ».

Шоломъ Алейхемъ. Собраніе сочиненій. Переводъ съ еврейскаго разрѣш. авторомъ.

Т. 1. Дѣти «черты». Кн. перв., 3-е изд., ц. 1 р.
» 2. Дѣти «черты». Кн. втор., 2-е изд., ц. 1 р.
» 3. Маленькіе люди. 2-е изд., ц. 1 р.
» 4. Записки коммивояжера, 2-е изд., ц. 1 р.
» 5. Неунывающіе, ц. 1 р.
» 6. Похожденія неудачника, ц. 1 р.
»7. Въ мірѣ звуковъ. Два романа, ц. 1 р. 25 к.
» 8. Лѣтнія услады, ц. 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати.

«Въ книгѣ Шоломъ-Алейхема найдется много весьма поучительнаго, краснорѣчиваго, во многихъ отношеніяхъ,—новаго для нашей публики».

Юрій Веселовскій.

Германъ Бангъ. Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. Михаэль. Ром., ц. 1 р.
» 2. Его превосходительство. Ром., ц. 1 р.
» 3. Тинэ. Ром., ц. 1 р.
» 4. Графиня Урне. Ром., ц. 1 р.
» 5. Погибшія мечты. Ром., ц. 1 р. 25 к.
» 6. Романъ сестры милосердія, ц. 1 р. 25 к.
» 7. О любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть, ц. 1 р.
» 8. Четыре дьявола. Ром., ц. 1 р.
» 9. На пути. Ром., ц. 1 р.
» 10. Дряхлѣющій вѣкъ. Ром., ц. 1 р.

...«Если итти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, конторый съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, о любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть».

Современный Міръ № 11, 1907 г.

Піо Бароха. Собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Т. 1. Путь къ совершенству. Ром. 1 р. 25 к.
» 2. Красная заря. Ром., ц. 1 р. 50 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Собраніе сочиненій.
Т. 1. 1) Сюнневе Сольбаккенъ (Пов.) 2) Когда цвѣтетъ молодой виноградъ. (Комедія), ц. 1 р.
» 2. 1) Одинъ день. 2) Волосы Авессалома. 2) Перчатка, ц. 1 р.
» 3. Рыбачка. Ром., ц. 1 р.
» 4. Единобрачіе и многобрачіе. Марія Шотландская. Банкротство, ц. 1 р. 25 к.
» 5. Новобрач. Леонарда. Арне, ц. 1 р.
» 6. Молодая жизнь. Ром., ц. 1 р.
» 7. По Божьему пути. Ром., ц. 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати.

«Для русскаго образованнаго общества Бьернсонъ особенно интересенъ своими положительными типами, т.-е. какъ разъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ. Тѣмъ, чего наши, даже самые выдающіеся, писатели никакъ не могутъ создать, несмотря на всѣ свои старанія.

Д. Городецкій. («Р. Сл.»).

Яковъ Вассерманъ. Собраніе сочиненій.
Т. 1. Золотое зеркало, ц. 1 р. 50 к.
» 2. Измѣна идеалу. Романъ, ч. I, ц. 1 р.
» 3. Измѣна идеалу. Романъ, ч. II, ц. 1 р. 25 к.
» 4. Вторая молодость. Романъ, ц. 1 р.
» 5. Три женщины. Новеллы, ц. 1 р.

Вассерманъ—истинный поэтъ.

Г. Брандесъ.

«Вассерманъ—мастеръ, артистъ слова. Онъ—лирикъ, умѣющій находить убѣдительныя слова для еще только зарождающихся, еще не оформившихся настроеній и чувствъ.

С. Люблинскій.

Томасъ Гарди. Собраніе сочиненій.
Т. 1. Настоящая женщина. Ром. ч. I, ц. 1 р. 25 к.
» 2. Настоящая женщина. Ром. ч. II, ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Гаузенштейнъ. Нагота въ искусствѣ, съ 150 иллюстраціями.

Изображеніе нагого человѣка, (наготы) является центральнымъ пунктомъ всѣхъ художественныхъ произведеній. Въ этой книгѣ представлена въ многочисленныхъ иллюстраціяхъ вся исторія воспроизведенія нагого человѣка съ первыхъ подражаній, иска-

ній некультурныхъ народовъ до эпохи современнаго высоко развитаго искусства. Искусство египтянъ, грековъ, романской и готической эпохъ, ренессанса, расцвѣтъ искусства въ Голландіи, рококо, современное французское и нѣмецкое искусство,—все это представлено въ этой книгѣ, и книга эта объясняетъ намъ, какъ измѣнялся идеалъ красоты съ каждымъ столѣтіемъ. Теперь, когда мы опять возвращаемся къ естественному развитію тѣла и когда послѣ долгаго односторонняго пониманія рисунка стали вникать въ самую сущность его, эта книга имѣетъ существенное значеніе. Цѣна 2 рубля.

Его же. Искусство Рококо, съ 80 снимками съ эстамповъ, гравюръ и картинъ.

Живо и занимательно разсказываетъ Гаузенштейнъ о жизни и произведеніяхъ художниковъ Рококо. Въ то же время онъ указываетъ на лучшія страницы приблизительно 100 книгъ того времени, и воспроизводитъ ихъ въ натуральную величину. Благодаря этимъ картинамъ, получается очаровательная картина общественной и частной жизни того времени. По своей художественности и документальности, эта книга является цѣннымъ трудомъ по исторіи культуры. Цѣна 1 р. 50 коп.

Д-ръ Бредтъ. Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. Съ 76 рисунками.

Ни одинъ вопросъ въ искусствѣ такъ сильно не волновалъ общественное мнѣніе, какъ вопросъ, который разбираетъ въ нашей книгѣ д-ръ Бредтъ. Не предрѣшая вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, авторъ стоитъ на чисто художественной точкѣ зрѣнія, что все дѣйствительно прекрасное должно служить объектомъ для художника. Свою книгу авторъ иллюстрировалъ прекрасными снимками съ художественныхъ произведеній, которыя чаще всего вызывали обсужденіе вопроса, взятаго заголовкомъ для нашей книги. Успѣхъ книги заграницей, разошедшейся тамъ въ теченіе полугода въ количествѣ 25 тысячъ, служитъ прекраснымъ показателемъ ея достоинствъ. Цѣна 1 р. 50 к.

стрированныя книги. Общее воспитаніе характера въ раннемъ дѣтствѣ. Ручной трудъ мальчиковъ. Роль практической работы при воспитаніи дѣвочекъ. Художественное воспріятіе. Ребенокъ-рисовальщикъ. Ребенокъ-скульпторъ. Пробужденіе музыкальнаго чувства. Ученическіе концерты. Ребенокъ и сцена. Ученическіе спектакли. Дѣтское чтеніе. Ребенокъ и внѣшній міръ. Ребенокъ и природа. Гимнастика для мальчиковъ. Гимнастика для дѣвочекъ. Игры на открытомъ воздухѣ.

Спортъ. Хороводы и общественные танцы. Художественный танецъ. Общее воспитаніе характера. Производительный трудъ и его воспитательное значеніе. Нравственное воспитаніе юношества. Соціальное воспитаніе ребенка. Изъ исторіи педагогики. Фребель и его созданіе—дѣтскій садъ. Основные вопросы школы. Новѣйшіе методы обученія. Совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола. Школьная гигіена. Семья и школа. Народная школа. Воспитаніе сиротъ. Исправительныя заведенія. Дѣтскія убѣжища. Каникулярныя экскурсіи. Лѣсныя школы. Глухонѣмой ребенокъ и его образованіе. Слѣпыя дѣти. Слабоумныя дѣти. Воспитаніе и образованіе калѣкъ и ортопедія.

Большой томъ въ 950 стр. текста съ многочисленными иллюстраціями. Цѣна въ изящномъ переплетѣ 4 руб.

Кн-во „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ".

МОСКВА, Б. Никитская, 24.

Книгоиздательство „Современныя Проблемы" принимаетъ порученія и. авторовъ на печатаніе, изданіе и распространеніе ихъ произведеній на выгодныхъ условіяхъ. За подробностями просятъ обращаться по вышеуказанному адресу.

Цѣна 1 р. 25 к.

Тип. Акц. О-ва «Московск. Издательство».